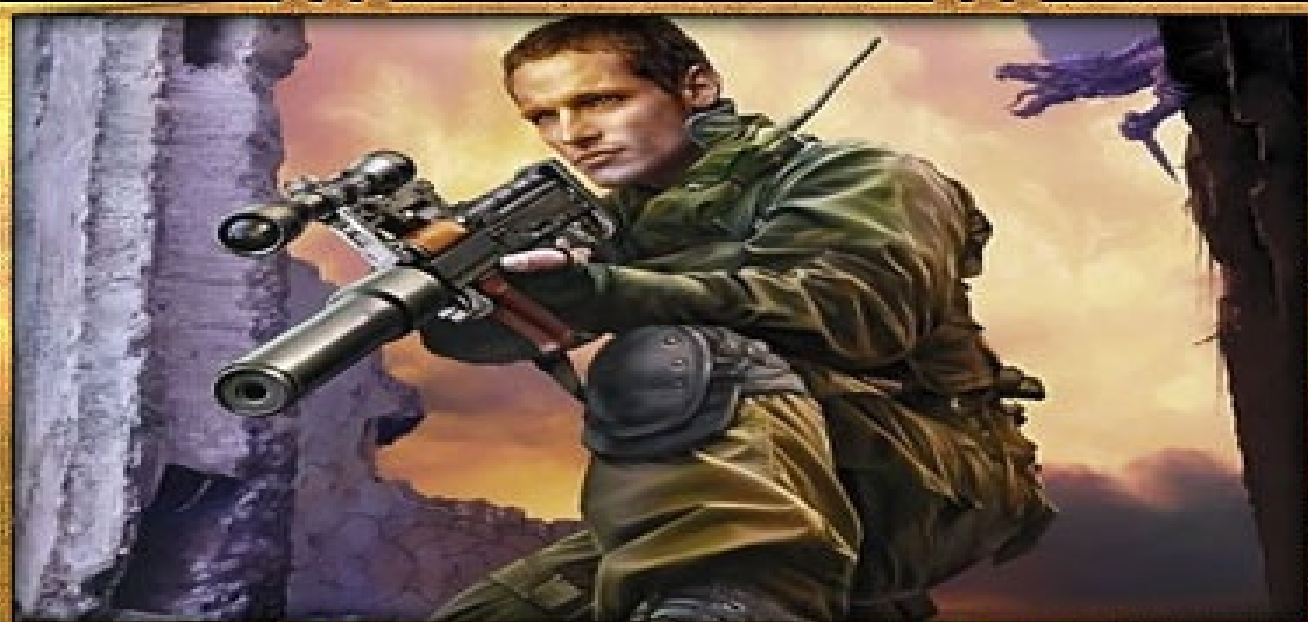

**АЛЕКСАНДР
САМСОНОВ**

**Добро пожаловать
в Накки-ярви**

2017

Annotation

После неудачной секретной операции в одной из азиатских стран Сергея Рябова срочно отправили в отпуск, а отдых зимой обычно предполагает скуку и уныние. Да только отпуск у Сергея отдыхом назвать сложно. Съездил домой отдохнуть, да так, что изменилась вся дальнейшая жизнь.

Александр Самсонов

Добро пожаловать в Накки-ярви

Глава 1. Работа, есть работа

Передвигающиеся по склону долины люди казались маленькими муравьями. Зелено-коричневые камуфлированные костюмы почти сливались с окружающей местностью и иногда просто исчезали в светотенях горного пейзажа. До выхода на назначенный рубеж оставалось достаточно времени, но график графиком, а запас из десятка минут пригодится всегда. Всякое может произойти в горах, к тому же на чужой территории, где официально нас нет, а тут еще на душе гадостное ощущение какой-то предстоящей неприятности. Под словом «неприятность» подразумевается провал операции. Кто-то красиво сказал, что для спецназа нет не решаемых задач, но это всего на всего лишь красивая фраза для амбиционных негодяев и сладкоголосых дураков. А приближающиеся к границе горного плато люди таковыми не считались — дураки, дилетанты и слабаки отсеивались сразу же, кто — без выслуги лет на «гражданку» или обратно к старому месту службы, а кто и в могилу. Специальное подразделение отдела «П» при Генштабе Министерства Обороны выполняло свою «работу» всегда негласно и очень аккуратно, ведь специфика его деятельности шла вразрез со всеми уставами, законами и международными соглашениями, и это — при острейшей конкуренции со смежными «конторами». Нас нет даже в штатном расписании отдела, все мы числимся на различных должностях в разных воинских частях и организациях министерства и в данный момент официально находимся на тренировочных сборах при Центральном Спортивном Клубе Российской Армии. Где-то в маленьком гарнизоне под Архангельском уже несколько лет пустует мое кресло начальника физической подготовки полка, а зарплата и командировочные исправно перечисляются на пластиковую карту, как офицера, находящегося в длительной командировке.

Короткий писк рации дал знать, что наблюдатели заняли позиции по краю склона и приступили к визуальному контролю к подступам в долину. Открытого выхода в эфир не предусматривалось до окончания операции, по этому по накатанной схеме пользовались набором простых сигналов: нажал «вызов» один раз — выполнено такое-то действие, два раза — следующее, три — последующее, и так далее в различных комбинациях. Примитивно, но надежно.

За спиной громко засопел Ходуля, пытаюсь обратить на себя какое-то внимание. Для его группы задача стояла специфическая. Несколько «клиентов» обездвиженных специальным препаратом ожидали своей очереди в сложном плане операции, а Генка Ходков должен обеспечить этот этап. Не поворачиваясь, показываю кулак, и сопение тотчас прекратилось. Глупых пустопорожних разговоров мне не нужно, а по делу доклад последовал бы мгновенно. Осторожно спускаюсь к самому склону, где в ожидании моей команды неподвижными валунами застыли бойцы передовой группы, той самой, которую сегодня возглавляю я. Обычно этими головорезами командует Хек, но на этот раз его пришлось поставить на другое место.

Время отсчитывает последние минуты, а я пытаюсь просчитать все возможные и невозможные варианты действий. Мрачные мысли царапают нервы, и успокоить их пока не получается. Что-то не складывается, чую всеми фибрами души, а где при подготовке операции допущена ошибка не понять. Фотографии, переданные со спутника, казались чуть размытыми, хотя умники из управления Военно-Космических Сил клялись, чуть ли стуча не пятками себя в грудь, что смазанным получился только участок долины и местности вокруг

нее, а остальное можно рассмотреть без труда. Тогда прождали несколько суток для повторных съемок, но каждый раз получалось то же самое. Смогли кое-что уточнить с помощью визуального наблюдения, но не все. Хорошо, что все сторожевые посты смогли выявить, а что нас ожидает в самой долине, круглой как кастрюля, удалось узнать не много. Но бог с ней, с этой аэрофотосъемкой, за несколько дней, пока ждали Ходулю с грузом, смогли поднакопить достаточно информации и провести некоторую подготовительную работу. Только вот не в правилах нашей команды слишком долго «тусоваться» вблизи объекта интереса — специфика не позволяет. А тут еще одно отступление от привычного стиля работы: в отряде аж три чужака! Мутные какие-то, другим словом и не назовешь. «Пиджак» с лицом классического «ботаника», ему б в НИИ сидеть и на крысах лабораторные опыты ставить, а не по азиатским горам лазать. С ним, как привязанные, два деателя из ГРУ, а это — совершенно другая епархия, с нашими делами не связанная. Все это навевало отнюдь не веселые мысли, скорее — печальные. При таком раскладе мы исполняем роль «мяса», а точнее, нашими руками и жизнями берется добыча, а мы с этого имеем шиш с маслом, ну, еще кучу всяких неприятностей.

Прозвучал третий сигнал — все на исходных рубежах, но до начала осталось несколько минут. По привычке оглядываю ребят, но именно — по привычке, предстоящие действия в долине расписаны и натренированы до автоматизма. Одним глазом кошу на циферблат, не выпуская из поля зрения небольшую деревню — нашу главную цель. Часы, как и все остальное на нас, обезличены, чтобы, не дай бог случись что-либо непредвиденное, нашу принадлежность определить не представлялось возможным.

— Товарищ майор. — Из-за спины донесся голос «пиджака», дай бог памяти — Семена Исааковича Гершвица. — Вон тот дом на возвышении. По моим предположениям именно там находится интересующий нас объект.

Глазастый, однако. С разных сторон подобралась поближе оба гэрэушника, которые демонстративно контролировали каждый шаг яйцеголового балласта. Эта сладкая парочка настораживала больше всего. В них явно ощущалось умение, по повадкам и манере держаться опытный взгляд сразу определит профессионалов высшего класса, из тех, что в одиночку пехотный батальон на портянки распластает, «волкодавы» — одним словом. Но эти в бой не лезут, с «пиджаком» носятся, как курица с яйцом, но мы-то тоже не пальцем деланные, нутром ощущая их равнодушные взгляды, словно нас уже нет, словно мы упакованы в цинковые ящики груза «двести». От такого предчувствия и лезут в голову дурные мысли, а на сердце тяжесть предстоящих непоправимых потерь.

Время! Первыми под убойный огонь снайперов попали собаки, прикормленные около сторожевых постов. Следующими выстрелами уложили часовых и секреты. Группа захвата слетела вниз за считанные секунды, пока снайпера выбивали все, что имело неосторожность шевельнуться или находиться на пути к объекту. Металлическое клацанье затворов оказалось самым громким звуком, слышным этим утром в кишлаке. Глушители, рассчитанные на двадцать-тридцать выстрелов, еще держали какой-то ресурс, но все прекрасно понимали, что через несколько секунд утро взорвется грохотом стрельбы и если сейчас не положим как можно больше возможных противников, то нет гарантии на скоротечный исход операции.

Абориген в расстегнутом халате и непокрытой лысой башкой сунулся из дверного проема и мгновенно исчез. Все. Сейчас пойдет самое веселье — рафай будут биться до последнего. С секундной задержкой вслед за аборигеном полетела граната. Конечно,

американские ручные гранаты — дрянь, по сравнению с отечественными, но по осколкам можно определить страну-производителя смертоносных зарядов, а нас здесь быть не должно. Грохот взрыва совпал с одиноким выстрелом из окна. Бежавшего рядом бойца снесло на пыль короткой улочки. Если гладкоствольный боеприпас бронежилет держит, то винтовочный, да с такого расстояния — верная сквозная дыра. Еще из одного дома огрызнулся автомат, но теперь скрываться нечего — два гранатомета одним залпом разнесли глиняную перегородку и размазали обитателей по перекосившимся стеночкам. Прогоревшие глушители уже тишину не держали: то справа, то слева, выстрелы все громче и громче. Несколько раз во весь голос огрызнулись АКМы и ружья рафаев, но исход боя предрешен.

А вот и искомый объект. На порог выскочила старуха, и смело шагнула навстречу подбежавшим спецназовцам.

— Осторожнее! — Крик Гершвица из-за спины вряд ли кто услышал, но и старая карга на первый взгляд опасности не представляла.

Какие-то предметы похожие на барабанные палочки в ее скрюченных пальцах брызнули россыпью ярких разноцветных искр. Взмах костлявыми руками, и трое передних бойцов с криками покатились по пыли. Еще один взмах и еще два забились в конвульсиях под ногами старухи. Автомат показался чудовищно тяжелым, но невероятным усилием навожу ствол в поднывавший руки силуэт. Отстраненно понимаю, что нажать спусковой крючок не успеваю, но во лбу старухи возникает красная дыра и, словно надломленный манекен, она падает на землю. Мышцы, прорвав незримую преграду, подбрасывают автомат вверх, короткая очередь уносится в небо, но, совладав с обретшими подвижность руками, перепрыгиваю через старуху и вбегаю в дом.

В единственной комнате тишина и запустение, зато груда тряпья в углу чуть заметно шевельнулась. Очередь в четыре патрона взбила эту кучу наискосок. Легкий скрип за спиной, и с разворота, не оборачиваясь, бью прикладом назад. Достал! Молодая женщина европейской внешности молча летит в угол. Секундой позднее раздается сдавленный стон. Матерчатый полог заменяющий дверь в комнату колыхнулся от движения за ним. Не обращая внимания на валяющееся тело, быстро, но осторожно, смещаюсь к стене, а автомат нацелен в сторону входа.

— Майор, это — я. — Гершвиц, осторожно выглянул из-за полога.

Повезло «пиджаку», еще пол секунды и он наверняка схлопотал бы пулю в свой высокий умный лоб. Видимо поняв это, Гершвиц схватился ладонями за щеки и издал нечленораздельное мычание.

— Ладно, все — нормально. Главное, что живой. — Утешать или говорить добрые слова времени нет, хотя за несколько минут «мясорубки», что мы устроили в кишлаке, у многих «крыша съехала» бы напрочь. — Давай, ищи свои причиндалы. Пора уматывать отсюда и как можно быстрее.

Пока ученый муж с дотошностью следователя осматривал комнату, начала подавать признаки жизни женщина. Хиджаб салатного цвета местами пропитался темно-красными пятнами, сквозь загорелое веснушчатое лицо наливался яркий кровоподтек — да, приложился я со всей силы, в расчете на нормального здорового мужика.

— Хелп ми. — Сдавленно прошептала она, ярко-зеленые глаза блестели слезами, и повторила по-русски. — Спасите меня. Умоляю, заберите меня отсюда.

Вот, блин, незадача! По замыслу командования, после нас живых людей в долине остаться не должно — слишком велики ставки хитроумной многоходовой операции и

чересчур громким может получиться ее политический эффект. Вот только деваху жалко. Наверняка из тех дурочек, что выскочили замуж за иностранца-студента в надежде на благополучное существование за рубежами родной страны, а потом всю оставшуюся жизнь мучаются на положении то ли пятой жены, то ли рабыни-наложницы. Конечно, проще полоснуть по горлу ножом и забыть, но где-то в глубине сознания задрезал колокольчик сомнения. По всем раскладам не может находиться в отдаленной от всего цивилизованного мира деревне европейка — слишком специфичные обстановка и контингент в этом зороастрийском гнезде — чужаки здесь не живут.

— Майор! — Голос Гершвица отвлек от размышлений. — Глянь-ка сюда!

«Пиджак» с горящими глазами прижал к груди расписную деревянную шкатулку. Он уже забыл, что только что его жизнь висела на волоске, его худое лицо расплылось в довольной улыбке, напоминающей волчий оскал. Что ж, пора приступать к завершающему этапу операции.

— Давай, дуй к своим коллегам, сейчас вертолеты подойдут.

Гершвица, и в самом деле, как ветром сдуло. Через узкое окно я видел, как он подбежал к «волкодавам» и, что-то оживленно говоря, представил им находку.

Свято место пусто не бывает. Едва этот, долбанутый наукой в темечко, ученый муж покинул дом, как в комнате появились Ходуля и Хек. Азарт скоротечного боя спал, и их лица выглядели грустными. Когда оба заместителя во время операции уединяются с командиром, жди неприятностей.

— Сергей, — говоря, Хек внимательно окинул взглядом комнату, — по-моему, у нас проблемы.

— Короче. — К манере Харриса Рамазанова подходить к сути дела через словесное вступление я привык, но иногда на выслушивание такого словоблудия времени не хватает.

— Вертолеты прибудут через три минуты, а у нас пять «двухсотых».

— И чего ты ждешь? Быстро готовь на погрузку.

— Их не собрать. Ну, убитых.

— Как это? — До меня начинает доходить несуразность сказанного.

— Нет людей! — Почти выкрикивает Хек. — Одежда есть, оружие, снаряжение, даже волосы и зубы, а тел нет! Все в песок превратилось? Сыпучий сухой песок!

— Ну и что! — Злость ударила в голову, но рационально мыслить не помешала. — Ни чего не оставлять! Быстро подбери сопли и грузи мешки с песком, форму, оружие, и все остальное. У тебя — три минуты и ни секундой больше.

— А ты что скажешь хорошего? — Вопрос, обращенный к Ходуле, застыл в глотке.

Шорох за спиной заставил бросить тело в сторону и вниз. Из груды тряпья выползла еще одна старуха, почти копия той, что подстрелил снайпер. Серый балахон на ней темнел четырьмя неровными пятнами крови. Видно, что ни одна из пуль, выпущенных в кучу, не прошла мимо цели. Темные слезящиеся глаза уставились на нас, и предательская слабость размягчила мышцы. Бросив непонятную фразу из нескольких слов, старуха разжала пальцы и сотни маленьких синих искорок, вылетевших из ее ладоней, закружили в воздухе.

Ходулю и Хека скрючило и бросило на утопанную глину пола, словно эти искорки огненными жалами поражали бойцов в нервные центры. Старуха заголосила вновь. Искорки закружились в бешеном хороводе, заполняя все пространство в комнате. Дикая боль обожгла кожу в местах соприкосновения с блестящими синими точками, но она заставила мышцы повиноваться выработанным за годы тренировок рефлексам. Автоматная очередь отбросила

старуху к стене и та медленно сползла вниз, оставляя на гладкой разрисованной узорами глине брызги крови и мозгов. Почти сразу же искорки вспухли яркими слепящими огнями и исчезли.

— Вот, сука. — Хек, пьяно покачиваясь, подошел к телу старухи и разрядил автомат в мертвое тело.

— Зря, только патроны потратил. — Оценил действия товарища Ходуля. — Пошли к посадке готовиться — времени почти не осталось.

Подхватив под руку Хека, он выскочил на улицу.

От стены, где лежала сбита прикладом молодуха, донесся стон. Теперь эта незадача! С девкой нужно срочно определяться — гул «вертушек» слышался все громче и громче. Что ж, самое правильное решение то, что принято мгновенно и во время.

Появление с женщиной на плече фурора не произвело, лишь гэрэушники как-то искоса взглянули, но тотчас запрыгнули на борт вертолета, куда сложили песчаные останки моих бойцов.

Старенький, но вполне рабочий, «Чинук» Ходуля «увел» с американской базы еще несколько дней назад, когда шел первый этап операции. Точнее, сперли два вертолета. На один сели Хек, «пиджак» с добычей и телохранителями, погрузили останки погибших спецназовцев, раненых с доктором и аппаратуру, а на другой — оставшиеся бойцы отряда, туда же засунули и трофейную девку.

Вертолет резко взмыл над долиной. Сверху деревня выглядела, как и планировалось: разрушенные дома, тела местных жителей и несколько трупов натовских солдат из миротворческого подразделения, что базировалось в семидесяти километрах отсюда. Именно их мы называли «клиентами». Бойцы из группы Ходкова за сутки отловили несколько человек в форме восьмидесят второй десантной дивизии, которая рассылала свои подразделения почти по всем «горячим точкам» планеты, продвигая в жизнь штатовские «общечеловеческие» ценности. Порою у меня возникало сомнение в адекватности америкосов, которые считали, что только они знают, как правильно жить, а тех, кто с ними не согласен, «учили» с помощью боевой авиации или военным присутствием. Отловленных американцев накачали специальными медикаментами, чтобы они оказались обездвижены и, самое главное, живыми, затем их разбросали на месте боя, расстреляв из подобранного в кишлаке оружия. Пускай теперь умники из различных международных комитетов, объединенных штабов и Лэнгли ломают головы, зачем и почему их военнослужащие оказались в закрытой от миротворческих действий зоне.

Неровный светло-коричневый рельеф уплывал назад, пилоты знали маршрут наизусть, но мы летели не домой, а в обратную сторону. По расчетам, через два часа под нами заплещут волны Индийского океана, в нужной точке мы снизимся к воде, где уже ждет подводная лодка, и на этом существование вертолетов прекратится — глубины в точке randevu большие.

Места в грузовом отсеке оказалось достаточно, чтобы все разместились более-менее комфортно, да расслабляться еще рановато. Сколько удачно проведенных операций кончались плачевно лишь по одной причине: слишком рано посчитали задачу выполненной и расслабились. Для нас отсчет времени закончится лишь тогда, когда над нашими головами задраят люки подлодки.

Зеленые оазисы изредка оживляют горную пустыню в иллюминаторах, но посматриваю в них по привычке. Теперь до точки встречи все зависит только от умения пилотов, а сейчас

мы — пассажиры.

На войлочной подстилке зашевелилась женщина и со стоном попыталась сесть. Глаза ее стали принимать осмысленное выражение, и тотчас на лице выступила маска испуга. Болезненно промывав, она схватилась за разбитую щеку и затравленно посмотрела на бойцов. Вид у нас еще тот: американские вояки из рекламных роликов, суровые носители и распространители демократии и общечеловеческих ценностей по всему миру. Разрисованные, как у индейцев, лица безразлично взирают из-под надвинутых на брови сферических касок, расстегнутые на одну пуговицу воротники, по локоть засученные рукава, приклады автоматических винтовок зажаты каблуками высоких ботинок, и презрительно-ленивый взгляд на особе нецивилизованных территорий. Ситуацию женщина осознала. Прикрыв хиджабом лицо, она прижалась к дрожащей от вибрации переборке и неуверенно произнесла несколько слов на английском языке. С одной стороны челюсть у нее наверняка оказалась сломанной, да и произношение тянуло максимум на тройку в аттестате за среднюю школу какого-нибудь провинциального городка, но смысл сказанного, тем не менее, я уловил. Протянутую флягу она выхватила из рук и надолго присосалась к узкому горлышку соска. Разговаривать с пленной ни кто не собирался, хотя она, утолив жажду, немного освоилась и, стреляя глазками по нашим лицам, пыталась задавать вопросы. Конечно, наверняка ее очень интересует, куда же мы летим, и что будет с ней самой, но сейчас в какую-либо беседу вступать нельзя. Меньше знаешь — крепче спишь. И так нарушил приказ, взяв пленницу, а если какой участливый доброжелатель «стукнет» кому надо о разговоре? Тут уж простым выговором в приказе не отделаешься, затаскают по инстанциям, где начнут задавать много вопросов, на которые нет ответов, и затеряешься в бесчисленных переходах здания министерства или, еще хуже, в подвалах какой-нибудь федеральной службы.

Блеснуло солнце, отраженное от неподвижной глади океана — еще минут десять и мы на месте. Бойцы зашевелились, начиная готовиться к высадке. Из-за переборки выглянул второй пилот и многозначительно поманил пальцем. Кивнув Ходуле, мол, давай — рули личным составом, протиснулся к летчикам.

Более мрачных лиц за последнее время я не видел. Оба пилота выглядели растерянными и обреченно. С этими ребятами я «работал» не первую операцию и даже пару раз участвовал в коллективных попойках по поводу присвоения очередных званий, и мне всегда нравилась их уверенность и выдержка при любых ситуациях, но не сейчас.

— Серега, звездец. — Витя Кваснин развернулся на сидении первого пилота и пнул ногой по переборке. — До точки встречи двенадцать минут, а взрыватели сработают через четыре. Мы рухнем в море за десятки километров от корабля.

— Ты уверен?

Сердце на миг сжалось, но мозг заработал, как счетная машина. По плану операции на каждом вертолете установили по небольшому фугасу, чтобы после того, как покинем борта, была стопроцентная гарантия их исчезновения. Имелся даже запас времени на непредвиденные ситуации. Где-то — пять-шесть минут. Схему ликвидации летательных аппаратов уже использовали несколько раз на практике, и она ни когда не давала сбоев. Да, все когда-нибудь случается впервые, как это произошло сейчас, а в голове ни одной здоровой мысли.

— Смотри, вон — таймер подрыва двигателей. — Цифра четыре мигнула в круглом окошке на потолке кабины и сменилась тройкой. — Минуту назад там светила двадцатка.

Затем сбой — и уже это.

— Давай, остановим или отключим.

— Таймеры на оба борта ставили спецы из военной разведки. Я даже не знаю, как к ним подступиться. Запросить бы другой борт, да он не отвечает. Вон, впереди чешет. — Кваснин мотнул головой по курсу полета. — Да и хрен с ним, а нам-то, что делать?

— Провода выдрать, и черт с ним с самоликвидатором.

— Пробовали. Без толку. — Угрюмо ответил второй пилот. — Обшивку в этом месте не вскрыть, а проводка идет под нею.

— А если молотком по таймеру?

— Тогда — бу-бум, и здравствуй море.

Цветочный аромат коснулся ноздрей. Мелькнула нелепая мысль: «Запах лилий — запах смерти». Где-то в глубине сознания запульсировал маячок — счет идет на секунды, нужно срочно что-то делать, но словно во сне вижу, как распахивается дверь и в кабину входит пленница. Все — кранты, уж если глюки в такой момент, значит, точно — приплыли, а еще точнее — прилетели...

Край хиджаба скользнул по лицу, но, как и все остальные, стою, замерев, словно статуя. Женщина протягивает руку к светящемуся дисплею таймера, касается пальцами маленького экрана, и светящиеся смертельным отсчетом цифры погасли. Через мгновение метал обшивки, сжимавший корпус взрывателя, вспух и разошелся неровными рваными трещинами. Тонкие женские пальцы смяли жесткие ребра корпуса таймера и, обрывая тянущиеся к нему провода, выдернули устройство из установочного гнезда. Тонкая, салатного цвета, почти невесомая материя вновь скользнула по лицу, аромат цветущих лилий окутал благоухающим облаком, и пленница покинула кабину.

Стук упавшего на пол таймера послужил неким сигналом, после которого все смогли что-либо делать. Каждый это сделал по-своему. Второй пилот разразился длинной тирадой состоящей в основном из ненормативной лексики и междометий. Кваснин задумчиво подергал торчащие из потолка провода и недоуменно повернулся ко мне.

— Как у тебя такое получилось? — Лицо летчика выражало широкую гамму чувств, но почему-то он смотрел на меня. — Мы ж могли взорваться к чертям собачьим.

— Я-то здесь при чем? — Наступила моя очередь удивляться.

— А кто таймер детонатора выдернул? Дух святой?

Оправдываться или объяснять не имело смысла. Все равно, если ни кто ни чего не увидел, а по всей видимости так оно и есть, значит, хрен чего докажешь. Даже то, что я не мог дотянуться со своего места до злополучного экрана, не могло стать веским аргументом.

— Твой таймер сам выпал. Спецы ваши гэрэушные перемудрили. — Не хочешь слушать упреки, к тому же незаслуженные, наезжай сам. — Сам же видел, что я и руки не поднял. И вообще! Кто-нибудь этой колымагой управлять будет?

Кваснин дисциплинированно рухнул в кресло и, не отрывая глаз от приборов, пробормотал:

— Дуришь, братец, ох, как дуришь. Наше счастье, что взрыватель не сработал, а то б — амбец.

— Да ну вас. Нашли, как говорится, крайнего.

Пожимаю плечами, и только собрался выйти в грузовой отсек, как перед глазами поплыли круги, а ноги стали ватными. Зеленая рукоятка двери оказалась перед носом, и попытка ухватиться за нее ставшими скользкими от пота пальцами не увенчалась успехом.

Гулкий голос пилота ударил по голове, словно по барабану, и перед тем как погрузиться во тьму забытья перед глазами вспыхнули десятки жгучих синих искр.

Просторный кабинет шефа мог вместить до десятка посетителей одновременно, но здесь редко собиралось более трех человек. Руководитель отдела «П» генерал-майор Свиягов предпочитал массовым совещаниям и разборам индивидуальный подход. Во всяком случае, я ни когда не видел здесь скопления народа, да и специфика деятельности подразделения существенно ограничивала круг общения. Вот и сейчас кроме нас присутствовал всего лишь один человек — начальник «шарашки», как мы называли НИИ Спецмедоборудования министерства обороны, полковник Мاستурадзе, по прозвищу — Дядя Арчил. В отделе он считался вторым лицом после нашего генерала и зачастую сам отдавал приказы от имени шефа.

— Ну что, Сергей Иванович, картинка получается не то, чтобы очень. Вроде бы поставленную задачу выполнили, но... По докладам смежников вы допустили ряд ошибок, которые привели к потерям личного состава, кроме того, не смотря на распоряжение не брать пленных, вами была вывезена из объекта атаки женщина. Далее, перед пересадкой на подводную лодку командный состав группы полностью вышел из строя. Мне бы хотелось услышать ваши оправдания по этим моментам.

Холеное лицо Свиягова оставалось бесстрастным, даже в глазах не ощущалось ни каких эмоций, да и говорил генерал медленно, тщательно выговаривая слова. Сидящий сбоку Дядя Арчил также сидел спокойно, лишь иногда почесывая кончик своего орлиного носа.

Зная педантичность шефа, я постарался продумать что и о чем говорить, но оправдываться не собирался. Хотя, проколы были. Взять, к примеру, эту женщину. Да, поддался минутной слабости и забрал из обреченной деревни, но ведь именно от нее можно получить интересную информацию. А на счет выхода из строя перед посадкой на подлодку, здесь аргументировать нечего. Очнулся только в инфекционном боксе лазарета при «шарашке». Две недели изводили анализами и всякими манипуляциями, по соседству маялись Хек и Ходуля, но наши многоопытные эскулапы не нашли ничего: ни какой-либо заразы, ни какого-нибудь психического отклонения. Есть сомнения и подозрения о причине одновременной отключки, точнее она ясна, но рассказывать об искорках, вылетевших из рук старухи, о запахе лилий и странном видении в кабине вертолета торопиться не стоило. Конечно, бойцы расскажут дознавателям все, что видели и слышали. А как не говорить? Пятеро ребят не вернутся к семьям и похоронят их в закрытых гробах после тщательного изучения останков. Собираясь мыслями, искоса взглянул на Дядю Арчила. Этот жук наверняка сам руководил всем исследовательским процессом, а отдел «шарашки», который занимается изучением аномальных проблем, любимое детище полковника. И как только нас не разобрали по органам? Мастурадзе лично приходил каждый день с различными вопросами и назначал все новые и новые тесты и процедуры. Интересно, а куда пленную женщину дели? Подумал и сам удивился — чего это вдруг о ней вспомнил, перед начальством выкручиваться надо, а не о девках думать.

— Я жду разъяснений. — В голосе генерала прозвучал металл. — Ваших личных разъяснений по поводу случившегося. Слишком много несуразностей мы слышали от личного состава и ваших помощников, пора объясниться и командиру.

Стараясь взвешивать каждое слово, подробно рассказываю о прошедшей операции и понимаю, что мои слова не удовлетворяют начальство. Если лицо Свиягова, как обычно

непроницаемо и лишь по глазам можно понять, что он недоволен, то Мاستурадзе откровенно морщится и многозначительно хмыкает. И чего хмыкать-то? Ни чего нового он сейчас не услышал. Закончив рассказ, прислушиваюсь к наступившей тишине — не появится ли за спиной какой-нибудь медик со шприцом для выявления правды. Несколько секунд молчим и тут, словно бес дернул за язык:

— Извините, товарищ генерал-майор. А что та женщина? Может, она что-нибудь интересное сказала?

Обычно выдержанный шеф словно укол получил в одно место. Безупречно выбритые щеки дернулись, а глаза плеснули злостью. Боковым взглядом замечаю, что Мастурадзе замер, так и не донеся палец до кончика носа. И на хрена я это сказал?

— Вопрос конечно интересный. — Протянул генерал и, успокоившись, произнес. — Нет вашей женщины. Пропала.

— Как пропала? — У меня на миг отвисла нижняя челюсть — в нашем ведомстве такого еще не случалось.

— Во время пересадки на корабль она исчезла. Все говорят, что в вертолете она была, а в подлодку не попала. Растворилась в воздухе, пока ее перегружали с борта на борт.

— Похоже на призрак Е-21, по нашей классификации. — Пояснил Дядя Арчил вглядываясь в мое лицо. — Но эти призраки не материальны и абсолютно не осязаемы, а ты говоришь, что ударил прикладом, нанес травму, а затем тащил на себе. Напряги свои мозги, майор, постарайся вспомнить какие-нибудь детали, связанные с ним.

— Да я уже вам все рассказал. — Стараюсь изобразить на лице полное раскаяние и добавляю: — Мне показалось, что в доме, где нужно взяли, витал запах цветов, но возможно почудилось. — И сразу вопрос в лоб. — Меня больше беспокоит, зачем нашу группу ликвидировать собрались? Это — чудо, что вертолет не взорвался над океаном.

Лица начальников вытянулись. Про инцидент с взрывателем, по договоренности с пилотами, мы ни кому не озвучили. Пара гранат, оставленная Квасниным на штурвале вертолета при высадке, «удачно» завершили полет «Чинука» над океаном. Виктор умудрился навестить меня в лазарете и за те десять-пятнадцать секунд, когда рядом ни кого не было, успел рассказать о своих сомнениях.

— Кроме меня и пилотов ни кто не знает, что таймер на взрыв установили на более раннее время. Кто-то не хотел, чтобы мы добрались до подводной лодки. Нам просто повезло, что мы успели его снять.

— Ты уверен в сказанном? — Я молча кивнул, генерал что-то чиркнул в блокноте. — Я разберусь с этим вопросом, но, надеюсь, что информация о взрывателе и таймере за двери моего кабинета не выйдет.

Наш осторожный шеф из случившегося наверняка сделает свою игру в интригах верхнего эшелона министерства. Это искусство он отточил за десяток лет руководства отделом. Лишь бы мне не стать разменной пешкой в такой игре. Более информированный в делах шефа Дядя Арчил понимающе кивнул и негромко хмыкнул, привлекая внимание к себе.

— Я думаю, что ребят нужно попридержать внутри страны. — Говоря, Мастурадзе положил руки на стол и на его пальце сверкнул золотой перстень с похожей на масонскую пентаграммой. — Что-то разведуправление стало активно вмешиваться в наши дела. От помощи по некоторым оперативным вопросам они переходят к собственным мероприятиям. Последняя операция из совместной разработки принесла дивиденды только им. Если майор

все сказал верно, значит, совместные действия перешли от сотрудничества к прямой конкуренции, и нам необходимо сделать паузу в проведении зарубежных акций или, хотя бы, не задействовать группу Рябова в азиатском регионе. У нас есть несколько перспективных разработок на территории федерации, там и задействуем ребят... после отпуска. Правда, есть еще проект «Джетта», но его можно перепоручить дипломатической службе. Там ни каких силовых операций не предусмотрено.

— У нас ни когда ни каких силовых операций не предусмотрено. — Поправил Дядю Арчила генерал. — Ладно, отправляем всех в отпуск, а вам, Арчил Филиппович, за эти полтора месяца придется подготовить материалы по объекту «Город-037ИС». Пора заняться им по полной программе.

Мастурадзе удовлетворительно кивнул, а Свиягов повернулся ко мне. Красивые шитые золотом медицинские эмблемы на его кителе могли ввести в заблуждение любого не знакомого со спецификой нашей службы человека, но только не меня. Генерал имел имидж крутого и независимого начальника, который мог поставить на уши практически любого представителя генштаба и держал в жестких руках подчиненных. Спецоперации, тренажи, учеба и еще множество всяких дел, связанных с деятельностью отдела не позволяли нам уходить в отпуск по желанию. График отпусков бойцов группы лично утверждал шеф и зачастую переиначивал очередность и сроки отдыха от «родной красной армии», но всегда выдерживал принцип готовности к немедленным действиям хотя бы одной группы. И вот так, всех сразу отправить по домам, да к тому же в полный отпуск? Это что-то новенькое.

— Майор Рябов. — В голосе Свиягова послышалось явное недовольство. — Сутки на подробный письменный отчет по прошедшей операции. Сдать его в секретную часть под тремя нулями. После этого представить рапорта личного состава на отпуск. — Шеф бросил взгляд на большой настенный календарь. — С двенадцатого декабря на территории института я не вижу ни одного вашего человека. И не забудьте провести инструктаж по соблюдению режима секретности при проведении отпуска под роспись. Идите.

Уже в дверях я услышал заданный Дяде Арчилу вопрос:

— Когда вы предоставите мне полную информацию по этому Гершвицу?

Глава 2. «Гнездо дракона»

После застылого первыми крепкими морозами Подмосковья, Питер по традиции встретил мокрым снегом и влажным балтийским ветром. Короткий серый день быстро переходил в промозглую ночь и все соответствовало гнусному настроению, которое присутствовало с момента последней операции. Для отпуска время самое неудачное — в войсках, по старой традиции, с декабря по март на положенный годовой отдых обычно отправляли молодых лейтенантов или отъявленных нарушителей дисциплины: пьяниц или всяких там залетчиков. Полтора месяца ничегонеделания предполагали море, солнце, пляж и развлечения, но в нашей стране для подобных развлечений не сезон. Сгонять бы куда-нибудь в Египет или на Кубу, но распоряжение генерала резко ограничило возможности перемещения. Можно, конечно, съездить на какой-нибудь горный курорт, да их в стране остались раз-два, и обчелся, но в горы после последнего задания что-то не тянуло. Оставалось просто пожить в Питере (слава богу, что квартиру не продал), потусоваться по культурным местам и, возможно, поправить личную жизнь, хотя, в двадцать шесть, по моему разумению, жениться рановато.

Та часть Невского района, что прежде называлась Щемиловкой, по названию сгинувшей во времена советской власти деревни, в пору моего детства считалась вполне зеленым и спокойным местом, но за последующие годы изменилось многое. Теперь окна квартиры выходили не на зеленую аллею, а на расширенную вечно ревущую потоком машин транзитную улицу, соединяющую Мурманскую и Московскую трассы. Хотя, ко всему можно привыкнуть.

Если первые три дня я вел ленивый образ жизни, привыкая к питерской погоде и отсыпаясь после обильных возлияний по поводу отпуска, на четвертый день навалилась тоска, что сродни декабрьскому Питеру. Ни куда идти не хотелось, родню всю уже обзвонил, определившись в очередности визитов, старые школьные друзья куда-то поисчезали, растворившись в семейных и рабочих буднях. Из сослуживцев ни кто кроме Ходули в Питер не собирался, да и Генка планировал заехать с семьей на недельку во время школьных каникул — город своим показать.

И все-таки выползать под промозглый мокрый ветер придется. Затворничество и безделье на аппетит не повлияли и поход в магазин не минуем. Звонок в дверь прозвучал в тот момент, когда я внимательно рассматривал покрытые пушистой изморозью внутренности холодильника, опустошенного за эти три дня.

— Извините, я не помешаю? — Светловолосая бестия в легком полушубке ураганом ворвалась в коридор.

Светка Ульманен в мои длительные отсутствия присматривала за квартирой. Почти бескорыстно. Жила она по соседству, этажом ниже, и между нами возникли доверительные отношения, какие могут быть у давно знакомых людей. У меня она ассоциировалась с валькирией, но в виде миниатюрной копии. С ее метр шестьдесят пять Светка ну ни как не тянула на тяжеловесных воительниц Одина, хотя, в остальном она была сложена пропорционально. А ее энергии мог позавидовать любой спортивный болид. Вот и сейчас светло-серые глаза лучились таким энтузиазмом, что я начал ощущать себя столетним старцем.

— Как хорошо, что тебя застала. У меня сегодня вечер свободен, и я хочу пригласить

тебя в клуб. Там собирается потрясающе интересная публика. Ну, ты готов?

Да, напор поражает. Интересно, там, в клубе, все такие темпераментные и бесцеремонные? Светка что-то уловила в моем взгляде, ее лицо мгновенно приняло немного разочарованное выражение. Умная девка, мозги работают как надо, еще чуть побольше артистизма и можно смело мечтать о сцене. Хотя, зачем ей сцена? Молодые аспиранты с такими способностями быстро пробиваются наверх и пользуются большим спросом. Ну, это, как говорится, не мои проблемы, я не научный руководитель, а простой армейский майор с налетом непоколебимого солдафонства. Именно такой стиль я стараюсь держать среди малознакомых или незнакомых людей, но не со Светкой. Выдерживаю паузу, осторожно снимаю с ресницы девушки готовую скатиться по щеке размазанной тушью слезу.

— Светик, лапулька. Это — не скромно, врывать в квартиру взрослому мужчине и с ходу предлагать совместный поход по значным местам. Что скажут соседи? А облик аморале? А профком, местком и жилсовет? — Стараясь удержать ладошкой готовый вырваться смех, девушка отступила на шаг, но я продолжаю ерничать, совершенно не скрывая этого. — А что подумает мама гражданки Ульманен, проживающая этажом ниже? А может это — циничный способ шокировать потрясающую публику явлением пехотного офицера в интеллектуальную среду?

— Я иногда не могу тебя понять, шутишь или говоришь серьезно. Ведь ты сначала посмотрел на меня, как какую-то надоедливую вещь, и почти сразу же повел себя по-другому, будто в тебе одновременно уживаются два совершенно разных человека. — Искося поглядывая на меня, проговорила Света.

— Мистер Хайд и доктор Джескилл?

— А не наоборот?

— Без разницы. Мое высшее военное образование не позволяет изучать шедевры мировой литературы. А вдруг я проникнусь чуждой сердцу российского офицера враждебной идеологией? Или, того хуже, вспыхну пламенной любовью к идеологически вредному образу жизни. Не хочу быть пищей для замполитов и особистов, пускай карьеру без меня делают.

— Да брось. По моему мнению, ты прочитал вдвое больше, чем все надутые индюки из нашего отдела. И если ты не станешь афишировать военный образ, тебя вполне посчитают таким умницей-интеллектуалом из какого-нибудь провинциального техникума.

— Ты меня убила. Меня, начфиза полка, уподобили провинциальному преподавателю. — На этой фразе я решил закончить полушутливую пикировку и постарался перевести разговор в нужное русло. — Кстати, а в клубе твоём кормят? Или желательно поесть заранее? Я вообще-то в магазин собирался. К моему глубокому сожалению холодильник пуст, как паперть нищего проповедника. А в клубах пища больше духовная или скудная.

— Не волнуйся, в «Гнезде дракона» с едой проблем нет.

— А качество?

— Все зависит от наличия денег.

— Вот это речь не ребенка, но дамы. — Последняя шпилька не удалась. Светка всем своим видом пыталась показать, что в ее понятии — дамы, это — женщины бальзаковского возраста. А с моей подачи, она считала возраст бальзаковским именно тот, в котором умер Бальзак, где-то на шестом десятке.

Пока моя очаровательная соседка решала, обидеться или сделать вид, что она немного

расстроена, я успел одеться в «нормальный гражданский костюм». Под таким длинным названием я предполагал настоящий замшевый костюм, по случаю вывезенный из Канады, где мы пару лет назад успели «отметиться» у эскимосских шаманов. Костюм мне нравился, но одевал его всего пару раз в прошлом отпуске — слишком броско он смотрелся.

— Вот это по-военному. — Оценивая усмехнулась Светка, украдкой бросая взгляд на часы. — Раз-два и готов. Вот только открывают клуб после шести вечера, а сейчас — половина четвертого. Я думаю, что галантный джентльмен зайдет за дамой ровно в семнадцать.

Дверь захлопнулась, а я, как последний идиот, остался в коридоре в пижонском костюме. В ушах стоял веселый смех и в прихожей витал странный запах духов, который вызывал странные ассоциации. Аромат цветущих лилий.

Это здание построили еще тогда, когда Обводный канал считался границей столицы Российской империи. Во всяком случае, именно таким мне показался старый дом из красного кирпича возле замызганной набережной мелиоративного творения Петра. Лет так сто пятьдесят назад там, наверняка, пыхла мануфактура какого-нибудь удачливого столичного предпринимателя, но сейчас здание казалось заброшенным и неухоженным. Закрытые металлическими щитами окна верхних этажей уныло взирали на грязные воды канала, и лишь небольшая вывеска над входом в полуподвал указывала на какое-либо присутствие жизни. В рано наступившей декабрьской темноте слабоосвещенная набережная навевала уютные и грустные мысли.

— Нам — сюда! — Светка увлекла меня к входу.

Неоновая вывеска над козырьком входа изображала зеленую перекормленную ящерицу с маленькими ангельскими крылышками, но двери выглядели мощно и солидно. Начищенная до блеска ребристая подвеска-шишка, напоминающая большую гирию из-под детских ходиков, солидно свешивалась возле двери и под порывами ветра почти не колыхалась. Ульманен решительно потянула шишку вниз, и из-за дверей донесся мелодичный звон колокольчика. Хриплый голос, донесшийся из небольшого динамика, поинтересовался, кого там нечистая несет, на что Светка ответила:

— В монитор посмотри.

— Смотрю и вижу, что не одна. — В голосе невидимого охранника ощущалось какое-то непонятное веселье. — Поэтому и глазам своим не верю.

Дверь распахнулась, открывая взору освещенный холл. Светка, решительно подхватив меня за руку, направилась к сидящему в застекленной кабинке возле гардероба человеку.

Бытует мнение, что все негры для белого человека на одно лицо, но это касается только тех, кто с ними встречается не часто. Мне пришлось бывать в Африке несколько раз, в том числе и на землях принадлежащих племени мандинго, и шаманские узоры вызывателя духов мумбо-юмбо я узнал сразу. Да, с такой оригинальной системой защиты на родной российской земле сталкиваться не приходилось. Охранные духи этого сенегальского племени славились непримиримостью к любым вторжениям чужаков и очень скверным характером.

Чернокожий мужчина в строгом костюме и бейсиком с надписью «служба контроля» скользнул по нам немного рассеянным взглядом, но на мгновение показалось, что вязь шрамов на его щеках слегка шевельнулась. За спиной явно ощутилось присутствие еще кого-то, но в зеркалах, установленных по всем стенам холла кроме нас со Светкой я не заметил ни

кого. Взгляд охранника внезапно стал сосредоточенным, лицо немного напряглось. Затем его лицевые мышцы расслабились, и негр молча протянул два бейсика с надписью «VIP-гость».

— Ни чего себе?! — В голосе Ульманен прозвучало удивление. — В первый раз ты мне выдаешь такое.

— Ваш, Светлана, бейсик лежит на месте, но ваш друг достоин именно такого. — Охранник по-русски говорил чисто, даже без акцента. — Ведь вы не ограничитесь общим залом, а это — допуск в красный и верхний.

Светка посмотрела на меня так, что я ощутил себя настоящим самозванцем, обманувшим наивную девочку. Хотя, что скрывать, как крути, не крути, но для меня такое отношение стало неожиданностью. Приятной или не приятной, разберусь позднее, хотя в любой неожиданности всегда имеется подвох. Пока мы добирались сюда, Светка немного просветила меня в отношении клуба, где собирались различные колдуны и представители всяческой нечисти и нелюди. На мои ироничные ухмылки девушка почти не обращала внимания, пообещав показать именно то, о чем она рассказывала. Вообще, это — свинство, во время отпуска прикасаться к тому, что надоедает за годы бурной службы. Хотя... все это очень странно. Странное совпадение. Тут невольно задумаешься, либо о превратностях судьбы, либо об утечке информации из отдела. С другой стороны, наверняка, среди публики, которая здесь собирается, почти все самозванцы. Чего-чего, а на шарлатанов и психов я нагляделся по долгу службы и специфике работы.

— Ты кто? — сделав огромными глаза, спросила Светка.

— А ты не знаешь? — Я пожал плечами, поправил над карманом бейсик и, приблизив лицо к девушке, прошептал замогильным голосом. — Сын бога Брахмы на государственной службе в варварской стране, но это — страшная военная тайна.

— Шутник вы, господин майор. — Светка рассмеялась и потащила к большой бархатной занавеси, из-за которой доносился легкий шум.

Бейсики на распорядителя зала, а именовали его именно так, во всяком случае, ни кто его администратором не называл, произвели впечатление. Столик на двоих рядом с небольшой эстрадой, где неторопливо настраивали гитары несколько длинноволосых юнцов, по утверждению моей спутницы являлся показателем высокого статуса посетителя. Когда я поинтересовался, какие меры принимают к самозванцам или результатам ошибок, Светка ответила серьезно, что при определении статуса посетителя ошибок не бывает.

Едва мы заняли предложенный столик, я ощутил чувство дискомфорта. Вроде бы и публики почти нет, и помещение на первый взгляд нормальное, но именно наши места мне не нравились. Видимо что-то отразилось на моем лице. Распорядитель, внимательно наблюдавший за залом, приблизился к нам и поинтересовался, как мы устроились.

— Извините, но я бы хотел пересесть на другое место. Здесь как-то не так.

— Я сожалею, но большинство мест заказано заранее, а остальные залы откроются только через полчаса. — В голосе распорядителя промелькнуло некое удовлетворение, словно он ожидал от меня подобного предложения.

— Я думаю, что найдется место, где можно провести эти полчаса. — Я постарался быть корректным, но настойчивым. — Этот столик может понравиться только тем пижонам, которые любят сидеть на виду и млеть оттого, что на них все смотрят, а у нас — романтический вечер.

— Возможно, вы правы. — Распорядитель вел себя — само очарование. — Если хотите,

можете посидеть в баре на втором ярусе, а затем я осмелюсь предложить вам верхний зал. Там сегодня будут происходить соревнования бардов, очень интересное зрелище. Извольте, я вам покажу, как пройти туда. — Он сделал приглашающее движение рукой.

Интерьер бара был выполнен в готическом стиле. Облицованные под грубый камень стены, множество стилизованных под свечи ламп, горящих в полнакала, барная стойка из потемневших дубовых пластин. Бархатные портьеры различных, но темных, цветов закрывают дверные проемы, ведущие еще куда-то, о чем указывало едва заметное колыхание от почти неосязаемого сквозняка, доносящаяся из укрытых динамиков классическая музыка в электронной обработке. Все свидетельствовало о неплохом вкусе хозяев. Худая лопоухая барменша с неестественной для такой комплекции грацией ловко разливала коктейли и выставляла их на стойку.

Светку прорвало. Воспитанно промолчав во время моего диалога с распорядителем, она с видом завсегдатая попыталась мне высказать свое недовольство неправильными манерами спутника, но я ее слушал в пол уха. Выговорившись, Светка с некоторой обидой посмотрела на меня и тихо поинтересовалась:

— Ну, чем тебе в зале не понравилось?

— Я не люблю подставлять спину, особенно в тот миг, когда отдыхаю, а то место уж очень удобно для того, чтобы к тебе незаметно подошел кто-нибудь посторонний нежелательный и... стащил кошелек или плюнул в спину. — Маленькое наивное дитя. Забила себе голову всякой мистикой, а житейского опыта не приобрела. Нет смысла объяснять очевидное. Само место представляло ловушку. Мы бы там сидели на полном обзоре и нас можно контролировать с любой точки зала. Кроме того, выработанное спецификой службы чувство опасности подсознательно давило, лишь стоило нам приблизиться к столику, а своим ощущениям я доверяю на все сто. И еще один маленький нюанс, о котором я никогда и ни кому не скажу — в какой-то момент я ощутил запах цветущих лилий, а в последнее время этот аромат у меня стал ассоциироваться с неприятностями.

— Да у тебя тараканов в голове больше, чем у меня. Вас что всех в армии депрессивными маньяками воспитывают? Это одно из самых безопасных заведений в городе. Я же говорила, что здесь собирается интересная и воспитанная публика. — Светка сделала паузу, но, заметив на моем лице нескрываемое критиканское выражение, продолжила. — Здесь собираются те, кому ни в коем случае нельзя афишировать свою суть. Сам распорядитель не человек, а настоящий вампир. Вот та девушка, — моя спутница кивнула в сторону барменши, — самая настоящая фейри. Только здесь все они могут быть сами собой.

— Света, откуда у тебя такая чушь в голове? Твое стремление в мистическому и непознанному меня удивляет. Посуди сама, какие вампиры, какие фейри или еще кто-либо? Ведь все это сказки. Подумай сама. Даже если бы и существовало нечто подобное, то мы их бы не увидели, потому что мы слишком разные. К тому же, ведь почти все сверхъестественные существа, если бы они в самом деле существовали, по своей природе враждебны людям и никогда не станут жить в мире с ними. А здесь? Большое заведение в многомиллионном городе, которое, наверняка посещается и обычными людьми — конфликт неизбежен. Как бы мы не ругали наши власти, но государственная система основана на учете и контроле, и она худо-бедно функционирует. К примеру, загрыз какой-нибудь вурдалак человека, другого, начнется расследование и, в конце концов, найдут виновного, а там —

огласка. Другое дело — жулики. В газетах пестрит от различных объявлений об услугах экстрасенсов, колдунов, ведьм и знахарей, но это, либо мошенники, либо психически больные люди, но ни как не повелители каких-либо потусторонних сил.

— Посмотрим, что ты скажешь, когда мы отсюда выйдем. Этот знак, — Светка указала на бейсик, — даст тебе возможность увидеть то, что недоступно обычным людям. А на счет твоего опасения о вражде, беспокоиться не к чему. У нас своя инквизиция имеется.

— У нас?

— А как я смогла бы попасть сюда? Я — настоящая потомственная ведьма.

— Хорошо, хорошо. — Терпеливо согласился я.

Да, блин, уж от Светки я не ожидал подобного заскока мозгов. Но раз считает себя ведьмой — пусть считает, лишь бы не упырем каким, а то укусит в порыве злости. Видно здорово девчонке мозги запудрили. Пора переводить разговор на другую тему.

Открытие красного и верхнего залов сопровождалось мелодией флейты, донесшейся из динамиков. Немногие посетители бара стали неторопливо покидать помещение, скрываясь за портьерами различных цветов.

— Нам куда?

Светка, не колеблясь, повернула голову к проему, укрытому занавесью темно-синего цвета с вышитыми редкими белыми звездами:

— В верхний зал.

Первое, что бросалось в глаза, это ощущение пространства. Мягкий полумрак органично сливался со стенами и потолком цвета вечернего неба и покрытых блестками звезд. Вокруг желто-белой полукруглой приподнятой площадки располагались столики. Создавалось впечатление, что вся мебель и сидящие на стульях люди парят в космосе.

— Господа, прошу вас надеть это. — Давешний управитель неслышно возник за спиной и обратил внимание на разложенные на стойке маски. — Согласно традиции клуба все гости верхнего зала могут надеть маски во избежание сохранения инкогнито перед другими посетителями. При желании вы можете ими не пользоваться, но я рекомендую.

— Я возьму эту! — Светка подхватила маску в виде серебристо-черной бабочки надела ее.

Что ж, не гоже обижать даму сомнениями. Я выбрал темно-синюю полумаску, которая закрыла скулы и верхнюю часть лица.

— Можете выбрать любой свободный столик. Желаю приятного вечера. — Управитель вальяжно обвел помещение рукой и неслышно удалился.

Зал заполнился быстро. Через полчаса почти все столики оказались занятыми, лишь один, стоящий чуть в стороне от остальных, так и остался без клиентов. Запоздалых посетителей управитель подсаживал на свободные места, но к пустующему столу не подводил ни кого. Я поинтересовался у Светки на счет такого выделения мест. Девушка мельком бросила взгляд на указанное место и, чуть пожав плечами, ответила:

— Обычно на таких местах сидят главы орденов или Инквизитор.

Слово «Инквизитор» она выделила так, что стало ясно, оно произносится и пишется только с заглавной буквы.

Публика, что окружала нас, вела себя сдержанно и спокойно. Маски на большинстве лиц не мешали общению, и создалось ощущение, что большинство людей являлись завсегдатаями этого заведения и знали друг друга. Легкий дискомфорт ощутил только я, но только до того момента, как к нам подседа довольно импозантная пара. В отличие от

большинства, они своих лиц масками не прикрыли, да и одеждой эти мужчина и женщина отличались от остальных — чересчур открытое дорогое вечернее платье дамы и строгий черный смокинг ее кавалера удивительно гармонировали в интерьере зала. Открытые для посторонних взглядов лица также привлекали внимание. Если большие ярко-зеленые глаза женщины придавали ей неповторимый шарм, который скрадывал немного детское выражение лица не соответствующее крупной груди и идеальным женским формам, то ее кавалер отличался бросающейся, кричащей породистостью от линии носа и формы подбородка до изысканных аристократических манер.

— Позвольте представиться. Сильвер. — Мужчина на миг приопустил подбородок и повернул голову к своей спутнице. — Фелиция.

— Сергей. Светлана. — Я привстал, а Светка, встав со стула, изобразила легкий реверанс.

Бейсиков они не носили, но на груди вполне элегантно смотрелись вышитые гербы с изображением геральдического щита с тремя мантикорами. Аромат цветущих лилий смешался с тягуче тяжелым запахом духов дамы. Только большим усилием воли получилось не показать, как сильно выброс адреналина ударил по нервам, но создалось впечатление, что мужчина все-таки что-то понял. Мимолетный внимательный взгляд ощутил почти физически. Впервые за вечер я пожалел о своем присутствии на этой вечеринке. Вспомнилось предупреждение Дяди Арчила перед отправкой отряда в отпуск. Не зря нас в шутку называли охотниками за привидениями. Основным занятием нашего подразделения являлись силовые операции по выявлению, захвату или локализации возможных источников паранормальных явлений. Как потом станут использовать в стенах института привезенные образцы, нас не интересовало — интересы Отечества, подписки о неразглашении, призывы к постоянной бдительности и скептический подход ко многим, якобы нереальным, явлениям выработали определенный стереотип отношений ко всему непонятному. Уж сколько всяких псевдо колдунов и прочих авантюристов пришлось разоблачить, обычно — не светясь, что те редкие случаи столкновения с настоящей нереальностью вспоминались, как радостные события. Сколько мы перелопатили мест во многих малообжитых уголках мира и страны, гоняясь за химерами, а здесь — все рядом. И не какой-нибудь клуб ряженных любителей ролевых игр, а, в самом деле, нечто очень странное и серьезное.

От нахлынувшего потока мыслей отвлек голос Сильвера. Он и его спутница уже надели черные бархатные полумаски.

— Вы, по всей видимости, здесь впервые. Ваша спутница мне немного знакома, а вы — нет. — В голосе мужчины вопросительные интонации не звучали, вся манера говорить показывала его властность и значимость. — В то же время я явно ощущаю в вас скрытую силу явно далекого происхождения. Скорее всего — Азия. А еще от вас сильно отдает кровью и смертью. Вы — воин.

Однако. Быстро меня прочитал этот странный господин, почти с первого взгляда. Не хилый экстрасенс. Или меня где-то «сдали», и сейчас идет многоходовая комбинация против меня и нашей «конторы»? От такой мысли я чуть не покрылся испариной.

— Какой же я воин? — Я постарался, как можно естественней, улыбнуться. — Конечно, военная служба накладывает отпечаток на манеры, но в вашем понятии я — не воин. Скорее — военнослужащий, офицер штаба части. Но зато очень люблю бардовскую музыку и немного пою сам.

— Будь по-вашему. — Как-то легко согласился Сильвер. — В душе каждого имеется

место для личных тайн, сберегаемых только для последней исповеди перед богом. Надеюсь, сегодня услышать вас со сцены. Ведь сегодня разыгрывается главный приз года и комиссия будет строгой, но если вы так уверенно говорите о любви к авторской песне, значит стоит вас услышать.

В ни какой иронии голосе Сильвера я не уловил, наоборот — сплошная благожелательность. А еще и дамы, что Светка, что Фелиция, с каким-то восторженным интересом посмотрели на меня.

К счастью, начались выступления бардов. Некоторые выходили из-за столиков, брали гитару за портьерой сцены и без микрофона начинали петь. Ни кто ни кого не объявлял, ни кто не представлялся, но каждого исполнителя встречали тепло, хотя уровень мастерства у большинства из них оставлял желать лучшего. Зато тексты песен мне оказались совершенно не знакомы и интересны, хотя зачастую ощущался некоторый перебор в сторону мистики.

— Теперь ваша очередь. — Тихо проговорил Сильвер, когда закончил петь длинноволосый человек в маске волка. Его песня, стилизованная под средневековую балладу по моему мнению оказалось пока самой лучшей.

— Смелее, молодой человек. — Поощряющее улыбнулась Фелиция, ее изумрудные глаза словно вспыхнули каким-то внутренним огнем. Или мне показалось? — У клубных гитар отличное звучание, а акустика в зале великолепная. Всего две песни и вы победитель. Удачи вам.

— Я буду за тебя болеть. — Шепнула Светка.

Гитар за сценой хватало. На специальной стойке их стояло около десятка, и все различных фирм, но меня заинтересовала только одна. Длинный гриф, непропорционально маленькая дека и местами потертое лаковое покрытие в паутине тонких трещин, а над всем какое-то дыхание старины. Звук также оказался глубоким и ясным. Возникла уверенность в том, что не опозорюсь перед закрытой масками публикой и утру нос господину Сильверу.

На полукруглой сцене я ощутил себя словно стоя на луне в ночном небе. На память пришли слова одной старой песни, которую сочинил еще в курсантские времена. Пальцы привычно взяли аккорд и немного шероховатые фразы потекли в зал.

Басов ласкают звуки,
Как бархатная тень.
Лекарство против скуки,
Когда закончен день.
И сумерек сиянье,
И неба полутон,
Как робкое признание —
Гитары перезвон.

Зажжет дежурный ангел
Небесные огни.
Холодными огнями
Глядят на нас они.
А музыка играет,
Гитарная струна,
И сердце замирает,

Коль музыка слышна.

Невидимые руки
Касаются души
И ласковые звуки
Прошепчут: «Не спеши».
И звуков отражение
В янтарных облаках
Представишь, как виденье
О сказочных мирах.

Басов ласкают звуки
И с сердцем в унисон,
Как сладостные муки
Смешались явь и сон.
Обнялся с ночью вечер
По улице кружа
И тихо гаснут свечи,
Но музыка слышна.

С последним аккордом я посмотрел на свой столик. Светка сидела там одна, Сильвера со своей спутницей не заметил. Моя подружка утвердительно подняла большой палец вверх. Мне показалось, что ее глаза светятся словно звездочки, что усеивали стены зала. Пальцы скользнули по грифу, и я запел следующую песню:

Я устал до предела, без меры,
И дожждаться хочу темноты,
Что ласкающее гладит по нервам...
Я бы умер, но где-то есть ты.

Солнца глаз опускается в бездну,
Чтоб упасть до утра пустоты.
Значит, я очень скоро воскресну.
Я бы сгинул, да только есть ты.

Дух добычи кусает за ноздри,
Не пугают засады, кресты.
Чу! Я чую, что где-то там, возле
Той добычи застыла и ты.

Вдалеке ждут охотников стрелы,
Амальгамы отравой блестя,
Но своим сильно брошенным телом
От удара закрою тебя.

Посреди перепуганных улиц
Я завою, себя не тая.
Что бояться серебряной пули,
Если рядом волчица моя.

Жизнь дневная под солнечным гнетом...
Я устал, но чернеет восток.
Очень скоро, под лунным полетом
Выйдут двое: волчица и волк.

Отдав выскользнувшему из-за портьеры человеку гитару, я под одобрительные возгласы вернулся к столику.

— Я и не думала, что ты можешь так хорошо петь, и песни интересные. — Лицо Светки лучилось радостью. — С каждым мигом я замечаю в тебе нечто новое и новое.

Как же, за все годы нашего знакомства, если мы и пробыли рядом в сумме часов семь-восемь, многого друг о друге не узнаешь, да и раньше на свою спутницу я особо и не заглядывался — слишком разная жизнь. Так что восторги девушки встретил с прохладцей. Уж чего-чего, а что пою и играю, и как оно получается, у меня иллюзий нет — не профессионально.

— А где? — Постарался сменить тему разговора и кивнул на пустые стулья.

— Сильвер — один из хозяев клуба. Он имеет привычку лично знакомиться с новыми гостями, а Фелиция, это его новая фаворитка. — Девушка повела глазами в сторону пустовавшего до этого столика, стоявшего чуть в стороне от остальных. — Сейчас они решают, кто достоин главного приза конкурса. Конечно не сами, а вместе с другими уважаемыми людьми. Сегодня собрались гроссмейстер ордена инквизиции, в черной маске, Колядник, самый сильный колдун Питера, он в маске кабана, и лидер новой волны чародеев — Ведьмак.

Увидев того человека, которого Светка назвала Ведьмаком, я чуть не слетел со стула. Хорошо, что она в этот миг не смотрела в мою сторону, а то мог бы произойти конфуз. Сдвинув узкую маску на лоб, напоминая нахохлившуюся птицу, за столом руководства сидел господин Гершвиц Семен Исаакович, собственной персоной. Вот и верь в случайность встреч и событий. Интересно, а он здесь чем занимается? Да, встреча самая нежелательная. Интересуюсь у Светки:

— А чем этот Ведьмак занимается по жизни?

— Он — известный психиатр, а, кроме того, ведет у нас в институте ряд закрытых исследований на кафедре ксенобиологии. Разносторонняя личность.

— В вашем институте? — Мне показалось, что Светка оговорила.

— Да, в НИИ медико-биологических проблем. Мы в шутку называем его — НИИЧАВС ну как у Стругацких в «Понедельнике». Я понимаю, что опять будешь смеяться и подкалывать, но мы стараемся изучать проблемы, которые не вписываются в общепринятые теоретические постулаты, но все-таки существуют. Я, к примеру, занимаюсь вопросами воздействия на организм способами биоэнергетики.

— Гипноз, что ли, или экстрасенсы какие? — Час от часу не легче, вот это — влип

конкретно. Конкуренты, маму их не хорошо, и я среди них. Контора у них наверняка о-очень серьезная, раз Гершвиц этот с гэрэушниками якшается, и если заподозрят лазутчика от конкурирующей фирмы, избавятся, даже не поморщившись.

По-видимому, Светка все-таки уловила сомнения на моем лице, но, к счастью, поняла по-своему.

— Что-то общее есть, — заговорила она, — но если ты не специалист, специфическая терминология только еще больше тебя с толку собьет.

Совещание руководства клуба закончилось. Тот, кого Светка назвала Инквизитором, неторопливо встал и вышел на сцену. Негромко кашлянув, чтобы привлечь внимание зала, он густым, хорошо поставленным, голосом произнес:

— По общему мнению, первый приз присуждается маске волка. Новый год он встретит вдвоем, по своему усмотрению, в Сингапуре. Прошу, молодой человек, не стесняйтесь, подходите сюда и получайте путевку. Пусть ваша первая победа на сцене даст вам силы для дальнейшего совершенствования своего мастерства.

Новоиспеченный лауреат под одобряющие хлопки посетителей приблизился к сцене. Яркий конверт словно ниоткуда возник в руках Инквизитора.

— А теперь мы попросим нашего победителя исполнить еще одну песню. — С этими словами Инквизитор приглашающе взмахнул рукой и отступил к своему столику.

Маска волка вынес из-за кулис гитару и заиграл. Песня совсем не была похожа на те предыдущие, за которые он заработал приз, но ее слова мне почему-то запомнились сразу.

Что умею я — все ненужное.

Что с того, что чего-то умею.

И тихонько в душе сатанею:

Недосказано, недослушано.

Не в ладах я сегодня со временем —

На потом оставляю все.

Мол, будет времени много еще,

И по этому, бог с ним, с умением.

Перепрыгнул за возраст Христа

И считаю излишние годы,

Сколько мне их дано от природы,

От Голгофы и до креста.

Разучился простое ценить

И уже не ищу в жизни главного,

Не осталось во мне православного,

Да себя уже не изменить.

Сам себя разопну на кресте,

Не надеясь на высшее чудо,

Своего не дождавшись Иуды

Брошу тридцать монеток толпе.

Затихли последние аккорды, парень под аплодисменты вернулся за свой столик. По его блестящим глазам и движениям пальцев даже не опытному человеку было понятно, что он спел бы еще, но на сцене вновь появился Инквизитор.

— Господа, как вы поняли, у нас сегодня день радостных подарков. — Заговорил он, мгновенно овладев вниманием посетителей. — Наша комиссия, посоветовавшись, решила дать еще один приз. Поощрительный, но не менее почетный. Наш гость в синей маске показал себя хорошим музыкантом и неисправимым романтиком, что само по себе редкость. По этому мы взяли на себя смелость немного отступить от традиции клуба и наградить его поездкой на двоих на базу отдыха в Карелию. Прощу на сцену, молодой человек.

Именно на сцену идти не хотелось — наличие Гершвица в зале беспокоило слишком сильно. Если он меня узнает, проблем не миновать.

— Ну, смелее, молодой человек. — В голосе Инквизитора зазвучали насмешливые интонации. — Не стесняйтесь. Ведь вы пели очень хорошо, и мы бы хотели вас услышать еще раз.

Что ж, он прав, стесняться нечего, а таким поведением привлекаю к себе внимание еще больше. Подталкиваемый Светкой, я поднялся и приблизился к Инквизитору.

— Вот ваша путевка. Желаю приятно отдохнуть в компании с приятной подругой. — Сквозь прорези в маске на меня смотрели глаза немолодого мудрого человека. — Будьте немного понаглее и посмелее и все образумится. И, пожалуйста, исполните песню, которую ни кто и никогда не слышал.

Гитара попала мне в руки не та, с которой пришлось выступать ранее. Тембр звучания оказался ниже и, подстраивая голос под звуки струн, я запел, глядя на замершую за столом Светку:

Вечер поздний, окна не зашторены
И сквозь стекла льется свет луны.
Души светом неземным наполнены,
Чувства, как тела, обнажены.

Словно кистью луч луны-волшебницы
Очертит нагую красоту
И изгибов плавных полумесяцы
И движений нежных простоту.

Волосы, что цвета ржи нескошенной
Разметались в белых простынях
И одеждой, в сторону отброшенной
В таинство любви зовешь меня.

Звезд глаза в смущении закроются
Незаметным облаком с небес,
Стоит лишь к твоей груди притронуться
И прижать неистово к себе.

Как с обрыва в бездну чувства бросимся,
Мы с тобой одним поражены.
И бесстыдно время остановится
В вечер незашторенной луны.

Со Светкой мы расстались уже в подъезде нашего дома. После моего «звездного мига» она как-то притихла, а я пытался просчитать все возможные и невозможные варианты развития событий, которые могут последовать после посещения «Гнезда дракона». По всем прикидкам меня расшифровать не должны, но внимание к своей персоне я привлек. Этим «утешительным» призом Инквизитор и компания, как два пальца об асфальт, дали понять, что я их заинтересовал. Даже при всем моем скептическом отношении ко всяким колдунам и экстрасенсам отечественного разлива, здесь, в клубе, очень много странностей связанных именно с той сферой деятельности, чем мы занимались в отделе «П». Почти сразу после вручения призов мы ушли и, немного погуляв по вечерним улицам, направились домой. Только у самых дверей в Светкину квартиру моя спутница немного ожила и повеселела.

— Сережа, поднимайся к себе, а я, если ты не против, минут через десять принесу гитару. Очень хочется тебя послушать. — Ткнув теплыми губами в щеку, Светка скрылась за дверью.

Десяти минут мне должно хватить на некоторые дела, не предназначенные для посторонних. Номер экстренной связи был забит в памяти мобильного под прозаическим именем: «Нина Павловна — справочная „Мегафона“». Среди двух десятков номеров с различными именами и бытовыми службами он совершенно не выделялся, зато прямой выход на оперативного дежурного нашей «конторы» действовал круглосуточно.

Мне повезло. Не смотря на нерабочее время Дядя Арчил оказался на месте. По вопросам, которые начал задавать Мاستурадзе, сразу стало понятно, что информация его очень заинтересовала, особенно личность Гершвица.

— Ладно, дорогой. — Уточнив все, что хотел, полковник подвел разговор к завершению. — Езжай со своей подружкой на базу отдыха, развлекайся и одновременно внимательно осмотришься. Будь крайне осторожен и не забывай каждое утро выдавать сигнал на известный тебе номер. Возможно, тебя подстрахует наш человек, но ты его не знаешь, он из питерских кротов. Все, отбой.

Я растерянно повертел умолкшую трубку в руке. Кажется, мой отпуск накрылся медным тазом. Во всяком случае, ближайшее время придется совмещать отдых с оперативной работой, а это мне очень и очень не нравилось.

При наличии пустого холодильника ужин не соберешь. Это я уяснил сразу, лишь приоткрыл белую дверку «Аристана». К имевшейся в заначке бутылке армянского коньяка закуски не было, ни какой. Пока я разглядывал стоящий в гордом одиночестве на кухонном столе «Арапат», входная дверь тихо скрипнула.

Странно, вроде бы замок защелкнул. Неужто дверь до конца не захлопнул? С такими мыслями я вышел в прихожую, где меня уже ожидала Светка. Странное выражение лица мне почему-то не понравилось сразу. Не успел я спросить: «А где же гитара?», как Светка молча расстегнула платье и сбросила его на пол, нижнего белья на ней не оказалось. Растянув щеки в неестественно широкой улыбке, она сделала шаг ко мне.

Приторно-пряный запах корицы, казалось, источала вся прихожая. Несколько ярких синих искорок затрепетали в воздухе между мной и медленно приближающейся Светкой. При всей красоте обнаженного, почти совершенных пропорций, тела, ни какого вожделения оно у меня не вызвало. Перебивая коричневые запахи, в носшибанул аромат лилий. Ощущение опасности, словно прикосновение мокрого холодного полотенца к голове и шее, от которого волосы ощутимо встали дыбом. Непроизвольно сделав шаг назад, я уперся спиной в угол стенного шкафа.

— Люби меня. — Мне показалось, что из-под неестественно ярко-красных губ на миг показались тонкие острые клыки. — Обними меня, мне холодно. Ну, иди же ко мне.

Дверь за спиною девушки открылась и в проходе показалась еще одна Светка, но одетая и с гитарой в руках. В этот миг одна из синих искорок, ярко вспыхнув, влетела в рот обнаженной девушки, и передо мною возник обтянутый серой иссохшей кожей череп с острыми, как иглы, зубами. Костлявые руки с длинными, покрытыми черной грязью, когтями устремились ко мне. Еще несколько искорок, словно ракеты, вонзились в тело чудовища, и в этот момент я ударил кулаком ему в подбородок. Слышно хрустнули сломанные кости, запястье заныло от удара, но чудище отступило на шаг. Что-то большое и коричневое с размаху опустилось на голову монстру, жалобно зазвенели рвущиеся струны. Чудовище опустилось на колени, и я нанес сильнейший удар ногой в тонкую шею. Распластавшись на линолеуме, оно неподвижно застыло. Пробитая дека гитары еще раз опустилась на лежащее тело, но я уже выхватил спрятанный на полке пневматический пистолет-пулемет и всадил несколько сферических пуль, обработанных амальгамой, в начавшуюся подниматься голову. Вонь разлагающейся плоти заставила затаить дыхание, но нескольких секунд хватило, чтобы тело чудовища оплыло и превратилось в мерзкую зловонную жижу.

— Вот, гадина! — Первой прорвало Светку. — Какой же урод это придумал!

Дальше речь моей знакомой изобиловала такими выражениями, что я на миг усомнился в ее высшем образовании и вполне интеллигентной работе. По-моему, даже наш помощник коменданта, считавшийся главным матерщинником «Арбатского военного округа» почтительно б снял фуражку, услышав такое.

Пол стакана коньяка, незамедлительно подсунутых мною, немного привели девушку в чувство. Пока Светка, успокаиваясь, приходила в себя, я успел затереть быстро испаряющуюся вонючую лужу и опрыскать ее дезодорантом. Затем влил в себя сто грамм «Арапата» и вопросительно поглядел на девушку.

— По-видимому, ты кому-то очень не понравился в клубе. — Задумчиво произнесла она. — Чтобы вызвать гуль, нужно достаточно смелости и нахальства — ненасытившаяся джиннья может вернуться к тому, кто ее вызвал и в отместку убить.

— Послушай, Света. — Изображать немного растерянного тупого вояку у меня получается не всегда хорошо. — Мы же материалисты. Какие, к черту, гули и джинньи? Какие там вампиры и фейри, колдуны и инквизиторы? Мы где живем?

— Мне странно слышать пафос и возмущение в твоем голосе. — Светкины глаза подозрительно заблестели. — Ты сам сейчас видел самую настоящую нечисть, сам ее убил и еще после этого порядок в коридоре навел. Даже пистолет у тебя очень странный. Да и сам ты какой-то очень странный, иногда пытаешься изобразить натурального Скалозуба, а из-под этой маски зачастую проглядывает совершенно другая суть. Кто вы, господин майор? Как связано все это с появлением гули в твоей квартире? Почему тебя с первого посещения

клуба зачислили в VIP-гости?

— А кто ты?

Светка на мгновение умолкла, но ее взгляд стал наливаясь свинцовой тяжестью. Едва ощутимый цветочный аромат коснулся ноздрей, перебивая остатки недавнего вонючего безобразия. Кулон в виде глаза на ее шее начал раскачиваться словно маятник, притягивая взгляд к себе.

В свое время нас учили противодействию к гипнотическому трансу. Со всеми бойцами группы работали несколько сильных психологов, гипнотизеров и экстрасенсов-биоэнергетиков, их практические уроки запомнились на всю жизнь. Есть несколько точек на теле человека, и если правильно воздействовать на них, включается дополнительная защита мозга, помощи которой достаточно для ухода из-под чужого контроля. Конечно, для очень сильных и по настоящему великих экстрасенсов, вроде Вольфа Мессинга, такая защита лишь снижала уровень воздействия, но от обычного среднего гипнотизера защищала надежно.

— Твой взгляд сосредотачивается на этом блестящем маятнике, он ловит око и притягивает к себе. — В голосе Светки стала ощущаться тягучая обволакивающая сознание сила.

Скользнувшая вниз рука, как бы невзначай, легла на ногу, и точный немного болезненный тычок пальца в область подколенной впадины мгновенно прояснил сознание.

— А что! Кулончик-то и в самом деле занятный. Наверняка раритетный. — Выпростанной из-под стола рукой, я коснулся качающегося глаза. — Ух, ты! И в самом деле глаз изображен. От сглаза что ли?

Светка инстинктивно отшатнулась. В ее глазах мелькнуло неприкрытое удивление, которое она постаралась скрыть, прикрыв на мгновение веки.

— Но, по-моему, мы отвлеклись от разговора. Конечно, красивые безделушки и украшения делают любую женщину неотразимой, но мы говорили о другом. — Протянутый Светке стакан с коньяком вполне соответствовал моему тону человека, не заметившего какого-либо воздействия на себя. — Мы же знаем друг друга со школы, я помню тебя маленькой худой первоклашкой, которая постоянно влипала в разные переделки из-за своего любопытства и языка. Ты, если я не ошибаюсь, училась в шестом классе, когда я закончил десятый и поступил в военное училище. Правда, я на тебя большого внимания не обращал — ну, соседи, так, пробегают пигалица по лестнице мимо, здороваются. А сейчас смотрю: красивая молодая женщина, со своими самостоятельными взглядами на жизнь, смелая, решительная, прямо — валькирия. И мы зачем-то задаем вопросы, типа «Кто ты?» или «Что у тебя?». Что касается пистолета, не забывай, что я — военный человек и оружие — моя слабость. Вот — смотри. — Пистолет лег на стол перед девушкой. — «Бушмен». Точная копия английского пистолета-пулемета, но стреляет специальными металлическими шариками, которые приводятся в движение с помощью сжатого воздуха. Одного баллончика хватает на двести-двести пятьдесят выстрелов. Сами баллончики почти идентичны тем, что раньше использовались в сифонах для газированной воды, во всяком случае — внешне. Сферические пули-шарики летят на дальность до пятидесяти метров, а на шесть метров свободно прошибают трехслойную фанеру. Стрельба ведется практически бесшумно и без отдачи. Точность наводки обеспечивает специальный лазерный прицел. Смотри, видишь красную точку на стене? Именно туда и пойдут пули при выстреле. А самое смешное, что такое оружие не относится к боевому и не требует какой-либо лицензии. Спортивный пневматический пистолет, который можно купить в любом спортивном магазине, но в

умелых руках он представляет определенную силу, даруемую любым оружием. А какая простота устройства...

Сбить с мысли, заболтать, отвлечь, переключить интерес. Существует множество методик, начиная от переговоров с самоубийцами или террористами до доведения к определенному состоянию человека с целью получения информации или выполнения нужных действий. При нашей специфике службы проведение различных практических психологических тренингов входит в программу подготовки.

Светка уже с некоторым интересом смотрит, как спортивную мишень дырявят пули, превращая пятимиллиметровую «десятку» в рваную прореху. Изящная девичья рука тянется к пистолету, и в глазах загорается азарт. Жаль, конечно, покрытых серебряной амальгамой боеприпасов, но обычных — тренировочных — у меня осталась только одна пачка, да и то не полная, а остальной запас состоит только из специальных пуль различного предназначения. Маленькое ноу-хау нашего института, специально разработанное для действий на территории нашего Отечества, чтобы не подвергаться глупому риску там, где по закону нельзя использовать настоящее боевое оружие.

— Свет, а что ты там говорила про эту злосчастную гуль? — спрашиваю, одновременно помогая девушке правильно целиться по мишени. — Мне вообще не понятно, что все-таки произошло, и было ли это на самом деле? — Демонстративно принимаю к остаткам «аромата» из коридора. — Ну, и духан! Значит, что-то все-таки было.

— Было, еще, как было. — Светка вернула пистолет и немного расслабленно откинулась на спинку стула, но ее глаза внимательно следили за моим лицом. — За годы Советской власти из поколения в поколение насаждался материализм, любая религия заменялась идеологией партии. Коммунизм, как духовная основа жизни народа, и его апостолы: Маркс, Энгельс и живое воплощение пролетарского бога — Ленин. Все, что не могло быть доказано наукой, не подходило к господствующей идеологии или шло вразрез с постулатами материалистического воззрения на окружающий мир, объявлялось вредными предрассудками, антинаучными суждениями или идеологическими провокациями капиталистического окружения. Были вычеркнуты из истории ряд эпизодов жизни общества, как будто их не существовало вообще. В хранилищах, музеях и библиотеках исчезли множество документов, исследований, научных трудов и экспонатов, доказывающих, что мы не одни на нашей планете. Существует ряд явлений, которые не возможно доказать с точки зрения современной науки, но они-то есть, и имеются достаточно доказательств существования сверхъестественных существ и результатов их деятельности, паранормальных способностей части представителей рода человеческого и тех, кто выдает себя за людей. Ну, чего ты усмехаешься? Это и в самом деле так. Несколько минут назад тебя чуть не загрызла гуль. Ты признаешь этот факт, который до сих пор смердит в твоём коридоре? Гули относятся к нечисти, но не нашей, а мусульманской. Разновидность джиннов женского рода, ими при определенных условиях можно повелевать. И некто направил эту джиннью за тобой. Такое действие требует очень точного и правильного соблюдения ритуала, к тому же это под силу опытному специалисту, который в состоянии подчинить создание человеческой тени, или полнейшему, но талантливому, придурку, который не задумывается о последствиях.

Да-а, а моя знакомая не плохо разбирается в мифологии, но, по-моему, уже начала потихоньку отходить от темы. По этому пришлось задать вопрос, перебив собеседницу:

— Это — частный случай, но ты что-то говорила о способностях и тех, кто выдает себя

за людей.

— Когда Горбатый объявил гласность и вседозволенность, произошел всплеск всякого непотребства, но в то же время исчез тотальный контроль и прессинг со стороны КГБ на настоящих экстрасенсов и колдунов, на малейшее проявление нечеловеческой сущности. Среди множества мошенников и шарлатанов, расплодившихся в те смутные годы, стали появляться и настоящие чародеи и те, о ком мы слышали только в сказках. Изучением паранормальных явлений в нашей стране стали заниматься многие, начали издаваться журналы и газеты, на некоторых телеканалах появились постоянные программы о неведомом, создавались исследовательские группы, которые действовали на энтузиазме и за свой счет, но реально ни кто не попытался придать всем этим проявлениям неведомого научную базу. Затем появился наш институт. До перестройки он занимался закрытыми темами и курировался одним из отделов ЦК КПСС, но после провала коммунистов и отстранения их от власти, его перепрофилировали и включили в программу одного из негосударственных фондов, хотя поговаривают, что негосударственный он лишь только формально. В принципе, это большого значения не имеет, главное, что финансирование позволяет заниматься изучением сверхъестественного.

— И не требуют результатов? — Последняя фраза чуть не вызвала у меня ехидную усмешку, но во время удержался. — Согласно законам житейской логики и современной экономики, такое хобби, как содержание закрытого исследовательского института со штатом сотрудников, лабораторными комплексами и прочими прибабасами в виде независимых и самовольных программ деятельности — слишком убыточное и хлопотное дело. Сейчас считают деньги все, и только наивный фантазер может поверить, что его работу финансируют просто так, ради его любви к науке или искусству. Раз существует источник финансирования, значит, имеется интерес к вашей работе. Это, как дважды два — четыре.

— Почему? Есть, конечно, у нас направления, которые определяет Фонд, но они не мешают заниматься паранормальными явлениями наравне с разработками по фармакологии и иммунобиологии.

— А этот, как там его, Ведьмак. Ты же сказала, что он то ли — психиатр, то ли психолог, а он то чем занимается, если не секрет?

— Ксенобиологией. Я же говорила тебе. Изучает считающихся вымершими существ и формами паранормальной жизни.

— Психоаналитик?

— Слишком несовместимы бывают процессы восприятия окружающего мира у людей и сверхъестественных существ или реликтовых животных. Возможности установления контактов с нежитью и нечистью, выявление ареалов мифических существ и способов их нахождения, это и есть основная его работа.

— А эта — гуля...

— Гуль.

— Ну, гуль, какая разница. Ее тот же Ведьмак наверно и вызвал, если все случившееся не случай массового психоза. И вообще, насколько мне известно, джинны — сильные, практически бессмертные, демоны, которых убить невозможно. А здесь? Несколько ударов рукой, и все — нету демона. Какие-то игрушечные монстры получают.

— Нам повезло. — Голос Светки заметно погрузнел. — Вызванные из мира теней существа адаптируются в нашей реальности около суток, и в этот отрезок времени очень

уязвимы и слабы. Именно тогда имеется возможность обрести над ними власть. Опытные заклинатели связывают их различными обетами и договорами, которые привязывают демонов к вызвавшему их человеку, но это — очень опасное дело. Такие понятий, как честь, правдивость и покорность, у демонов не существует и, чтобы удержать их в нашем мире для выполнения своих желаний, требуются очень сложные ритуалы, даже при выполнении которых нет гарантии нужного исхода и...

Трель дверного звонка оборвала разговор. Девушка заметно дернулась, и ее взгляд остановился за моей спиной. Вставая из-за стола, я посмотрел, куда она так уставилась, но кроме больших часов на стене там ни чего не было. Звонок требовательно зазвучал вновь.

Кого еще там нелегкая несет? Прихватив пистолет, я выключил свет и тихо приблизился к двери. Через специальный дверной глазок просматривалась вся лестничная площадка этажа, но заглядывать в круглое стеклянное приспособление я не торопился. Насторожила маленькая деталь: за дверью стояла темнота, а ведь, когда заходил домой, обе лампочки на этаже горели исправно. Выработанные годами тренировок, специальных занятий и опытом боевых действий инстинкты не позволили сделать непродуманных поступков. Тело ощутило приток адреналина, а в голове мелькнула запоздалая мысль: «Напротив двери вход на кухню, свет же там я выключил после звонка».

— И кто это такой добрый по ночам в дом стучится и честным людям спать мешает? — Постаравшись придать голосу побольше гнусавой сварливости, я мгновенно переместился в сторону от двери.

— Светлана Ульманен здесь проживает? — Хорошо поставленный баритон донесся с лестницы.

— Вы ошиблись квартирой. Здесь проживаю я.

Рука опустилась на рычаг, блокирующий дверь, как по вертикали, так и по горизонтали и только после этого бросаю взгляд на кухню, где сидела Светка, но девушка уже стояла рядом. Она молча качнула головой из стороны в сторону и прижала указательный палец к губам. С лестницы донеслось сопение, и тот же голос произнес:

— Мне очень нужно увидеть Светлану.

— А мне очень хочется спать. Понятно? — Ситуация возникла нелепая и непонятная, но открывать дверь или препираться стоя за нею я не собирался. — Будете ломиться в дверь, я вызову милицию, и там объясняйте, что вы не верблюд.

— Сам — верблюд! — Донеслось из-за двери, и гулкие шаги загромыхали по ступеням.

Глава 3. Новые встречи, странные впечатления

Уличные фонари не давали сгуститься темноте около окон квартиры. Полупрозрачные шторы позволяли свету, хоть чуть-чуть, проникать на кухню. Не включая освещения, мы молча допили коньяк, не смакуя и без закуски.

Настенные часы пробили двенадцать, но Светка уходить не собиралась. Разговор не складывался, на все мои вопросы или высказывания девушка отвечала односложными словами. По ее сосредоточенному лицу и дураку стало бы ясно, что в голове идет какой-то сложный мыслительный процесс. Сидеть с умным видом на кухне мне совершенно не нравилось, но когда я в очередной раз встал из-за стола и демонстративно стал шарить в холодильнике, Ульманен очнулась. Ее взгляд перебежал с часов на меня, затем опять на часы.

— Что-то мне боязно выходить за дверь. — Голос у Светки чуть дрогнул. — Если ты не против, я переночую у тебя.

Какие могут быть возражения, когда в квартире одна кровать, но чтобы снять все сомнения относительно предстоящей ночи, галантно спрашиваю:

— А жалеть о содеянном дама не станет? Ночь, проведенная в доме малознакомого мужчины, может звонко ударить по репутации.

— Мне не пятнадцать лет, — Светка впервые за последний час улыбнулась, — и за мою репутацию не беспокойся. Мне еще завтра на работу, а мы тут тратим время на пустопорожние разговоры.

Проведенная без сна ночь на состоянии почти не ощущалась. Во всяком случае, двух десятков минут, отданных сну, хватило, чтобы чувствовать себя более-менее нормально. Не раз и не два я замечал ранее, что если над тобой не довлеет призрак раннего подъема и обязательной после этого нудной и тяжелой работы, для сна хватает самого минимума. Вот и сейчас, не смотря на декабрьскую утреннюю темноту и достаточно раннее время, в душе ощущался деловой задор.

Светка шевельнулась во сне и, не открывая глаз, прижалась к моему плечу. По таймеру, что крупными цифрами светился на экране монитора, до пробуждения девушки оставалось минут пятнадцать. Я осторожно выскользнул из-под одеяла и отправился на кухню. Еды в доме нет, но кофе для девушки найдется всегда.

Светло-коричневая пенка поднялась над краями турки, но этот момент я не прозевал. Зачастую случалось так, что ароматный горький напиток, без которого по утрам чего-то не хватает, превращался в мутную невкусную бурду, если отвлечься от созерцания начинающей светлеть и медленно подниматься поверхности готовящегося кофе. Взбурлившись кипящими пузырями оно мгновенно выплескивалось на плиту, лишаясь половины вкуса.

— Как вкусно пахнет!

Мягкие шаги в коридоре и восторженный возглас застали меня врасплох. Едва не пролив содержимое турки себе на ногу, я повернулся. В свете маленького ночника, поставленного на холодильник, обнаженное тело девушки, возникшей в проходе, показалось самым прекрасным зрелищем, какое я видел. Без всякого стеснения Светка подошла ко мне и прижалась грудью к моему торсу, затем отстранилась и села на табурет.

— Видела бы меня мама. Наверное, все волосы б выдрала. — Девушка расправила плечи и тихо рассмеялась. — Она у меня женщина строгих правил, хоть и ведьма.

— Все женщины, немного — ведьмы. — Даже после бурно проведенной ночи я не мог оторвать взгляд от прекрасного тела. — Они завлекают своей красотой, а потом оказывается, что спустя какое-то время перед тобою стоит сварливая и далеко не прекрасная старуха. Но это не про тебя.

— Спасибо. Вот только до старухи мне еще далеко, еще лет так сорок-пятьдесят.

Часы пробили семь. За веселыми шутливыми пикировками мы провели на кухне почти полчаса, когда Светка неожиданно занервничала.

— Мне пора идти. — Уловив мой взгляд, она пояснила. — Сегодня — рабочий день, и в девять мне необходимо находиться на рабочем месте. Не расстраивайся, пятница — короткий день, и если ты не против, и у тебя нет других планов, все выходные будут наши.

От такого предложения у меня радостно заныло в груди — ближайшее будущее показалось прекрасным и очень перспективным. «А может и в самом деле пора завязывать с холостяцкой жизнью?» — мелькнула шальная мысль. По-видимому, Светка что-то уловила на моем лице. Ее глаза странно блеснули.

— Все будет хорошо. — Ласково проведя кончиками пальцев по моей щеке, она встала. — А сейчас мне необходимо принять душ и привести в себя в порядок.

В то короткое мгновение, когда Светка вошла в душевую комнату и оказалась полностью освещена, я заметил некоторую странность. Нижняя часть кобчика девушки показалась мне немного удлинённой, с боков, словно выделяя эту часть тела, тянулись продольные ямочки. И в самом деле, чем-то напоминает маленький приросший хвост. Странно, как только я его ночью не заметил?

— Сережа, если не трудно, принеси, пожалуйста, полотенце.

Светкино пожелание я принял с энтузиазмом. Приняв полотенце, девушка хотела прикрыть дверь, но я чуть ее придержал.

— Если ты — ведьма, то у тебя есть хвост. — Обезоруживающе улыбаясь, я приоткрыл дверь еще шире.

— Это — мой секрет! — Светка быстро завернулась в полотенце. На ее лице ощутимо выступило выражение паники.

Нет, так — нет. Каждый человек имеет право на личные секреты, но зачем же так паниковать. Я вернулся на кухню. Несмотря на все, настроение оставалось приподнятым, и маленький и удачный отпор со стороны Светки ни чуть его не испортил.

Вскоре, источая свежесть, девушка вернулась на кухню. Закутавшись в мой махровый халат, она плюхнулась на стул.

— Ты уж извини, но я не люблю, когда за мной подглядывают. — В голосе Светки ощущалось некоторое напряжение. — Если наши отношения продолжатся, то никаких секретов между нами не будет, а пока...

— Не хочешь меня разочаровывать? — Дернуло меня за язык, но тотчас же постарался изменить пошловатый смысл фразы. — Мне все в тебе нравится, и я с превеликим удовольствием увижусь с тобой еще не раз, если ты сама не возражаешь.

Светка улыбнулась. Я почти растаял в ее улыбке, но девушка, чмокнув меня в щеку, побежала одеваться.

Когда захлопнулась дверь, я с опозданием вспомнил о происшедших накануне событиях. Нужно было проводить ее до выхода из подъезда. Такое решение подсказывают эмоции, но здравый смысл и многолетний опыт спецопераций почему-то не дают повода для тревоги. Кто бы там ни был, но сидеть всю ночь в подъезде жилого дома в ожидании девушки он не

станет. А почему — именно девушки? Та же самая гуль приходила именно в мою квартиру, и неизвестный стучался также ко мне. Есть о чем поразмыслить и продумать до встречи со Светланой. В моем распоряжении целых пять часов — мы договорились встретиться в небольшом кафе неподалеку от Светкиного института в обеденный перерыв. Что ж, в принципе, все складывается не плохо: посмотрю на контору, где девушка работает, договорюсь на счет вечера, а пока времени достаточно, чтобы решить некоторые свои дела.

Несколько кружек кофе, выпитых с утра, аппетита не убавили. Очередную попытку дойти до ближайшего магазина совершить не удалось.словно по вчерашнему сценарию, едва я оделся, в коридоре прозвучал звонок.

— Ну, дайте же человеку поспать! Восемь ночи все-таки!

Услышанную когда-то из мультика фразу Масяни я постарался переделать на свой лад. Кто бы там ни был, но, произнесенное в нужной тональности и немного бестолково, невольно заставляет возможного врага в чем-то расслабиться и дает преимущество сказавшему. Адреналин уже попал в кровь и начал свою работу, состояние готовности к схватке включили боевые рефлексy. Все-таки что-то слишком популярной стала моя квартира за последние двадцать часов.

— Зеленые шарфы и красные колпаки, все по цене пятьдесят три копейки. — Донесся из-за двери незнакомый женский голос.

— Беру мелким оптом за девять рублей. — На специальный пароль, известный только специалистам нашего отдела, а цифрами шла привязка к дате и времени, давал право на отзыв, удостоверявший, что пароль назван нужному человеку.

— Сергей, открывай, это — я. — Знакомый мужской голос устранил все сомнения.

Вошедшие мужчина и женщина остановились в прихожей. Заместителя начальника оперативной части майора Петра Прошкина недолгобливали многие офицеры, числящиеся за отделом. Учитывая скудность штатов, он отвечал, как за некоторые оперативные разработки на территории федерации, так и за соблюдение режима в институте. Будучи человеком въедливым и принципиальным, майор попортил много крови и прикомандированным, и самим работникам «конторы». Обычно он словно паук, раскинув сети, сидел в административном корпусе, собирая данные от информаторов, и очень редко покидал Москву. У меня трений с ним по вопросам режима не возникало, а те редкие споры при обсуждении предстоящих операций не в счет, но на душе неприятно екнуло. Если Паук, именно так с моей легкой руки прозвали Прошкина, лично приперся в Питер, жди неприятностей или мой отпуск окончательно накрылся красивым медным тазом.

К тому же, не было уверенности, что замначопера простил мне один жесткий прикол, если, конечно, он знал о его авторе. Около года назад, получив указание от руководства отдела по расширению сети осведомителей, Паук развил бешеную деятельность по вербовке агентов в ряде регионов страны. Однажды на совещании он провозгласил идею о том, чтобы прикомандированные офицеры давали ему информацию по обстановке в местах проживания их семей. Такие высказывания потянули за собой ропот и недовольство. Кое-кто уже начал грозиться начистить слишком рьяному служаке рожу, но обошлось без крови. Однажды, пока Прошкин протирал штаны на одном из совещаний, на доске объявлений оперативного отдела появился плакат из серии «Пионеры-герои» с портретом и описанием подвига Павлика Морозова. Со сделанной фломастером надписью: «Требуется работа. Резюме». Плакат провисел сутки, вызывая смех и подначки офицеров, пока Паук его не увидел лично и не сорвал с доски. Обиженный замначопера накатал на имя Дяди Арчила громадную

жалобу с просьбой разобраться с авторами данного опуса, но даже многоопытный полковник так ни чего конкретного доказать не смог. Компанию привлечения офицеров к своей информационной сети Прошкин замыл, но пообещал устроить ответную подставу, как он выразился, «слишком шустрому юмористу». Этим юмористом был я, но ни кто ни чего не видел и признаваться в содеянном желания не возникало, хотя Мастуразде однажды в приватном разговоре дал мне понять, что вся история с плакатом навевает ему знакомый стиль работы одного идеологически невыдержанного командира группы, но свое мнение он ни куда выносить не станет.

— Ну, рассказывай, что тут у тебя произошло. — Едва поздоровавшись и даже не представив свою спутницу, Паук взял быка за рога. — Меня вчера вечером вызвал Мастуразде и срочно оправил к тебе, даже толком ни чего не объяснив. Сказал только, что дело связано с новой оперативной разработкой.

Ох, темнишь, Петя, воистину темнишь. Зная твою скрупулезность и настойчивость, ни за что не поверю, что ты не выпытал у Дяди Арчила всю информацию по моему звонку. На память пришел случайно услышанный вопрос шефа на счет Гершвица, и в голове сложилась картинка возможной перспективы.

— Ну? — В голосе Прошкина ощутилось нетерпение.

— Извини, Константинович, сначала даму представь.

— Старший прапорщик Зеняева, в неслужебной обстановке можете называть — Альбина. Женщина представилась сама.

— Альбина Ильдусовна числится в нашей оперчасти, — пояснил Паук, — но занимается в основном агентурными вопросами. Она останется в Питере для связи с отделом, нашей агентурой, ну, и твоей подстраховкой.

Я недоверчиво взглянул на прапорщицу. С дамами мне почти не приходилось работать. Когда идут силовые операции и от каждого бойца зависит результат, многое решает умение и опыт, помноженные на высочайшую подготовку, а достичь такого уровня женщине практически невозможно — проблема в физиологических особенностях организма. Внешне Альбина выглядела лет на тридцать-тридцать пять. Мелкие морщинки уже коснулись краев век, в глазах ощущался определенный жизненный опыт, но некрашенных темно-русых волос седина еще не тронула. Одета в облегающий джинсовый костюм и утепленную куртку, она не поражала физической мощью, хотя в движениях ощущалась некоторая хищная грациозность.

Обреченно вздохнув, представляюсь:

— Майор Рябов Сергей Иванович, в неслужебной обстановке можно называть по имени.

Рассказ занял около двадцати минут. Гости слушали внимательно и вопросами не перебивали, лишь, когда я упомянул о гули, в глазах обоих промелькнул какой-то нездоровый азарт. О ведьмовских признаниях Светки говорить не стал, как и не стал акцентировать странности ее кобчика. Все, что произошло между нами — мое личное дело, а не повод для оперативной разработки. Остатки праха, собранные вечером на половую тряпку, Прошкин немедленно упаковал в герметичный пакет и сунул было в комнату, но я его остановил:

— Там ни чего занимательного не происходило.

— Волосы вашей подруги, следы пота, может еще чего-нибудь...

— Извини, Константиныч, но я тебе в задний проход не лезу. — Грубо прервал я, закрывая перед носом Паука комнатную дверь. — Моя личная жизнь работы не касается.

— Но...

— Уймись. Я знаю традицию, и если решу на ком-нибудь жениться, тайком этого делать не буду.

Прошкин понимающе кивнул и отступил. Не помню, кем это было озвучено, но раньше в императорской армии имелаась и такая традиция, как представление будущих жен офицеров на офицерских собраниях, где в неформальной обстановке командир и сослуживцы могли бы оценить выбор невесты и утвердить его. Если же офицер вопреки мнению коллектива и командира полка все-таки связывал жизнь со своей избранницей, то его дальнейшее присутствие в армейских рядах не представлялось возможным. Может, это — просто красивая байка о традициях царской армии восемнадцатого или девятнадцатого веков, но, не взирая на скептическое, а иногда и отрицательное, мнение ряда старших офицеров министерства, наш генерал такую практику своим отделом ввел.

Только наведя более-менее приемлемый, по моему мнению, порядок в комнате, я допустил туда гостей. Хрен бы я туда их впустил, но, к моему глубокому сожалению, другого способа попасть к компьютеру не имелось.

Паук свое дело знал. Шифровка сообщения у него заняла несколько минут, хотя текст он набирал почти полчаса. Затем с помощью двух отдельных флэшек, он установил еще два уровня кодировок и только после этого отправил сообщение по электронной почте. Специальные почтовые ящики для получения подобной информации имелись во всех крупных системах сети с хитроумными паролями, основанными на тринадцатичной системе исчисления. Разработанные в институте программы позволяли защитить информацию почти на сто процентов и имели специальные программы самоуничтожения, если какой-нибудь удачливый хакер все-таки пройдет хотя бы второй уровень защиты.

Я повертел мобильник в руках, а на душе, высекая искры, скребли кошки. Теперь все мои передвижения могли контролировать через спутниковую систему с точностью до нескольких метров. «Подарочек» от Дяди Арчила мне передал Паук, недвусмысленно порекомендовав с ним не расставаться. Почти такой же, что и был у меня до этого. В памяти забиты необходимые номера для связи и еще несколько прибабасов, вроде навигатора, тревожной кнопки, электрошокера и даже ультразвукового отпугивателя насекомых. Вот только этот еще навороченнее: при необходимости срабатывал самоликвидатор и телефон становился гранатой.

Сам Прошкин с чувством выполненного долга уехал на вокзал, оставив на мое попечение прапорщичку. Пожелания институтского режимника оказались общими и оттого не достаточно понятными. Конечно, руководство отдела сейчас работало с чистого листа, но я так до конца не понял, отпуск у меня или пошла обычная работа. На прямой вопрос Паук ответил неопределенно, мол, отдыхай, но будь бдителен, по возможности собирай информацию, а подстраховка, вот она, рядом, и кивнул на Альбину. Затем он взглянул на часы и, озабочено закатив глаза, откланялся. Так называемая моя подстраховка осталась стоять рядом, молча и хлопая ресницами.

— И что мне теперь с вами делать? У меня по плану через пару часов встреча с девушкой, а вечером мы, возможно, придем сюда ночевать. И вообще, в отпуске я или нет?

Последний вопрос прозвучал немного громче, чем хотелось. Женщина укоризненно посмотрела и с оттенком брезгливости на лице ответила:

— Вашу половую жизнь я контролировать не собираюсь. И жить у вас тоже. Пока вы

кувыркались с потенциальным противником в постели, отдел провел огромную работу. Для меня уже снята квартира в соседнем подъезде, а сейчас должны закончить установку необходимой аппаратуры. Вопрос же об отпуске в мою компетенцию не входит, но если вы хотите услышать совет умудренной жизнью женщины, то могу посоветовать делать то, что вы и собирались. Отдыхайте, наслаждайтесь жизнью, на базу отдыха съездите. Моя же задача вас немного подстраховать.

Для обычной агентессы она казалась слишком уверенной. В ее голосе так и сквозили начальственно-покровительские интонации, как будто полковник снизошел до беседы с молодым солдатом. Да, привез Паук подмогу — фифу какую-то.

— Вы давно в отделе служите?

— Вам это очень интересно? — Удивленно вскинула брови Альбина. — С девяносто третьего года.

— Странно.

— Что мы не пересекались по службе?

— Что я вообще вас не видел.

— Зато я видела и не раз. — Женщина хитро усмехнулась, и неприятное выражение на ее лице исчезло. — Вы же — крутой спецназ, элита. По улицам и коридорам с высоко поднятым подбородком ходите, всех, кто ниже ростом не замечаете.

В чем-то Альбина, может быть и права, но лично я на память жаловаться не могу и на женин всегда обращаю внимание. Нет, все-таки есть какая-то тайна в этой даме, но желание что-либо выяснять пропало, как только посмотрел на часы.

— Что? Пора на свидание? — Заметила мое движение Альбина.

Неужто она собралась исполнять роль мамочки? Стараясь не раздражаться, я кивнул и начал собираться на улицу. Альбина оценила мое молчание и, надевая куртку, грустно улыбнулась:

— Эх, господин майор. Мне то что? Живите, радуйтесь, размножайтесь — божьи заветы актуальны для всех. Единственное, о чем я вас попрошу, это быть осторожным и бдительным. Вся ваша история слишком непонятна, и мне кажется, что мы упустили какие-то важные моменты. Надеюсь, что у нас еще будет время расставить все точки над «и», а пока живите с оглядкой и, пожалуйста, не расставайтесь с телефоном.

НИИЧАВО, как в шутку назвала Светка свой институт, занимал почти целый квартал исторически старой части Питера. Из-за высокой кирпичной стены виднелись безлистные верхушки деревьев и металлические крашеные крыши. На глухих чугунных воротах над калиткой висела табличка «Режимный объект. Вход и въезд по пропускам». Над ними и по верху всего ограждения виднелись тонкие провода сигнализации и глазки системы наружного наблюдения. По всем признакам, денег в этот НИИ вбухали много, даже — очень много. Провести капитальный ремонт наружных стен, полностью сохранив архитектурный стиль середины девятнадцатого века, установить новейшую систему контроля и безопасности, а площадь института очень велика. А что там еще внутри? Но я не стал находиться даже рядом с институтскими стенами. Камеры слежения и так, наверняка, зафиксировали мое прохождение мимо стен этого учреждения, а привлекать к себе пристального внимания не хотелось.

С видом скучающего зеваки, я неторопливо прошествовал в сторону кафешки, в которой Светка назначила свидание. Уже, когда ворота НИИ почти скрылись за поворотом, краем

глаза уловил движение около них. Небольшой автобус с надписью на борту «Накки-ярви» остановился напротив проходной, и из института вышла группа людей. Сделав вид, что прикуриваю сигарету, я искоса пригляделся. Метров с семидесяти подробно рассмотреть, к тому же одним глазом, оказалось трудновато, но даже с такого расстояния заметил, что в этих людях есть нечто странное. Четверо мужчин, одетые в долгополые пальто и надвинутые по самые брови вязанные шапки, даже под несуразной для их комплекции одеждой, казались ожившими глыбами, а три женщины, сопровождавшие их, одеянием напоминали монашек. Мешковатые хламиды не скрывали неуверенности и какой-то угловатости движений. Вышедший с ними из института мужчина, из-под куртки которого виднелись полы белого халата, что-то сказал, сопровождая слова энергичным жестом, и вся группа организованно загрузилась в автобус. Через несколько секунд он тронулся с места и развернулся в моем направлении. Попыхивая сизым выхлопом, автобус промчался мимо, и я отметил еще одну особенность — все стекла в салоне оказались тонированными до неприличия, сквозь них не улавливалось даже малейшего изображения, как будто они абсолютно не прозрачны. С рассеянным видом, с дымящейся сигаретой в руке, я двинулся дальше и, сворачивая за поворот, неожиданно, почти физически, ощутил тяжелый взгляд, направленный в спину. Искоса брошенный взгляд не выявил на мало оживленной улице ни чего подозрительного, но это ни чего не значило, все и так понятно — меня «пасут».

Кафе и в самом деле оказалось рядом, пройдя за перекрестком один дом, я уткнулся в вывеску с изображением дымящейся кружки над цокольным этажом. Светка, в компании двух дам неопределенного возраста, уже сидела за одним из столиков. Увидев меня, она недовольно сморщила нос и взглянула на часы.

— Извини, Светик, этот район я знаю плохо, и немного не рассчитал по времени. — Я виновато улыбнулся и чмокнул девушку в щеку.

— Это и есть тот кавалер, который прекрасно играет на гитаре, и заслужил интерес на клубной вечеринке? — В интонации крашеной блондинки, что сидела справа от Светки, прозвучало неодолимое любопытство, а в глазах ее явно мелькнул нескрываемый интерес.

Есть такая категория женщин, для которых любопытство является образом жизни. По-другому они просто не могут. Обычно, это неустроенные в личной жизни люди, и таким способом они реализуют недостаток общения. Что-то увидеть и услышать, сделать свои выводы, обсудить с кем-нибудь их — и на душе возникает чувство удовлетворения, а если еще и вмешаться в чьи-то дела, то вообще...

— Добрый день. Сергей. — Представляюсь дамам и присаживаюсь на свободный стул.

— Эльвира. — Блондинка учащенно захлопала ресницами, ее круглое сильно накрашенное лицо расплылось в улыбке.

— Дарья Степановна. — Назвалась другая женщина, показавшаяся полным антиподом Эльвиры.

Волосы цвета вороньего крыла обрамляли смуглое, немного скуластое, лицо. Большие фиолетовые глаза притягивали взгляд к себе и лишь немного поджатые губы придавали женщине высокомерное и брезгливое выражение.

— Мы вместе работаем в одной лаборатории. — Пояснила Светка. — Сейчас обеденный перерыв, а это — самая дешевая столовка около института.

— И кормят намного лучше. — Добавила Эльвира, которой явно не понравилось слово «дешевая».

— Значит, имеет смысл пообедать, — жизнерадостно заявил я, — а то, кроме кофе, у

меня с утра во рту еще ни чего не было.

Цена соответствовала качеству, хотя зимний салат и поджарка оказались вполне съедобными, а если учитывать, что я не ел со вчерашнего дня, даже вкусными.

Женщины неторопливо попивали кофе и обсуждали какую-то Полину, совершенно не умеющую одеваться. При этом, иногда поглядывали на меня, как я понял, оценивая и делая свои выводы. Стоило лишь мне отложить столовый прибор в сторону, как внимание переключилось на мою персону.

А что вы думаете о нынешней погоде и как она связана с обещанным глобальным потеплением? А вы, в самом деле, служите на Севере? А правда ли, что в армии бардак и мздоимство? А вы знаете, что Светлана считается одним из самых талантливых сотрудников института? А что вы скажете о последнем заявлении президента? Неужели мы сильнее Америки? А за границей вы когда-нибудь бывали? А вы знаете...?

Эльвира почти сразу вывалила на мою голову ворох различнейших вопросов, при этом ее лицо сохраняло благожелательное выражение. Порой, не дожидаясь ответа, она с восхищенным видом начинала спрашивать совершенно о другом и ее прикрытые пушистыми ресницами глазки хитро поблескивали. Все попытки Светланы что-либо сказать прерывались очередным вопросом или высказыванием крашенной блондинки.

Ее черноволосая коллега, наоборот, сидела молча, и у меня создалось стойкое впечатление, что она очень внимательно изучает меня. Как я реагирую на вопрос, что и как отвечаю — все фиксировалось в ее пристальном взгляде. Иной раз мне казалось, что она пытается разглядеть что-то не только в моем лице, а также и вокруг моей головы. Почему-то создалось стойкое впечатление, что обе женщины ведут совместное изучение по определенной методике: одна морочит голову серией вопросов различной степени сложности и направленности, а другая оценивает реакцию на них. Могу заметить, что это у них, в принципе, получалось не плохо. Единственное, такой способ не мог дать им правильного результата, так как я сам не плохо владею подобной технологией изучения людей, однако к концу обеденного перерыва в душе понемногу начало накапливаться легкое раздражение.

Слава богу, все хорошо, что кончается вовремя. Перерыв на обед также ограничен во времени. Бросив взгляд на большие часы, что висели над барной стойкой, Эльвира озабоченно закатила глаза и немного суетливо засобиралась:

— Ой, извините. Я — такая болтушка, но мне всегда было интересно увидеть Светиного кавалера, а тут такая возможность. Обед почти закончился, а я вам почти не дала возможности поговорить. Вы уж простите старуху.

«Старухе», в любом случае, больше сорока лет не накинешь, но я постарался, как можно беззаботнее улыбнуться и ответил:

— Ни чего страшного. В интересной компании всегда время бежит незаметно.

Молчавшая все время Дарья Степановна неожиданно подала голос:

— Конечно — ни чего страшного. Я думаю, что мы отпустим Светочку домой. Все равно сегодня пятница и перед выходными, на данный момент, ни какой сложной работы не имеется. Я думаю, что уважаемый Сергей подождет свою даму здесь, а мы быстро переоформим пропуск, и она через десять минут будет свободна.

Кто начальник, а кто подчиненный — ясно сразу. Даже то, как в кильватер к молчаливой брюнетке пристроились остальные женщины, соблюдая некоторую дистанцию, четко указывало на жесткую иерархию.

Оставшись один, я заказал большую чашку кофе и, попыхивая сигаретой, стал оценивать ситуацию. В том, что обе Светкины коллеги — экстрасенсы, сомнений не существовало. Даже говорливая Эльвира несла в себе нечто, трудно объяснимое простыми словами, экстраординарное. За внешней безалаберностью и простотой ощущался холодный аналитический ум, а манера поведения — типичная маска. Начальница Дарья Степановна — также, штучка еще та. Что же она пыталась во мне разглядеть? И что разглядела? Уж очень она мне напоминала настоящую ведьму, во всяком случае, внешне. И в самом деле — НИИЧАВО, раз такие «разносторонние» личности в нем работают. Наверняка и Светку убедили в ее ведьмовских способностях. Хотя, чего лукавить? Основами гипноза она владеет — вчера убедился. Это со мной ей не повезло, на подобное воздействие у меня есть защита. Странно, что ни чего в Светке я и в самом деле раньше не разглядел. А может потому, что не присматривался? Вот только, глядя на лучащиеся радостью глаза, ни чего подобного и делать не хочется. С другой стороны, знаю я эту девушку не первый год и ни чего странного, ни в ней, ни в ее матери, я не замечал.

Сигарета дотлела. Я отхлебнул начинающий остывать кофе, и мне на ум пришла следующая мысль. Наличие «конкурирующих фирм» руководством нашего отдела никогда не отрицалось. В том, что они имеются, знали все, но как-то считалось признаком плохого тона, особенно среди работников нижнего звена, о них упоминать. Слишком уж замкнутым сообществом считался наш отдел, впрочем, как и все подобные организации других ведомств. Мы никогда не стремились к контактам и обмену информацией с представителями других «контор», хотя пару раз выполняли работу совместно, взять, к примеру, последнюю операцию. Вспомнился интерес шефа к личности Гершвица, а ведь наш генерал что-то знал о нем, раз дал «добро» на совместную работу по зороастрийцам. А оперативность отдела после моего звонка из дома? Словно готовились заранее или так обеспокоились моей скромной, в пределах нашей конторы, персоной, что сразу на горизонте появилась «группа поддержки». А «Гнездо дракона» с непонятными личностями потустороннего толка? А гуль? Кому я мог помешать, едва приехав в отпуск? Или дело в Светлане? Слишком много вопросов, на которые конкретных ответов у меня пока не существует. Гули! Возможно, это — зацепка. Для того, чтобы вызвать джинню, необходимо знать и уметь слишком многое, связанное именно с укладом исламского мира, менталитетом и особенностями религиозных воззрений, а главное — с тонкостями домусульманских религиозных культов Ближнего и Среднего Востока. Нужно проникнуться духом тех опаленных знойным солнцем земель, образом жизни. Сделать же такое сидя в промозглом зимнем Питере чрезвычайно сложно. Какую силу и опыт нужно иметь, чтобы воплотить в реальность фантазию чужого народа?

— Извините, пожалуйста. — Женский голос отвлек меня от размышлений. — Вы не могли б уделить мне минуту внимания?

Первое, что привлекало к себе внимание, это глаза. Ярко-зеленые, сверкающие, словно изумруды под солнечными лучами, они притягивали к себе каким-то особым магнетизмом. Пришлось, правда, с достаточным усилием воли, на мгновение отвести взгляд в сторону, и лишь потом посмотреть, кого же нелегкая принесла в эту забегаловку.

Молодая девушка в байкерском прикиде стояла возле столика, сжимая в руке мотоциклетный шлем с торчащими из его нутра черными крагами. Кожаный костюм сидел на ней в обтяжку, что позволяло оценить красивую фигуру и грудь, наверное, седьмого размера, если не больше. Обрамленное гривой русских волос миловидное личико с большими

яркими глазами сразу напомнило о вчерашнем посещении клуба. Спутница Инквизитора. Но если вчера я ее видел в шикарном вечернем платье, то сейчас передо мной стояла сексапильная девчонка-оторва, и выглядела она не менее эффектно, чем двадцать часов назад.

— Чем могу служить? — Подчеркнуто вежливо поинтересовался я.

Говоря, скашиваю взгляд на вход в кафе. Естественно, такие люди, да без охраны? Два амбала, очень похожие на здоровяков, что я видел сегодня возле проходной института, топтались около дверей. В кожаных черных косухах, надвинутых на головы шлемах того же цвета, они напоминали терминаторов и даже на расстоянии внушали уважение.

— Иннокентий Константинович просил вас в течение сегодняшнего дня позвонить. — Изящная рука с немного длинноватыми пальчиками протянула визитку.

Отмечаю легкий, почти неуловимый, акцент, похожий на прибалтийский, и снова сталкиваюсь с притягательными изумрудными глазами. Да, подобрал себе подружку Инквизитор.

— Вы говорите о вашем вчерашнем спутнике? — Спрашиваю скорее утверждающе, вертя в руке протянутый прямоугольник.

— Обязательно позвоните, это в ваших интересах. — Фелиция развернулась и быстрым шагом покинула кафе.

Я проводил ее взглядом, откровенно любуясь точеной фигурой девушки, хотя шла она как-то немного странно, по-мужски, ставя ногу на каблук. К моему удивлению, ни кто из сидящих за столиками, а кафе было заполнено больше чем на половину, даже не повернул голову в сторону сексапильной красотки, хотя, по моему мнению, на нее должен обратить внимание каждый, кто считает себя мужчиной.

Наступило время повнимательнее рассмотреть визитку. Черного цвета, сделанная из прессованной кожи, с золотым тиснением, она несла на себе ощущение достатка и респектабельности. На одной стороне выдавлено изображение звериной пасти с факелом в зубах в обрамлении сложной аббревиатуры из готических букв, на другой же — надпись выдавленными золотыми буквами: «Иннокентий Константинович Урманский. Старший консультант. Центр социальной и психологической реабилитации негосударственного фонда „Северо-Западный Регион“». Ниже — столбик номеров телефонов и электронных адресов. Напротив одного номера стояла точка, нанесенная белым корректором текста. Наверное, чтобы знать, по какому, конкретно, телефону звонить.

Что ж, что-то я становлюсь за последние сутки очень популярным. Кто-то пытается меня убить, со службы в экстренном порядке прибывает группа поддержки, Светкины сослуживицы изучает по обычной схеме получения психологической информации, некий старший консультант, облеченный незримой властью, хочет со мною встретиться, и все знают, где я нахожусь в данный момент. Вот тебе и спокойный отпуск с устранением от всех дел. Хотя, чего уж лукавить, три дня обрызлого нечегонеделания и вселенской тоски от безделья и неумения просто расслабиться в одиночку достали до печенок. А тут? Ощущать себя при делах и, не будучи связанным служебными обязанностями, делать, что сам считаешь нужным, и не перед кем не отчитываться. Отпуск — свинья их всех сожри!

До ближайшей станции метро мы добирались пешком. Хотя с утра заметно подмораживало, но сутулиться в «маршрутке» пару остановок не хотелось. Наконец-то выглянувшее из-за недельной небесной хмари солнце создавало иллюзию праздника, и настроение немного выравнивалось. Светка, держась за мою руку, чтобы не упасть,

поскользнувшись на застывших за ночь лужицах, рассказывала о разных байках об институте и о своих сослуживицах. Так, в общем, поскольку ни какой серьезной информацией не владела или не хотела ее озвучивать. Хотя несколько раз проскакивали интересные имена и, к моему удивлению, очень меткие характеристики. Особенно «хорошо» она прошла по Эльвире и Дарье Степановне. Сразу становились понятными отношения в лаборатории, где строгая брюнетка держала в ежовых рукавицах остальной персонал. Те выводы, что я сделал по Светкиным коллегам за короткую встречу в кафе, совпали с мнением моей подружки почти на девяносто процентов, вот только я так и не смог понять, чем же они там занимались конкретно. Заумные формулировки, вроде, невербальное воздействие на подсознание и коррекция поведенческой модели нетрадиционными методами, давали слишком широкое поле для фантазий. Можно предположить все, от обычного гипноза до методик колдунов Вуду, от заговорных слов до использования ритуалов описанных в колдовских книгах, но это — такая хренотень, что даже наш высокомудрый Дядя Арчил зачастую неопределенно разводил руками в ответ на подобные вопросы спецназовцев. Хотя, возможно, и он дозировал информацию для работников своей епархии. А вот насколько он осведомлен о работе этого НИИЧАВО? То-то всполошились в отделе после моего сообщения, а для меня — пока сплошные непонятки.

В районе Сенной площади, где столпотворение людей принимает обычные для центра Питера нормы, запиликал телефон. Для связи со служебными абонентами на мобильнике были установлены определенные мелодии, и сейчас, когда прозвучал отрывок арии бесенят из оперы «Иисус — суперзвезда», означало, что кто-то из отдела выходит на связь.

— Сергей, ты меня слышишь? — Через гарнитуру донесся голос Альбины. — Тебя пасут. Двое мужчин, один в серой ветровке и белой вязаной шапочке, другой — в темно-зеленой «Аляске» со спортивной сумкой через плечо. Иди до Невского, а мы постараемся их отсечь.

— Ладно. — С недовольным видом буркнул в ответ.

На удивленный взгляд спутницы я хмуро пояснил:

— Друг звонил. Спрашивал, смогу ли я ему кое-чего купить. Они думают, что в их Урюпинске ни чего нет, а в Питере — есть все и по бросовым ценам. Давай в «Апрашку» заглянем. — Предложил я, сворачивая в сторону Садовой улицы.

— Теперь, «Апраксин двор» — не самый лучший рынок в городе. Лучше в супермаркет или в специализированный магазин, а они находятся в спальных районах. — Светке не хотелось проталкиваться сквозь толпы снующих людей, и она предложила нормальный вариант, но в мои изменившиеся планы «нормальный вариант» не вписывался.

— Все равно, лучше пройдем до Невского. Там без пересадок до дома доедем. — Предложил я и примиряющим тоном добавил. — Ни в какой магазин или рынок заходить не станем, разве только около дома. — Придерживая Светку под руку, я, как ледокол, двинулся через суеящуюся толпу.

Гулять по центральным улицам мегаполисов удовольствие сомнительное, если ты там, конечно, не работаешь. Большинство из слоняющихся в обоих направлениях людей приезжие. Все куда-то торопятся, спешат, в глазах ощущается нездоровый азарт, и создается определенная атмосфера. Кто-то с упрямством одержимого шопоголика изучает магазины и делает покупки, чтобы потом хвастаться перед знакомыми «крутыми и дешевыми приобретениями», кто-то простым зевакой глазеет на исторические красоты, кто-то, поддавшись массовому психозу толпы, старается совместить и первое и второе, а кое-кто

делает деньги по перечню деяний учтенных в уголовном кодексе. Степенно и неторопливо шагающие люди в таких местах редкость. Мы изображали именно таких, чем существенно выделялись среди народа снующего по Садовой. Хвоста, о котором предупредила Альбина, я так и не заметил, хотя названные приметы подходили к десятку человек в радиусе обзора, но, все равно, пожелания нашей сотрудницы выполнил.

В уличной толчее и битком набитом людьми вагоне подземки мы почти не говорили. Иногда Светка порывалась что-нибудь сказать, но я шутливо прижимал палец к ее губам и шептал на ухо всякую смешную чепуху. Лишь вывалившись из метро и все-таки посетив магазин, так как на память пришел пустой холодильник, я спросил:

— А теперь куда? К тебе или ко мне?

— Лучше к тебе. — Светка серьезно посмотрела мне в лицо. — Мама приедет только через три дня, а дома одной... — она вздрогнула, — как-то не по себе.

Черная визитка Инквизитора произвела на девушку впечатление. Она восхищенно захлопала ресницами и восторженно пролепетала:

— Это — большая честь. Именно такие визитки дают возможность общения с теми, кто стоит над магическим сообществом. Тем более карточка от Урманского, ведь Иннокентий Константинович — очень скрытный для окружающих и замкнутый человек.

— А, может, это — черная метка? Как у флибустьеров. Даже прозвище у вашего Иннокентия Константиновича пиратское — Сильвер. — Язвительно ответил я. — Вручили знак, и жди теперь беды. Придет какой-нибудь одноглазый Джо и, с криком: «Черная метка!», взмахнет саблей.

— Что ты! Урманский — человек, хоть и жесткий, принципиальный, но, в то же время, умный и порядочный. — Возразила Светка с некоторой горячностью.

Вот бы знать, зачем такому умному и принципиальному я понадобился? Ни каких общих дел мы не имели, да, и вообще, нет у нас точек соприкосновения. Та мимолетная встреча в клубе ни в счет. Несколько минут общения, не обязательного, а так, в порядке вежливости. Вот, если дело касается моей работы в отделе «П», то интерес одного из высших иерархов местной псевдомагической тусовки донельзя понятен. Вроде бы — коллеги. Насколько я понял из Светкиных объяснений, Инквизитор в Питере выполняет роль контролера и бесстрастного судьи в среде тех, кто занимается всякими магическими делами или считает себя представителями нечисти, почти, как наш шеф. Только Свиягов пользуется поддержкой государства и действует в интересах министерства обороны. А на кого работает Сильвер?

Ассоциация между Инквизитором и генералом вызвала невольную усмешку.

— Чего смешного? — Моя ухмылка не прошла незамеченной, Светка истолковала ее по-своему. — Ты встреться с ним, пообщайся, и, может, тогда поймешь, насколько Сильвер — выдающаяся личность.

— Может быть, может быть. — Согласился я и неожиданно заинтересовался. — А почему я должен с кем-либо встречаться, не имея на то желания? Инквизиторы, колдуны, ведьмы, вампиры — это такая блажь, которую придумали либо пройдохи, либо душевно больные. Красивые и загадочные прозвища, странные ритуалы и щекотка самолюбия скрывают разнообразные проблемы в психике, а за ними стоят обычные люди, ну, пусть как-то отягощенные комплексами и старающиеся хоть в чем-то быть непохожими на остальных.

— Так ты ни чего не понял? — Светка начала заводится на глазах.

На такую реакцию я в общем-то и рассчитывал. Смесь твердолобого материалиста и Фомы неверующего является одной из масок, которая может спровоцировать оппонента на азарт и горячность, что зачастую помогает получать необходимую информацию.

— Вчерашний визит гули — тебе не доказательство? Здесь, в своей же квартире, тебя нежить чуть не сожрала, а ты все упрямишься. Или тебе надо, чтобы волкодлак тебя укусил? — В Светкином голосе ощущалась неприкрытая злость.

Главное — не перебощить. Обидится девушка, уйдет, а мне совершенно не хотелось с ней расставаться. Не смотря на то, что она работает в конкурирующей «фирме». Немного остужаю накал:

— погоди, Света. Ты говоришь о сверхъестественных силах, паранормальных явлениях, сама признаешься в том, что ведьма, к тому же не в первом поколении. Раз это так, то покажи свое умение или как оно у вас называется. Сможешь?

— Хорошо. — Светка неожиданно успокоилась и, хитро улыбаясь, спросила. — А ты не боишься?

— Для ведьмы ты слишком красивая и привлекательная. — Как можно проникновеннее ответил я.

— А ты считаешь, что ведьмы — уродливые старухи? — С иронией произнесла девушка, ставя блюдце в водой на стол.

Милая наивная девочка. На сотню, так называемых, дипломированных магов и колдунов, прорицателей и экстрасенсов, ведьм и медиумов, приходится, дай бог, двое-трое людей обладающих определенными способностями, и именно они стараются не афишировать свое умение. Многие паранормальные явления имеют самые простые объяснения, а что касается нелюди или нечисти, так человек — самая страшная нелюдь.

Светка провела кончиками пальцев по краям век и щекам, затем сложила ладони около рта и неразборчиво зашептала. Как я не напрягал слух, но разобрать слова так и не смог. Точнее, слышал, но не понимал — русским языком здесь и не пахло. Ах, да, ведь Светка — финка. Запоздалая мысль почти успокоила — на финском языке, как и всякий ленинградец, я знал десяток-другой слов, почерпнутый в годы молодости от общения с пьяными туристами и фарцовщиками, хотя ни одного из услышанных сейчас слов мне известно не было.

Бормотание, доносящееся через сомкнутые ладони, усилилось. Вода в блюдце неожиданно вскипела от устремившихся к поверхности сотен мелких пузырьков, затем успокоилась, и на поверхности появилось изображение волчьей пасти с факелом в зубах.

Вопрос застыл на губах, когда я увидел Светкино лицо. Она отвела ладони от щек, бездумный взгляд застыл на кружке блюдца, а побледневшие от напряжения губы бросали непонятные и уж точно — не финские — слова.

Да, я ошибся в тебе, девочка. В самом деле, в тебе есть сила и умение. В считанные минуты ввести себя в транс, способность к глоссолалии и владение основами гидромантии — все говорит о немалых возможностях этой, как мне казалось давно известной девчонки. В самом деле — ведьма.

В какой-то момент я отвлекся, рассматривая Светкино лицо, а в блюдце возник новый образ. Женщина в платке, похожем на хиджаб. Затем черты лица размылись, и платок превратился в летящую птицу.словно орел, бросающийся на жертву, он упал на расprostертое женское тело и обернулся вокруг него. Ноздрей коснулся тонкий аромат цветущих лилий, и в этот миг блюдце треснуло, рассыпавшись на множество мелких

осколков, а вода фонтаном маленьких капель брызнула во все стороны. Девушка покачнулась, вздрогнула, и ее взгляд медленно сосредоточился на мне.

Где-то с полминуты мы молча сидели друг напротив друга, затем Светка слегка охрипшим голосом поинтересовалась:

— Скажи, что ты видел?

Я чуть помедлил, делая вид, что собираюсь с мыслями. Если первый фрагмент был более-менее ясен, то второй, а точнее — аллегорическая сценка, разыгранная на поверхности воды, меня обеспокоила. Странная женщина из горной деревушки продолжала вмешиваться в мою жизнь, словно что-то хотела мне сказать или о чем-то предупредить. Этот аромат лилий, который возникает словно сигнал об опасности или некое напоминание о себе, неясные образы во сне и сейчас во время гадания — все тревожащее непонятно.

— Сережа, что ты увидел? — Голос у Светки стал обычным, но интонации показались мне обеспокоенными.

— Знак, ну, тот, что на визитке. Только без букв. — Наблюдая за лицом подруги, ответил я. Интересно, а что увидела сама Светка? Или, находясь в трансе, она вообще ни чего не могла увидеть? — Потом женщина какая-то, птица... Да вроде бы и все. А ты что-нибудь видела?

— Не скажу. — Щеки девушки к моему удивлению немного порозовели. — Это — личное.

— То есть? — непонятливо спросил я.

— Я гадала на будущее. На твое и мое.

— Ну, и?

— Не знаю, понравится ли это тебе, но почему-то я видела только тебя. Как будто меня нет, а точнее — мое будущее, может быть, связано с тобой.

— Это — плохо?

Светка с укоризной посмотрела мне в глаза:

— После одной вместе проведенной ночи ты готов предложить мне руку и сердце? Ты сам себя уважать не станешь. Ведь раньше ты ни когда и ни кому себя обязанным не считал. Да, ты мне нравишься и давно, но в любовь с первого взгляда я не верю, а у меня впечатление, что ты меня только вчера разглядел. Мне с тобой хорошо, чего уж тут таить, но я не знаю, будет ли нам так же вместе. К тому же, армию ради меня ты не бросишь, а мне очень не хочется покидать Петербург и обитать где-то в захолустье, отлученной от интересной работы, круга знакомых и друзей, от ауры родного города.

На глазах у Светки выступили слезы. Она смешно вытерла лицо маленькими кулачками, и со всхлипами прижалась ко мне. Глядя всхлипывающую девушку по спине, я задумался о противоречиях в ее душе, а самому было и тревожно, и хорошо, одновременно.

Успокоившись и подтерев расплывшуюся тушь под глазами, Светка попыталась прокомментировать результаты гадания. Вела она себя, будто несколькими минутами назад ни чего не случилось. Ни только что проявленной слабости и всплеска эмоций, ни чувственной откровенности и боязни за свое будущее — голос девушки звучал спокойно и даже чуть иронично:

— Знак Инквизитора указывает на то, что встреча с ним предопределена. Даже если ты сегодня не позвонишь ему, все равно завтра, послезавтра или через какой-то небольшой промежуток времени вы встретитесь. Как человеку военному, а значит — решительному, лучше не затягивать с этим. Иннокентий Константинович ни когда просто так ни чего не

делает, а если он желает созвониться или увидеться с кем-нибудь, значит это необходимо обоим. Что касается второй части предсказания... — девушка на несколько мгновений замолкла, — можно толковать по всякому. Ты точно описал все, что видел?

— В птицу превратился платок, что был на голове женщины. Вот только лица этой женщины я не смог разглядеть.

— Ты уверен, что это была женщина? Может мужчина в бадане? Или в этой, ну, которую арабы носят? Ну, эти — Ясир Арафат с земляками.

— Нет — женщина. Я это точно знаю. Уверен.

— Ни чего не понятно. Да, ладно с этим. Чаще всего предсказания и пророчества всегда не понятны, до тех пор, пока не возникнет подобная ситуация в жизни. И кто знает, когда такое случится.

Интересно получается, гадала-гадала, старалась, а затем, опа-на, непонятная неопределенность. Совсем как у нас в отделе. Несколько предсказателей привлекли для прогнозирования ряда событий и действий, но чаще всего получалась многовариантность будущего, и, самое интересное, совпадающая с аналитическими разработками специалистов направлений. Выбирались способы с наибольшей минимизацией потерь и получением наивысшего результата, но и это не давало сто процентных гарантий выбора правильного решения.

Отмеченный точкой номер телефона на визитке оказался сотовым, хотя количество цифр соответствовало нумерации внутригородской сети. Светка смотрела, как я набираю номер, а в глазах горел нескрываемый интерес. А как же? С самым главным гуру говорить буду.

Вежливый, немного скучноватый голос отозвался в телефоне, но стоило представиться, как интонации мигом изменились.

— Сергей Иванович, я настоятельно рекомендую встретиться сегодня. Дело касается вас, а точнее, вашей безопасности. — В голосе Сильвера ощущались какие-то нотки озабоченности. — Пусть ваша подружка поможет добраться до моего офиса, и там мы переговорим. Допустим, часам к девятнадцати. Вас устраивает?

Я посмотрел на Светку, которая внимательно прислушивалась к нашему разговору. Может быть, она слышала не все, но смысл предложения господина Урманского уловила правильно. Стоило нам встретиться взглядами, как она энергично закивала головой.

— Хорошо, в девятнадцать ноль-ноль я буду у вас. До встречи. — Последнее мое слово перебилось короткими сигналами разъединенной линии.

Старинный особняк одного из сподвижников первого императора терялся среди многоквартирных домов, настроенных за последующие века, но фасад, обращенный к Фонтанке, выходил на набережную. Металлическая ограда с чугунными воротами отделяла засаженный невысокими елочками газон от шумной дороги и создавала ощущение обособленности от остального города. Стилизованные под семнадцатый век круглые висячие фонари органично вписывались в интерьер памятника старины.

Именно такие старинные дома в центральной части Петербурга и создавали особую ауру северной столицы. Создавалось впечатление, что их совершенно не коснулись веяния трех веков шумно прокатившиеся по России — этакий застывший обломок прежней, не достаточно известной, а поэтому загадочной и романтической, истории. Не разрушенные революциями, войной и перестройкой, родовые гнезда со своей историей, «скелетами в

шкафу» и другими секретами, свидетельства взлетов и падений их обитателей.

— Среди старых петербуржцев этот дом называли — «Дом с привидениями». — Пояснила Светка, кивая на колоннаду перед главным входом.

Про один старинный дворец-особняк на другом берегу Невы я уже давно был наслышан — о той достопримечательности Санкт-Петербурга знал почти каждый житель, интересовавшийся интересными и загадочными местами города. Его также прозвали: «Дом с привидениями» и о тайнах того Охтинского дома ходило множество легенд. Оказывается, что такой дом не один, а возможно — и не два или три, а больше.

Два охранника неторопливо вышли из-под козырька, поддерживаемого колоннами, и встретили нас на середине дорожки, пересекающей газон. Не смотря на строгие цивильные костюмы, в которых при низкой температуре легко замерзнуть в течение нескольких минут, они двигались легко, и, казалось, не замечали объятий морозного воздуха. Лицами, габаритами и повадками они напоминали двух братьев-близнецов, и, оценив их словно вырубленные из гранита и серые от скудного освещения лица, я вспомнил странных пассажиров автобуса около Светкиного института и байкеров, сопровождавших Фелицию. Все они похожи, как клоны или близкие родственники. Что ж, странная и многочисленная семейка. Отложив возникшую мысль подальше в закоулки памяти, я извлек из кармана визитку и, показав ее, пояснил:

— Мне на девятнадцать часов назначена встреча.

Охранников заинтересовало выдавленное на обратной стороне изображение волчьей морды. Как они в скудном освещении рассмотрели рисунок и что там они увидели, нелепых вопросов у меня не вызвало. Зато реакция на него оказалась интересной. Переглянувшись и вежливо вернув визитку, охранники молча расступились и простояли неподвижно до тех пор, пока мы не вошли в двери.

— Добрый вечер, проходите, пожалуйста. — Встретившая нас в холле Фелиция ослепительно улыбнулась, качнув при этом впечатляющим бюстом. — Иннокентий Константинович ожидает вас в своем кабинете. Я вас провожу.

Не смотря на вечернее время, в особняке ощущалась рабочая обстановка. Из-за неплотно прикрытых дверей доносились голоса и звуки работающей оргтехники, служащие одетые в костюмы классического цвета — белый верх, черный низ, — негромко переговариваясь, проходили мимо, ни чем не показывая свой интерес к нашим персонам. Единственным диссонансом мне показалось неприятие юбок, как элемента офисной униформы — почему-то все женщины носили черные расклешенные брюки. Фелиция также представляла принятый здесь стиль, хотя с такими формами она в мини-юбке выглядела бы на порядок соблазнительнее. В начале лестницы застыли кряжистые фигуры еще двух охранников, ни чем не отличающихся от парочки перед входом в особняк. Еще одна парочка таких же бойцов подпирала косяк двери с табличкой «Урманский И. К.»

Кабинет Инквизитора вполне соответствовал внешнему виду особняка. Старинная резная мебель, драпированные темным бархатом стены, глухие непроницаемые портьеры на окнах и шпалеры по бокам погружали в атмосферу позапрошлого столетия, и только несколько телефонных аппаратов и комплект офисной оргтехники напоминали о том, что на дворе стоит двадцать первый век. Лицо Инквизитора, сидевшего за отдельным столом, несло на себе печать усталости, как будто он перенес тяжелую болезнь или не спал несколько суток. Сбоку от стола пристроился моложавый мужчина с блокнотом в руках, который при нашем появлении встал и тотчас откланялся.

— Добрый вечер. — Поздоровался Сильвер и, предложив присесть, поинтересовался. — Надеюсь, я не помешал вашим планам?

Даже если и помешал, что тут сделаешь? Мы в офисе таинственной личности, и чего душой кривить, мне даже стало интересно. Неопределенное пожатие плечами Инквизитор принял, как положительный ответ, он хмыкнул и неожиданно посмотрел на Светку:

— Светлана Геннадьевна, будьте добры, организуйте нам кофе. В кабинете напротив находится мой секретарь, который вам поможет.

Едва Светка вышла, Сильвер обратил свое внимание на мою персону:

— Сегодня утром я звонил в Москву своему коллеге. Естественно, я поинтересовался такой разносторонней личностью, как майор Рябов. Я вас поздравляю, в определенных кругах ваше имя произносят с уважением, а кое-кто со страхом или ненавистью. Генерал Свягов умеет подбирать людей в свою команду. Хотя вы — первый, с кем из питомцев отдела «П» мне пришлось встретиться лично, не считая, конечно вашего шефа и пронырливого полковника кавказского происхождения. — Урманский улыбнулся, но мне эта улыбка больше напомнила оскал волка, изображение которого украшало черную визитку. По всей видимости, Инквизитор что-то уловил в выражении моего лица, в голосе его зазвучали примирительные интонации. — Вы не волнуйтесь, Сергей Иванович, я специально отослал вашу знакомую. Не зачем дамам вникать в сугубо мужские разговоры, а тем более — в особенности вашей службы. Конечно, вся ваша деятельность на благо Отечества и укрепление обороноспособности государства больше напоминает мышиную возню, это я — о работе вашей организации, но лично мне импонирует профессионализм вашей команды спецназа. Ведь еще со времен НКВД существовала целая программа по применению и использованию паранормальных явлений, да и сейчас ведется большая работа на уровне ряда министерств и федеральных служб. Даже в вашем военном ведомстве существует ряд проектов, которые разрабатываются не один десяток лет, вот только ваш институт к ним почти не привлекался. Интересно? Ну, ладно, оставим эту тему, и не будем обсуждать вопросы внутренней политики и национальной безопасности, тем более, когда есть проблемы насущные, связанные с безопасностью личной. Да и к тому же, сейчас войдет ваша спутница.

Если Инквизитор хотел меня вывести из равновесия или просто сильно удивить, то случилось обратное. Особенно, когда он прошелся по работе нашего отдела. То, что он назвал мышинной возней, ущемила бы самолюбие моих начальников, но не меня. Я ж, наоборот, отнесся к словам хоть и облеченного властью, но сугубо штатского человека равнодушно. Прошла пора, когда я мог бесконечно спорить и даже бить рожи несогласным штатским лицам, доказывая важность военной службы и роль армейского коллектива и воинской дисциплины в воспитании личности. Теперь вступать в дебаты с далекими от армии людьми о любом вопросе, связанном с моей службой, считаю ниже собственного достоинства. Другое дело — осведомленность, но это не мой прокол, а проблемы начальника режима или другого начальника рангом повыше.

— Я понимаю, что затронутая мною тема для простого вояки малоинтересна, — Сильвер хитро улыбнулся, — но я хотел бы напомнить некоторые простые истины. Род людской за время своего существования постоянно видоизменялся. Из маленьких сутулых и волосатых полуобезьян он вырос до особи умеющей мыслить и делать что-то полезное своими конечностями. В исторически очень короткий срок. Причина? Мутации. Систематически возникали новые подвиды гомо сапиенс, боролись друг с другом за место

под солнцем, способствуя созданию доминирующего генотипа. Проходило время, и опять — разделение в ходе эволюции и новая борьба за выживание. Нынешний человек — всего-навсего мутант на промежуточном этапе своей эволюции. Большая часть мозга не функционирует, но любой представитель рода людского носит в черепной коробке столько серого вещества, что хватит с избытком на несколько особей. Возникает вопрос: зачем? А ведь это — задел, запас на будущее, резерв для новых мутаций. Да что там говорить, с каждым годом рождается все больше и больше людей с необъяснимыми современной наукой способностями, а ведь рождаемость во всем мире снижается. Не далек тот день, когда отсутствие экстрасенсорных способностей будет рассматриваться, как моральное или физическое уродство. Те люди, с которыми вы сталкиваетесь по долгу службы, и есть представители новой популяции человечества. Теперь рассмотрим другую сторону этой проблемы. Нелюди. Вас ни когда не удивляло, что сказания почти всех народов однотипны.оборотни, вампиры, гномы, эльфы, адамовы дети и прочие сверхъестественные существа — не суть в наименовании. Почти все они — разновидности вышедшие из рода человеческого. Некоторые из них выжили, приспособились к новым условиям, научились маскироваться и жить рядом с людьми и живут до сих пор, пытаясь сохранить для себя место под солнцем. Теперь коснемся еще одной проблемы, как бы она не вызывала неприятия материалистов. Параллельные миры. Их существование не вписывается в физическую картину нашего мира. Не укладываются они в известные четырехмерные понятия об окружающем нас пространстве. Однако могу заверить, что за невидимой границей, иногда совсем рядом, существуют сказочные миры, похожие на наш и значительно отличающиеся. Некоторые амбициозные придурки, другого слова не подобрать, или набравшиеся вершков эзотерических знаний неумехи рвут занавес, отделяющий чужие миры, и тогда на нашей земле появляются разные демоны и настоящие сверхъестественные существа, а законы равновесия остаются. Зачастую глупые, но решительные маги взамен появившихся у нас монстров сами попадают в чужой мир, а бывает и так, что туда попадают вообще непричастные к магическим экспериментам люди. Нередки случаи, когда в результате погони за наживой или простой человеческой глупости приходит беда в дом простого обывателя... — Сильвер на несколько секунд умолк и взглянул на часы. — К чему я это все говорю. Для контроля за такими процессами и явлениями существует орден инквизиции. Еще во времена Игнатия Лойолы несколько членов ордена совершили по тем понятиям ересь. Они не стали слепо следовать христианским догмам и использовать в качестве единственной меры для выживания человечества уничтожение всего, что не подходит для церкви. Как ни странно, но именно это движение существует и сейчас. Да, нас не так уж и много, и все-таки мы живем, исполняем свой долг перед человечеством и перед остальными разумными видами обитающими в нашем мире.

— Ваша речь мне очень напоминает вербовку. — Криво усмехнувшись, заметил я. В Урманском ощущалась сила и уверенность в своем предназначении, и это требовало честности в разговоре с ним.

— Запомните, молодой человек. В ряды инквизиции ни кого не вербуют, и, упаси бог, не принуждают. К нам приходят осознанно, и не всякий кандидат удостоивается чести стать рыцарем нашего ордена. Задумайтесь об услышанном здесь, а дальше жизнь покажет по какую сторону баррикад окажемся мы. Хотя ваша служба во многом напоминает деятельность ордена, и точек соприкосновения у нас достаточно, даже если вы не подозреваете об этом. Я вас попрошу: не нужно направо и налево распространяться о нашем

разговоре. Надеюсь, вы понимаете? Но могу заверить, вы мне очень симпатичны и при возможности наш Орден всегда к вашим услугам, но только при решении вопросов вашей личной безопасности или возможных совместных действий. Ну, вроде тех, что вы выполняли осенью на территории Ирана. Даже Семен Исаакович в ней использовался в темную и не в курсе о некоторых целях той операции, но хватит об этом. — Урманский вновь посмотрел на часы. — Пора кофе нести.

На последнем слове дверь в кабинет приоткрылась и с подносом в руках вошла Светка. Почти сразу в воздухе ощутился аромат свежесваренного кофе.

— Извините, но Вячеслав, секретарь ваш, не смог сразу найти турку. — Оправдываясь сказала девушка, устанавливая поднос на стол. При этих словах Инквизитор едва заметно усмехнулся. Усмешка предназначалась мне. Понятно, что турка затерялась не просто так и секретарь у Урманского совсем не растеряха.

— Спасибо, Светлана Геннадьевна. — С легким кивком поблагодарил Светку Инквизитор и взял с подноса чашку. — Вы все сделали очень быстро.

Одна мысль цеплялась за другую, но я пока не мог понять до конца, что нужно от меня этому обаятельному и в то же время опасному человеку, обладающему большой теневой властью в городе, а может и не только в нем. Первый этап вербовки? Но ведь и я не мальчик, чтобы не разобраться в этом. Попытка использовать мой опыт в решении проблем связанных с деятельностью тайного ордена? Скорее всего — нет. Даже мимолетного взгляда на некоторых сотрудников офиса хватило, чтобы определить их статус. Походка, движения, уверенность в жестах, скрываемая под официальной одеждой мощь мышц и понятное лишь специалисту выражение лиц — все говорило о том, что ребята здесь отнюдь не так просты. Светка? По большому счету, мне глубоко наплевать ведьма она или нет, но втягивать девушку в дела тайных сообществ желания не возникало. Наоборот, хотелось бы ее отодвинуть от всяких разборок и подальше. Появление гули в моей квартире? Разберемся своими силами, тем более имеется поддержка из отдела. Хотя, может быть, причина именно в джиннии. Что может быть еще? Посещение клуба? Мое выступление с маленькой круглой сцены в звездном зале? Пока ни на один вопрос правильного ответа не имелось, так, одни предположения общего характера. Прямой вопрос задавать не стоило, сидящая рядом девушка только своим присутствием заставляла быть настороже. Образ самоуверенного туповатого вояки из отдаленного гарнизона трещал по швам, а мне не хотелось терять нить игры при общении с интересной и притягательной дамой. Если все у нас сложится, в будущем постараюсь быть откровенным и честным, хотя не представляю, как это сделать.

Урманский отставил чашку, посмотрел на нас и негромко спросил:

— У вас есть враги или недруги?

— А у кого их нет? — Я пожал плечами и мельком посмотрел на Светку.

Девушка явно не ожидала такого вопроса и, медленно поставив недопитый кофе на поднос, с запинкой ответила:

— Мой круг общения узок. Дом, работа, редкие встречи с бывшими одноклассниками, иногда походы в «Гнездо» или туристские походы. Плохих людей я чувствую сразу и стараюсь избегать общения с ними. Денег в долг не даю и не беру, гадостей ни кому не делаю, стараюсь держаться со всеми дружелюбно, и дорогу ни кому не перебегала.

— Кто-то вызвал гуль и направил в вашу квартиру. Это не наводит на размышления?

Риторический вопрос Инквизитора повис в воздухе. Даже не вопрос, а констатация факта. Потому что на него ответа в данный момент не существует, зато за ним тянется

цепочка последующих вопросов. Я себе уже их задавал и не смог ответить.

— Вызов такого демона предусматривает смерть жертвы. — Выждав небольшую паузу, продолжил Сильвер. — Следовательно, вас хотели убить. Возможно не обоих, но вас, Сергей Иванович, обязательно, а Светлана Геннадьевна могла стать, как жертвой гули, так и козлом отпущения при неизбежных разборках с правоохранительными органами. Вывод: первоочередной целью пока, я подчеркиваю слово — «пока», неизвестного нам человека явился некий Рябов Сергей Иванович, появившийся в нашем городе всего несколько дней назад и ведший уединенный образ жизни до посещения моего клуба. К счастью, вам удалось справиться с джином без всякого ущерба для здоровья, но кто предскажет, что подобные попытки не повторятся? И на кого будет направлен следующий удар?

— На меня. — Я постарался выглядеть как можно беззаботнее. — Это Светлана ни кому дорогу не переходила, а я, по всей видимости, ее кому-то перешел. Посудите сами, я появляюсь в клубе среди незнакомых мне людей в компании с человеком, который там, если не завсегдатай, то, во всяком случае, постоянный посетитель, и спустя несколько часов происходит попытка нападения, к тому же, ваша гуль приняла образ Светланы, и если бы не случайность, то дело могло закончиться прискорбно. Не исключаю, что возможны попытки новых покушений, но другими способами. Как там, у колдунов? Восковую фигурку шилом дырявят или лишают ориентации при переходе проезжей части? Только я не боюсь. И не потому, что верю или не верю в запредельные науки, а по причине уверенности в своих силах. Самое простое решение проблемы с человеческой жизнью, это — автомобильная авария или меткий выстрел из любого оружия. Однако, как свидетельствует военная практика, слишком маловероятен путь от сложного к простому, обычно бывает наоборот. А это означает, что если и будут новые попытки покушений, они будут усложняться и вряд ли дилетант сможет создать по настоящему опасную ситуацию, не подвергая себя расшифровке или не совершив ошибки.

— Bravo. — Урманский усмехнулся. — Мне нравится ваше умение делать логические и правильные умозаключения. Сразу чувствуется профессионал. Теперь я могу быть уверен, что с вами ни чего плохого не случится. Во всяком случае, если вы не станете переоценивать свои возможности и поддаваться эйфории неуязвимости. На всякий случай оставьте у себя мою визитную карточку, второй номер телефона снизу дает прямой выход на меня в любое время суток. И еще, в случае необходимости к вам подойдет мой человек с такой же визиткой, но это не значит, что он от меня. Смотрите. — Инквизитор достал из кармана черную визитку и прижал безымянный палец к выдавленному на обратной стороне изображению звериной морды. Едва он оторвал палец от черного прямоугольника, как рисунок на нем стал желтого цвета, и изображения букв по кругу запылали оранжевыми сполохами. — Виза Инквизиции. Только мои посланцы могут зажечь огонь на нашем гербе. Ну, ладно, не стану утомлять вас своим присутствием, отпуск — дело святое, но предчувствую, что наша встреча не последняя.

Урманский проводил нас до дверей и лишь на самом выходе шепнул:

— Не торопитесь докладывать начальству о нашей встрече... ну, за исключением генерала. И будьте внимательны.

Металлическая калитка клацнула за спиной, отделяя епархию Инквизитора от погруженного в зимний вечер Петербурга. Молчаливые охранники вернулись под навес особняка, а мы остановились у гранитного парапета Фонтанки.

— Какие планы на сегодняшний вечер, господин майор? — Не смотря на шутливый тон,

в голосе Светки ощущалась небольшая растерянность, а в широко распахнутых глазах застыло нескрываемое удивление.

— Что случилось, Светик? — Я постарался прояснить ситуацию.

— Странно, очень странно. Я не помню такого, чтобы Инквизитор уделял столько времени на общение с незнакомым человеком. И вообще, он очень редко приглашает в свой офис кого бы то ни было. У меня создается стойкое впечатление, что ты скрываешь от меня что-то важное, как будто в тебе уживаются два совершенно различных человека, и тот которого я не знаю — настоящий.

— Хочешь сказать, что ты сейчас видишь не меня? По-моему это глупо. Уж кого-кого, а меня ты видела не один год, с голопузого детства.

— Действительно, это так. — Согласилась Светка и тихим голосом заметила. — Только в этот раз, когда ты появился в Питере, ты стал какой-то немножко другой.

— Хуже или лучше?

— Не знаю, но в тебе появилась странная сила, которая прежде не ощущалась. Ты так спокойно относишься к всяким проявлениям сверхъестественного, что дает повод усомниться в твоих открытых насмешках над паранормальными явлениями. С гулей ты справился без проявления эмоций и страха, хотя любой другой на твоём месте бы погиб, без всякого сомнения. Твой хитрый пистолет, который ты называл игрушкой, а ведь его можно считать очень эффективным средством самообороны от ряда разновидностей нечисти. Тебя выделил Инквизитор, а это многое значит, в том числе, что ты относишься к нашему кругу или представляешь интерес у иерархов ордена. Эльвира и Дарья после встречи в кафе попытались составить твой энергетический и сущностный портрет. К их большому изумлению, они не смогли этого сделать, в витальном плане проекция твоей сущности оказалась сдвоенной и словно несла смешение нескольких сутей.

— Значит, примененный метод не соответствовал операционно-технологической карте. — Я улыбнулся, представив двух колдуний с планшетами в руках, на которых, как для бестолковых бойцов, расписана последовательность подготовки к работе и обслуживания сложных агрегатов. — Я не знаю, что они хотели увидеть, но лучше бы пользовались хохлацким принципом: пока не пощупаю руками, глазам не поверю. А что касается моей сути, то вот он я — перед тобой, и от тебя ни чего не скрываю. Хотя могу и озвучить свои подсознательные желания.

— Ну...

— Я хочу пригласить тебя в ресторан, а затем, на романтический вечер при свечах в маленькой квартире, где собственно мы сегодня были, а там... — Я с улыбкой посмотрел Светке в глаза. — Мы составим сущностный портрет по методике доктора Фрейда. Ну, что, госпожа ведьма? Где тут поблизости приличный ресторан с живой музыкой?

Глава 4. Добро пожаловать в «Накки-ярви»

Не смотря на то, что к концу года зима вступила в свои права по полной программе и перестала отвлекаться на короткие оттепели, пригнав к Финскому заливу арктический антициклон, морозило не так уж и сильно. Отопители в новеньком микроавтобусе работали исправно, и пришлось расстегнуть верхнюю одежду, чтобы не упариться. Невыспавшаяся Светка тихо дремала, уткнувшись в мое плечо, а я с интересом смотрел на заснеженный лес, убегающий по обочинам дороги. В уютном салоне сидело еще несколько человек, которые ехали туда же, куда и мы — на базу отдыха «Накки-ярви».

После визита к грозному Инквизитору для нас наступил безумный период, который можно сравнить с медовым месяцем. Светка взяла за свой счет отпуск, и мы, словно пытаясь взять от жизни все, окунулись в вечернюю жизнь северной столицы. Театры, рестораны, тусовки и гламурные вечеринки, а после них — не менее бурные постельные забавы слились в неповторимый фейерверк впечатлений. Ни кто за эти дни нас не тревожил. Словно мы выпали из обычной жизни, в которой праздники только по регламенту календаря и возможностям кошелька. Альбину, поселившуюся где-то рядом для контроля и подстраховки, я видел всего пару раз, да и то мельком. Колдовская и прочая запредельная суетня, проявления которой можно было ожидать со стороны неизвестного «друга», нас не коснулась, а возможно ни чего и не случилось. Даже Светкина мать, приехавшая после рождественских каникул из Финляндии, к образу жизни дочери отнеслась весьма лояльно, однако, не забыв нанести визит в мою квартиру и за рюмкой коньяка поинтересоваться нашими планами на будущее. Может быть, она хотела посмотреть на потенциального зятя, но если какие-то конкретные матримониальные планы и крутились в ее голове, ни какой озвучки они не получили. Чуть позже Светка с удивлением сообщила, что впервые она получила от матери свободу действий во всем: в поступках, праве выбора и даже ночевках вне дома.

Окончательное решение о поездке на базу отдыха я принял после звонка господина Урманского, который предложил встретиться в «Накки-ярви», где он также собирался встретить Новый год. Для меня личность Инквизитора несла столько загадок, что, отбросив все сомнения, я стал активно готовиться к поездке. Мои московские начальники сделали попытку отговорить меня от этой поездки, и даже послали для беседы прапорщицу Альбину, но разговора я избежал, предоставив ей объясняться со Светкой, которая ни за что не хотела терять возможность новогоднего отдыха за пределами Питера. Разговор произошел на лестничной площадке, и соседи имели удовольствие слышать отзвуки маленького скандала между двумя женщинами. Конечно, объясняться со Светкой пришлось, скормив ей полуправду об обязательном нахождении по месту регистрации в комендатуре и возможности внезапного вызова в часть в результате изменения уровня боеготовности в войсках. Как бы там ни было, но в положенное время мы сели в микроавтобус с табличкой «б/о „Накки-ярви“» и вместе с несколькими счастливицами (об этом я сделал вывод по их довольным лицам), которые оказались работниками Светкиного НИИЧАВО, отправились в карельским скалам встречать Новый год.

Возможно, сотни миллионов лет назад, здесь высились горы, но и сейчас причудливые, торчащие, как клыки реликтового зверя, скалы несли в себе ощущение суровости

первозданной природы. Извилистое, зажатое перекрученными соснами и изъеденными непогодой гранитными массивами, озеро сверкало под солнечными лучами нетронутым чистым снегом. Казалось, что время здесь остановилось, и тот многомиллионный город, всего в двух с половиною часах езды от этих мест, остался где-то вдали, в другом измерении. Полтора десятка бревенчатых коттеджей органично вписывались в ландшафт, и только большое куполообразное строение, перекрывавшее распадок, казалось инородным телом из-за блестящих металлических покрытий, отражавших солнечный свет.

Покрытое серой наледью шоссе упиралось в расчищенную от снега площадку, на которой стояло несколько легковушек с питерскими номерами. Не смотря на легкий морозец, работник, расчищавший дорожки от снега, щеголял в легкой рубашке, не скрывавшую рельефные мышцы. Он безразлично посмотрел на вылезавших из микроавтобуса пассажиров и, поведя мощными плечами, вновь заскреб лопатой по заснеженному бетону. Такой же кряжистый и в то же время немного неповоротливый на первый взгляд, он очень напоминал тех людей, что я видел возле института и в охране офиса Инквизитора.

— Ну, чего стоишь? Пошли регистрироваться. — От созерцания меня отвлек Светкин голос. Девушка показала на кирпичное строение, к которому вела дорожка, расчищаемая заинтересовавшим меня человеком.

Почти все коттеджи на базе казались готовыми к приему гостей и могли вместить по несколько человек. Для знакомых друг с другом сотрудников института не составило труда объединиться в компании по интересам и занять два соседствующих домика. Мы же решили разместиться вдвоем в избушке, что стояла у самого берега замерзшего озера. Напоминающая спелыми формами и выражением глаз подругу Инквизитора, администраторша не возражала.

— Вдвоем, так — вдвоем. Только не заскучайте. — Лукаво улыбнулась она и протянула ключи. При этом ее необъятная грудь вызывающе колыхнулась. — Схемы прогулочных маршрутов и расписание развлекательных мероприятий в программке на столе в домике. Желаю счастливо отдохнуть.

Выбранный нами коттедж внешне походил на остальные, сосредоточенные вокруг административного здания и полукруглого, как летающая тарелка, металлического строения. Внутри, наверняка, отличий существовало не много. Две спальные комнаты, небольшая гостиная, душевая, камин со сложенной рядом аккуратной стопкой наколотых дров и маленький туалет — все несло печать простоты и функциональности.

— Надеюсь, к нам ни кого не поделят. — Я свалил на пол комнаты, которая показалась мне размером больше, сумки и придал лицу скептическое выражение.

— Не должны. — Голос Светки прозвучал не очень-то уж и уверенно. — Еще девять домиков пустуют, и вряд ли их заселят полностью.

— С такой отвратительной рентабельностью можно легко стать банкротом. Содержание комплекса зданий узкой специализации в такой глуши обходится в копеечку. Получается, что база отдыха приносит сплошные убытки вашему институту. Или дело в чем-то другом?

Свои мысли я высказывал с видом знатока, мимоходом пытаясь спровоцировать на получение добавочной информации. В самом деле, до Нового года остались считанные дни, а прекрасно оборудованная для проведения празднеств вне города база почти пустует. Что-то не верится в такую расточительность, особенно в наше прозаическое и прагматичное

время.

— Подъедут еще. Основной наплыв будет числа с тридцатого до седьмого. Начальство с гостями притащатся, нужных людей привезут для оттяжки вне дома и семьи, да и остальные домики примут гостей. Во всяком случае, нас заранее предупредят, если станут занимать вторую комнату. Пусть не у нас, а у них голова об этом болит. Пойдем лучше знакомиться с базой. — Светка схватила со стола яркий проспект, на котором выделялась надпись: «Путеводитель по базе отдыха „Накки-ярви“».

Небольшая экскурсия дала много пищи для размышлений. По оснащению и работе персонала база отдыха вполне смогла бы соперничать со знаменитыми курортами мира. Драть бы с клиентов по несколько сотен баксов с носа за сутки, и еще очередь желающих выстроилась бы. Улыбающиеся и предельно вежливые девушки, как на подбор с бюстами размера не меньше шестого и узкими талиями, молчаливые мужчины своим телосложением, посрамляющие всяких там Шварценеггеров, и в тоже время не мозолящие глаза отдыхающим. Отличная кухня и множество облегчающих быт приспособлений по последнему слову техники, полностью автономная система жизнеобеспечения и экзотический даже по питерским меркам пейзаж, а главное — какой-то необычайный настрой, сходный с легкой эйфорией. Под гигантским куполом круглого здания имелся небольшой аквапарк, оранжерея и спортзал с множеством тренажеров. За скалистым поворотом дороги виднелся хоздвор и бокс для техники, откуда доносился едва слышный гул дизель-генератора. Пологий склон берега озера заканчивался широкой площадкой, на которой застыло несколько снегоходов. Осматриваясь и изучая по привычке особенности местного рельефа, я заметил еще кое-что, если это не настораживало, то, во всяком случае, давало сделать многообещающие выводы. Подходы к базе и доступные для пешего человека маршруты контролировались. Миниатюрные датчики словно ожерелье окружали всю территорию в радиусе трех километров, и я бы их не заметил, но точно такая же цепочка серых прямоугольников на жестких спицах окаймляла два холма за хозяйственными постройками. Сами холмы были изрезаны кривыми тропинками, среди которых виднелись заметные только опытному глазу провалы то ли пещер, то ли гротов. От этих возвышений несло опасностью, точнее — они вызывали странное ощущение дремлющей среди вековых скал тревоги.

Бывает такое, когда по незаметным для органов чувств признакам можно ощутить опасность, выработанное годами службы так называемое шестое чувство меня подводило редко. Еще раз окинув взглядом базу и прилегающую к ней местность, я сделал для себя интересный вывод: то, что народ жизнерадостно именовал местом отдыха и развлечений, на самом деле несло двойное назначение. За фасадом достаточно мирной и престижной базы отдыха скрывался какой-то непонятный по назначению объект. Какой? Если честно, мне — по барабану. Заниматься шпионским промыслом не с руки. Не мое это дело, да и слишком опасное. Лучше отдыхать, пока имеется возможность, и не влезать во всякие авантюры.

Легкий ветерок принес аромат подходящего к окончательной кондиции шашлыка. Сразу вспомнилось, что прошло пол дня, а мы еще ни в одном глазу, и куску тоже. Отпуск ведь! Гулять, так — гулять! Подхватив под руку Светку, которая не поняла моей рекогносцировки, а все больше ахала, любуясь зимним пейзажем, я настойчиво повлек ее в направлении источника сводящего скулы запаха. Столовая находилась в том же здании, что и администрация, только вход имелся с другой стороны. Именно — столовая. Общепитовская вывеска украшала вход и давала понять каждому посетителю, что название не всегда

соответствует статусу заведения. За последнее время развелось множество забегаловок с гордым названием «ресторан», а качество обслуживания или то, что там называют едой, осталось на уровне заведений, что в народе называли по простому: «отрыжка» или «тошниловка». Здесь же все происходило от слова «стол», по моему мнению, и ни как иначе. А как здесь вкусно пахнет!

Предоставив Светке сделать заказ, я с удовольствием проследил за слегка вихляющей походкой официантки, чем заслужил едва заметный толчок спутницы в бок. Ее щеки еще больше разругались, но в глазах горели смешинки:

— На чужой каравай рот не разевай. — Светка с улыбкой погрозила пальцем.

— За погляд денег не берут. — В том же тоне отпарировал я и поинтересовался. — Интересные здесь люди работают. Все девушки словно сестры. Тип лица, фигура, грудь и даже улыбки похожи, словно один дантист-неумеха им зубы искривил. Мужики тоже, как на подбор. Неудачные копии боксера Валуева. Клоны, что ли?

— Это — хийси. Есть такой малый народ на северо-западе России. — Светка мое ерничение не оценила. — Их осталось не так уж и много. Есть предположение, что они относятся к этносу, который жил здесь еще до прихода финно-угорских народов.

— Как Гиперборея или Биармия? — Я решил немного блеснуть скудными познаниями северных мифологий.

— Возможно, но они не имели достаточно убедительных исторических подтверждений существования. Их язык не похож ни на какой из известных существующих или ставших мертвыми, но в коей мере изученных нашими лингвистами. И живут они обособленно, по своим законам и понятиям. Они даже паспортов не имеют.

— Как цыгане?

— Нет. — Светка досадливо поморщилась. — Хийси — охотники, живут только в определенных глухих местах и ни куда из своих угодий не уходят. Они чувствуют аномальные зоны и селятся именно невдалеке от них.

— Ты хочешь сказать, что... — Кое-какие ощущения, причины которых я не мог понять — странное состояние — теперь они нашли свое объяснение.

— Да, база отдыха находится в одном из мест силы. Не все могут хорошо переносить ауру таких мест. Поэтому, в зависимости от уровня восприимчивости и полюсности биополя человека, их могут называть геопатогенными зонами.

Помню, что как-то Дядя Арчил показывал карту так называемых «поганных мест», и объяснял систематизацию их расположения. Лично я ни какой системы не обнаружил, хотя россыпь разноцветных звездочек, нанесенных на каждый лист, отображавший топографию того или иного федерального округа, впечатляла. Запоздало подумал, что, хоть убей, но не вспомню, имелись ли какие-либо значки на части карты юго-западной Карелии. Зато ехидные комментарии полковника о природе таких мест оставили в памяти ряд настораживающих ассоциаций.

Хороший обед, сдобренный бутылкой красного вина, создал безмятежное настроение, поэтому предложение посетить аквапарк ни каких возражений не вызвало.

Если честно, до сегодняшнего дня я ни разу не посещал каких-либо водных аттракционов, но представление о них имел по рассказам знакомых и телепередачам. То, что увидел под куполом самого большого строения в Накки-ярви, ненамного изменило мое мнение. Несколько вышек вознесшихся над водой, две водяные горки и небольшой водопад, извергающийся в достаточно большой овальный бассейн, — вот все развлечения местного

аквапарка. Большой интерес представляли заросли в большинстве мне неизвестных растений, занимавших пространство за водопадом. Переплетения колючих, покрытых широкими толстыми листьями ветвей создавали непроницаемую зеленую стену, в которой виднелись едва заметные проходы в глубь зарослей. Таблички, торчащие из земли, вещали о том, что трогать или рвать растения категорически запрещено, с пояснениями о ядовитости некоторых видов колючек. Двое хийси в легких костюмах с нашивками охранников сидели на раскладных стульях на границе зеленой полосы и невозмутимо пилились на противоположный край бассейна.

— Извините, господа, но комплекс закрыт до шестнадцати часов на ежедневную профилактику. — Вышедшая из бокового коридора зеленоглазая красавица выжидающе посмотрела на нас. — С шестнадцати до двадцати четырех часов и с восьми до двенадцати комплекс работает в общем режиме, если хотите зарезервировать персональный заказ, обращайтесь к дежурному администратору, а если хотите освежиться после дороги — в каждом коттедже имеется душевая комната. Прошу вас.

Немного разочарованно мы переглянулись, и Светка двинулась к выходу. Идя за ней, краем глаза я заметил, как колыхнулись ветви зарослей с другой стороны бассейна и охранники, резво подскочив, скрылись за зеленым пологом листьев.

На территории базы стало многолюднее. Несколько служащих-хийси в ярко-оранжевой рабочей униформе устанавливали на расчищенной площадке перед административным корпусом здоровенную ель, а на стоянке прибавилось автомобилей. Внимание привлек черный «Караван», не уступавший габаритами отечественным «Газелям». Блестя многочисленными стеклами, он высил среди легковых машин, словно лев среди волков.

— Машина Инквизитора. — Светка заметила мой интерес к монстру зарубежного автомобилестроения. — А чуть дальше «Мерседес» нашего директора. Значит, к вечеру съедутся все остальные гости.

В шестнадцать часов на улице стемнело, но вспыхнувшие фонари перед входом в каждый домик, гирлянды лампочек вдоль дорожек и два прожектора, скрестивших лучи на новогодней елке, не давали зимней темноте опуститься на базу отдыха. Наряженные снегурочками и дедами морозами служащие деловито сновали между коттеджами и приглашали гостей на вечеринку в столовую. На мое пожелание посетить аквапарк Светка ответила таким взглядом, что больше, ну, хотя бы на несколько часов, желания проявлять инициативу не захотелось.

— Мы здесь гости, — пояснила она, почувствовав мое разочарование, — но существуют определенные традиции и корпоративные правила, ведь база ведомственная. Есть программа проведения новогодних празднеств и мероприятий, которые выполнять не обязательно, но в двух случаях они совпадают с традициями и правилами. Первое, это — сбор приехавших и встреча с руководством.

— Лекция по технике безопасности и первичный инструктаж по охране труда на месте отдыха?

— Нет, просто-напросто — знакомство друг с другом.

— А второй случай — прощание?

— Не-а, собственно встреча Нового года.

— Ты говоришь с такой уверенностью, как будто едешь сюда каждый год.

— Другие ездили и рассказывали. Эльвира, например. Год назад был у нас один мэнээс, он несколько месяцев пробивал себе путевку в Накки-ярви, а приехал сюда и забил большой

болт на все мероприятия. Говорят, что чуть ли не сутками плескался в бассейне. После этого ему пришлось уволиться из института. Говорят, его недавно видели, совсем опустился мужик, натурально бичует. А ведь такой мужчина был — половина институтских дам сохла по нему — галантен, остроумен, обаятелен, и внешне даже очень ничего. Хотя, на мой взгляд, прятать под светлой бородкой шрам не обязательно, все равно не скроешь. Говорят же, что шрамы украшают настоящего мужчину.

— И ты по нему сохла тоже?

— Нет. Ленарт больше уделял внимания нашим старушкам, это они от него без ума были.

— Тогда что о нем говорить, давай лучше собираться на вечеринку.

Шутливо выпроводив Светку в душевую комнату, в раздумье присел на кровать. Ленарта я знал лично, если, конечно, моя подруга говорила о нем. Два года назад его перевели в подчинение Паука, и потом следы затерялись. Скорее всего, он и являлся тем «кротом», о котором мне говорил Прошкин. Значит, здесь, в Накки-ярви, он что-то нашел и при этом прокололся, а связано все с аквапарком. Идти по стопам засветившегося агента мне что-то не хотелось. У меня отпуск, а не служебное задание, к тому же, я — обычный оперативник-силовик, но ни в коей мере не агент под прикрытием. Влезать игры Прошкинской службы, резона нет, ну, разве только Свиягова или Дядю Арчила проинформировать при личной встрече, но не более. Что ж, первое впечатление о базе отдыха не подвело — место здесь очень странное, даже по меркам нашего отдела, а выболтанный Светкой рассказ о непутевом мэнээсе добавил еще один штришок в складывающуюся картинку. Знать бы, насколько правильно я оцениваю складывающуюся обстановку, но проживем — увидим, возможно, я переоцениваю риски, имеющиеся здесь.

Стараниями персонала столовая за пару часов преобразилась. Маленькие искусственные елочки на каждом столе, гирлянды разноцветных фонариков под потолком, запотевшие бутылки шампанского и освобожденная от мебели площадка перед стойкой бара создавали праздничный колорит, создавая новогоднее настроение. Вежливая зеленоглазая красавица проводила нас к столику у окна, откуда открывался вид на сверкающую электрическими огнями ель.

Как только часы показали шестнадцать часов, из-за одного из столиков поднялся представительный мужчина в расшитой золотыми узорами бардовой мантии и, подняв бокал, объявил вечеринку открытой. Он что-то еще говорил, но меня отвлекла Светка, которая шепотом стала называть имена присутствующих здесь людей. Для меня они ни чего не значили, я их не знал и не имел представления об их положении в странной для нашего времени иерархии, хотя, несколько знакомых лиц промелькнуло. Через столик от нас сидел господин Урманский со своей очаровательной байкершей. В дальнем углу блеснул линзами ведьмак Гершвиц, а в баре, одетый в строгий белый смокинг, стоял за стойкой управитель из клуба.

Вечеринка началась немного вяло. Вроде бы большинство находящихся в зале людей друг друга знали и знали хорошо, но почти сразу становилось заметным разделение на несколько групп, которые постепенно концентрировались вокруг своих лидеров. К счастью, нас не приглашали присоединиться к одной из них, но ни меня, ни Светку такой расклад не обижал. Нам хорошо и вдвоем.

Алкоголь уже начал ударять в головы некоторым гостям и в зале становилось немного шумно, но в пределах норм вежливости. В пол уха слушая Светкину болтовню и

рассматривая посетителей, чтобы потом попробовать вычислить кто из них кто, я не заметил, как за моей спиной возник молодой человек из свиты Инквизитора. Лишь в последний миг я ощутил движение воздуха из-за плеча, но внутренний звонок об опасности молчал, по этому присевшему без спроса за наш столик молодому человеку достался только мой недовольно-вопрошающий взгляд.

Бесстрастно выдержав небольшую паузу, он тихим голосом произнес:

— Иннокентий Константинович передает вам поздравления и приглашает вас через три часа в шестой коттедж на чашку кофе с коньяком.

— А он знает, какой коньяк я предпочитаю? — Хамоватым вопросом я попробовал вывести этого чересчур спокойного и вежливого юношу из себя.

— «Хеннеси», «Мартель» или настоящий «Арарат» оценит каждый любитель благородных напитков, а если вы предпочитаете что-нибудь попроще, в баре у шефа есть практически все, даже — портвейн, но, к сожалению, только португальский. — Так же невозмутимо произнес Вячеслав и поинтересовался. — Что передать главе Ордена?

— Ответ положительный.

Утвердительно кивнув, молодой человек освободил стул и вдоль стены прошел к столику Инквизитора. Проводив его взглядом, я отметил, что двигался он интересно: плавно, но быстро, и, в то же время, используя светотени от слегка колышущихся фонариков, что позволяло совершенно не выделяться среди пока еще не особо активизировавшихся посетителей.

— Ты подначил не слугу, а хозяина. — Светка уяснила грань моего хамства по отношению к Вячеславу. — Он исполнитель и делает то, что ему приказали.

— Любой человек, имеющий даже зачатки воспитания, сперва спросит разрешения у мужчины, беседующего с дамой, и, только получив согласие, сядет за их стол. В ином случае, такое поведение можно рассматривать, как пренебрежение общепринятыми правилами поведения, либо — провокацию. Ведь насколько я понял вашего Инквизитора, он человек умный, воспитанный и в то же время очень жестко относится к ошибкам поведения подчиненных. Не думаю, что этот Вячеслав так разболтан, чтобы по собственной инициативе допустить неуважение к людям, которые заинтересовали его шефа... хотя, ни кто не застрахован от кадровых ошибок. Думаю, что через два с половиной часа все станет на свои места. Надеюсь, за это время горячее успеют подать, а то без нормальной еды только одно шампанское не несет достаточного интереса.

— Представляю, шампанское с эскалопом, горчицей и солеными огурцами. — Засмеялась Светка. — Горячую закуску подают к крепким напиткам, но заказы официантки примут после того, как директор обойдет все столики. Здесь такая традиция.

Мужчина в мантии неторопливо продвигался от стола к столу, держа в руке большой бокал и чокаясь с гостями. Иногда он обменивался короткими фразами и не задерживался долго, отдавая дань вежливости, а иногда и уделял собеседникам достаточно много времени. Продвигался он в достаточно демократичной манере, последовательно обходя зал по кругу, не пропуская или оставляя на потом какой-нибудь столик. Когда подошел наш черед и директор института оказался напротив, мы поднялись.

— Еще раз, добрый вечер. Надеюсь, что дни, проведенные в Накки-ярви вам запомнятся, и наверняка вам захочется еще раз посетить нашу базу отдыха. — Благодушно улыбаясь, пробасил он, но взгляд его показался мне каким-то слишком пристально-внимательным, словно он через микроскоп разглядывал интересный микроорганизм. —

Рекомендую посетить нас летом. Июль здесь прекрасен, а чистого воздуха и развлечений не меньше, чем на любом именитом курорте.

Звякнули бокалы. Директор пригубил шампанское и, посмотрев на Светку, сказал:

— Поздравляю вас, Светлана Геннадьевна. С таким мужественным кавалером вам не страшны любые неурядицы жизни. Завидую вам, ну, и надеюсь, что ваша личная жизнь не отразится на нашей дальнейшей работе.

Еще раз приподняв бокал, он удалился к соседнему столику, оставив Светку в состоянии беспокойного удивления.

— Что он этим хотел сказать? — Девушка растерянно посмотрела в след директору. — При чем здесь ты и моя работа?

Хотелось бы мне знать ответ, но фраза, прозвучавшая из уст Светкиного начальника, несла некую двусмысленность. То ли он знает о моей работе в отделе и предупреждает о неприятностях, которые может занять Светка от общения со мной, то ли считает, что девушка представляет какой-то интерес для питерского института и не хочет, чтобы это сотрудничество прекратилось, а может быть что-нибудь еще... Как не хочется влезать во всю эту кухню взаимоотношений подчиненных и начальников, да только глядя на расстроенное лицо подруги представляю, что сейчас у нее на душе.

— Светик. — Я накрываю ладонью пальцы на ее руке. — Что твой шеф сказал, то и сказал. Не бери в голову. Если это намек на твое возможное увольнение, а ведь он наверняка знает, что я — военнослужащий, подразумевается возможность твоего замужества и отъезда к месту службы мужа.

— Ты опять делаешь мне предложение? — В глазах девушки замерцали странные огоньки.

— Сделаю официальное предложение в присутствии твоей мамы после возвращения в Питер, если ты сама этого захочешь. Жизнь жены офицера сильно отличается от спокойной и упорядоченной жизни обычного человека и не все справляются с возникающими проблемами. Многие ломаются, а потом сожалеют о якобы загубленной судьбе. К тому же, твое нежелание покидать Петербург... Давай перенесем окончательное объяснение на следующую неделю. Подумай, взвесь все за и против, и мы вернемся, я тебе обещаю, к сегодняшнему разговору. А пока ни кому говорить об этом не станем. В любом случае тебе еще придется работать в своем институте, и зачем тебе неприятности в работе.

— Через неделю. — Светка задумчиво посмотрела на меня. — Ты сам подумай, жениться на ведьме, у тебя смелости хватит?

— Вот тогда и поговорим. — Я ухватил бутылку с шампанским и наполнил бокалы.

Может быть, устроители вечеринки старались превратить этот вечер в праздничную феерию или, хотя бы, в репетицию новогоднего торжества, но мне стало скучно. Почти все люди, собравшиеся здесь, мне не знакомы, а иные вообще вызывали странное впечатление своими манерами и поведением. Я уже начал придумывать повод для ухода, как Светка сама предложила:

— Давай, смоемся отсюда по-английски. Что-то захотелось побыть в менее шумной обстановке. К тому же нас ждет Инквизитор.

— Нас? Или только кого-нибудь из нас?

— Конечно — нас. — Моя белобрысая ведьмочка ни сколько не повелась на простейшую провокацию. — Приглашение касается обоих, ведь ни кого не назвали конкретно. — И тут же последовал прагматичный вопрос. — Уйдем сейчас или сначала

дождемся горячей закуски?

Запеченная в тесте форель оправдала надежды и скрасила ожидание в некомфортной обстановке. Сначала мне показалось, что на наш уход ни кто не обратил внимания, но уже в дверях я затылком ощутил, как чей-то напряженный взгляд отдался неприятным холодком в затылке. Галантно пропустив Светку на улицу, я мельком окинул веселящийся народ якобы рассеянным взором, но давление на сознание тотчас пропало, и в памяти запечатлелись лишь разгоряченные алкоголем веселые лица.

Несколько мужчин и женщин курили перед входом в столовую. Не прекращая разговора, они посторонились, и морозный воздух защекотал кожу на лице.

До встречи с Инквизитором оставалось немного времени, и мы его использовали по полной. Свеча в середине стола, пузатая бутылка красного болгарского вина и поцелуи на брудершафт — все, казалось, заняло минуту. Установленный на мобильнике таймер выдал игривую мелодию, застав врасплох.

— Пора на встречу с великим и ужасным господином Урманским. — Я с сожалением выпустил из объятий девушку и отключил издающий громкие звуки телефон.

— Думаю, что мы долго не задержимся. — Светка поправила блузку и лукаво усмехнулась. — Просто короткий визит вежливости, а мужские разговоры оставите на дневное время.

Домик, где разместился Инквизитор со своею свитой, стоял недалеко от купола аквапарка, а над крылечком светила цифра «6». Абсолютно трезвый Вячеслав, кутивший около входа, невозмутимо кивнул в знак приветствия и негромко стукнул по двери. В раскрывшемся проходе появилась громоздкая фигура хийси, который молча посмотрел на секретаря и по его кивку отступил в сторону.

— Вторая дверь налево. — Донесся в спину голос Вячеслава.

Коттедж Инквизитора заметно отличался от того, в котором разместились мы. В нем имелось больше помещений, да и интерьер оказался побогаче. Мягкий ковер глушил звуки шагов, но едва мы оказались около названной двери, до нас донесся голос Сильвера:

— Не надо стучать. Проходите.

Вычурное бра лишь создавало ощущение света, бросая отблески на стол, за которым сидел Урманский. Сам хозяин вырисовывался на фоне зашторенного окна темным силуэтом.

— Присаживайтесь. — Довольно будничным тоном произнес Инквизитор и, выдержав секундную паузу, добавил. — Для гостей темновато будет.

До слуха донесся легкий щелчок, и еще одно бра засветилось на противоположной стене. Стало значительно светлее и я смог разглядеть обстановку и самого хозяина апартаментов. Если обстановка в комнате напоминала обустройство кабинета Инквизитора в особняке на Фонтанке, вот только из аппаратуры имелся лишь один раскрытый ноутбук, то сам Урманский выглядел на порядок хуже. Он разительно отличался от того респектабельного, уверенного в себе, пышущего здоровьем мужчины, каким его видел всего три часа назад. Почти черные тени под глазами, бледное одутловатое лицо, тусклый взгляд — все наводило на мысль о тяжелой болезни.

— Не удивляйтесь. — На лице Инквизитора промелькнула печальная усмешка. — Здоровье — это не постоянная величина, особенно в моем возрасте. Несколько процедур в целебном местном источнике и меня еще на пол года хватит. Но я пригласил вас по другой причине. И не смотрите, девушка, так на меня, больной скорее жив, чем все остальное. — Урманский укоризненно посмотрел на Светку и слегка качнул головой. — В основном у

меня дело к Сергею Ивановичу, но раз вы пришли вместе, придется начать с общих вопросов, хотя это сбивает с продуманной схемы беседы. Видите, как я откровенен?

На какое-то мгновение мне показалось, что Инквизитор специально надел маску эдакого смертельно больного дядюшки, собравшего, наконец, вокруг себя всю родню и втайне наслаждающегося сочувствием окружающих. Однако, во взгляде Сильвера улавливалась тщательно скрываема боль и та легкая ирония, которую он себе позволил, и есть тот щит от сочувствия окружающих.

— Вы оба вели себя, как беззаботные дети, не смотря на мое пожелание об осторожности. — Резкий переход от образа старшего друга к резкой отповеди меня чуть было не смутил, но я прекрасно понимал, что грозный для Питерской тусовки Инквизитор, для меня не начальник. — Пока вы развлекались, на вас было совершена еще одна попытка нападения с применением магии. В вашу квартиру некто попытался призвать следь. К счастью, знак, начертанный на вашем почтовом ящике, успели заметить во время, и его немного изменили на безобидный детский рисунок. Вот такие пироги. У меня нет точных данных, кто из вас все-таки является целью, но опасность грозит вам обоим. Опыт же подсказывает, что состоится еще одна попытка, и, скорее всего она произойдет здесь, в Накки-ярви. Надеюсь, что с вашей помощью я смогу выявить и предать суду ордена этого злостного нарушителя принятых в нашем обществе правил. Вот только будьте сами поосторожнее, пока мы не нашли злодея. Вы мне симпатичны, и не хотелось бы горевать по поводу вашей смерти.

Потрясающе. Начал за здравие, кончил за упокой, и дал понять, что наживкой для охоты на неуправляемого колдуна стали мы. Почти как в анекдоте про червяка, который с мужиками на рыбалку уехал. Инквизитор — еще та штучка, манипулирующая окружающими людьми в интересах своих, завуалированных целей, а люди — простой расходный материал.

По-видимому, что-то в моем лице отразило ход нелюбимых мыслей. Взгляд Инквизитора тяжело прошелся по мне, но затем перешел на Светку и расслабился.

— Кстати, попробуйте коньяк. Настоящий армянский, пятьдесят лет выдержки, а не какой-нибудь поддельный крашеный спирт. — Жестом радушного сибарита Урманский провел рукой в сторону сервированного столика, который стоял сбоку от большого письменного стола. — Правда, на закуску только «николашки» и фрукты, но стоит оценить качество благородного напитка.

Коньяк и в самом деле оказался хорош, а посыпанные кофе и сахаром дольки лимона прекрасно гармонировали с очаровательным букетом напитка. Благосклонно улыбаясь, Инквизитор поставил свой бокал на стол и чуть заметно шевельнул пальцами. Из его руки выскользнул черный шарик и с шорохом описал полукруг по столешнице, замерев между нами и благодушно улыбающимся Урманским.

— Ведьмин Глаз. — Пояснил Инквизитор, убрав руки со стола. — Незаменимое средство при общении с ведьмами и колдуньями. Жаль, что не эффективно против лиц мужского пола, но в нынешнем случае это не обязательно. Просто нам необходимо поговорить с глазу на глаз, а отправить варить кофе я вашу спутницу не хочу. Уж больно странная традиция получается — при каждой встрече опрашивать Светлану готовить кофе.

Светка действительно представляла странное зрелище. Держа в одной руке пустой бокал, а в другой — надкусанную дольку лимона, она застыла неподвижной статуей, чуть склонившись над столом.

— Стоит мне взять эту штучку в руку, как она очнется опять, вот только все, что

происходило за это время, не коснется ее слуха и зрения. Не волнуйтесь, процедура безопасная и совершенно не оскорбляющая личность. Для вашей подруги как бы остановилось время, а когда мы закончим наш разговор, она к его содержанию не прикоснется ни как.

— Странные меры предосторожности. — Осторожно заметил я, одновременно прикидывая, какие козыри могут выпасть еще из рукава собеседника. — Конспирация на уровне шпионских спецслужб.

— Да бросьте вы. — Примиряющим тоном произнес Инквизитор. — Насколько я понимаю, ваша дама еще не в курсе вашей основной работы? Так зачем ей слышать из чужих уст то, о чем вы не говорите сами.

— Серьезный разговор?

— Да. Очень серьезный. Потому что он касается не только вас обоих, но и в большой степени меня лично. Разговор мог бы и не состояться, но вы сами понимаете, я не сидел сложа руки все эти дни и получил много информации о вас и вашем отделе. Да не делайте такое лицо, ваши мелкие шпионские игры в родной стране, а также за ее рубежами, навевают у меня уныние. Я в нашу прошлую встречу высказал свое мнение о вашей конторе, а после более подробных консультаций это мнение, если не укрепились, то изменилось мало. Хотя могу отметить, что ряд операций и разработок заслуживают уважения. Но хватит о работе. Вы же находитесь в отпуске?

— Я на службе у государства круглосуточно, с момента принятия присяги и пока меня не уволят из рядов Вооруженных Сил.

— Правильно, но... — На пальце Урманского сверкнул перстень с масонской монограммой. — Обратили внимание? Есть организации, которые существуют вне государства, во всяком случае, до тех пор, пока их деятельность не начинает идти в разрез с государственными интересами. Масоны, гномы, уфологи, религиозные общины и прочие клубы по интересам. У каждой свои цели и способы их достижения. Мы ж — совершенно другое. Я объяснял вам при прошлой встрече. Так вот, мои предложения абсолютно не касаются вашей службы и государства. Конечно, я смог бы попросить ваше руководство предоставить некоего майора Рябова в распоряжение, к примеру, отдела службы войск гарнизона, с дальнейшим откомандированием в распоряжение определенного лица, но не хочу. Давайте рассуждать логически. За все время руководства отделом вашим генералом ни разу не проводились акции и не ставились задачи по Северо-Западному региону. Хотя здесь различных странных мест навалом, да и населения достаточно много, а значит и интересующих вас людей. Почему? Существует соглашение, где четко разграничены сферы влияния и интересов деятельности между различными организациями. Мы — Инквизиция, наряду со своими привычными функциями, строго следим, чтобы это соглашение выполнялось. Только мы имеем право на разрешение спорных вопросов и, при необходимости, взаимодействие при решении некоторых проблем, затрагивающих все наше сообщество. Было время, когда на себя эту ношу пытались взвалить государство или церковь, но слишком различные методы и подходы к решению этих проблем приводили к непредсказуемым последствиям. Если необходимо, мы можем использовать государственный аппарат или церковь для решения своих задач, но чаще это делается в темную или на уровне частных и временных соглашений.

«А государственный аппарат в темную использует вас», — подумалось мне. Даже в нашем разгильдяйском государстве такой рычаг воздействия на часть населения не может не

контролироваться со стороны власть предержащих.

Урманский пригубил бокал, кинул настороженный взгляд в сторону двери и продолжил: — Но, перейдем к делам нынешним. В последнее время меня не оставляет впечатление, что ситуация в магическом сообществе быстро и неуклонно выходит из-под контроля. Словно что-то мешает нам, и делает это чаще и с большими нежелательными последствиями для ордена. Да, что там для ордена — для всего человечества, как бы напыщенно это не звучало. К сожалению, мы вынуждены вести свою деятельность негласно, ни в коей мере не информируя людей и органы власти, завуалировано, иначе различные государственные или криминальные структуры возьмут нашу деятельность под свой контроль, а это — крах на нынешнем историческом этапе. Я уже говорил, что такие попытки были и что они закончились печально.

Нет самостоятельности у таких контор, это понятно и ежику. Как бы Сильвер не пыжился бросая красивые слова, есть в его рассуждениях прорехи, видимые невооруженным взглядом. Религиозный орден, независимый от церкви, — тогда это не орден, а совершенно левая организация, просто прикрывающаяся звучным названием.

— Иннокентий Константинович, не будем повторяться. — Пришлось прервать словоохотливого Инквизитора, чтобы вновь не прослушать лекцию о значении и роли инквизиции. — Давайте, говорите конкретно, что вам от меня нужно, но предупреждаю, что в ваших интригах и закулисных играх я участия не приму. Я не наемник, а русский офицер, у которого есть свой кодекс чести. Я слушаю вас.

— Хорошо. Моя проблема заключается в следующем. — Урманский заговорил тише. — Кто-то из моих помощников — предатель, двурушник. Чтобы выявить его, мне необходимо время, а вот именно его у меня и нет. Точнее, на два-три дня, необходимых для восстановления здоровья, нужен человек, который не связан в этом регионе ни с кем и, в то же время, человек знакомый с нашей кухней не по художественным и псевдо-оккультным книжкам, а по своим делам и владеющий какой-нибудь силой.

— Извините, но это предложение не ко мне. — От такой просьбы мне захотелось отказаться сразу, уж слишком нелепо она прозвучала, но я постарался обосновать свой отказ твердо и достаточно вежливо. — Для вашей, как вы сказали, кухни я человек посторонний, и толком ни чего не знаю о взаимоотношениях в вашем ордене, это — во-первых. Во-вторых, на счет какой-нибудь силы вы немного погорячились, к сожалению, я не обладаю даром или умением. Можно добавить и, в-третьих, если откровенно, я не верю в неразрешимость проблем с задействованием внутренних ресурсов вашего ордена и необходимости привлечения человека со стороны. Внутренний голос мне шепчет, что в вашем предложении имеется подвох.

— Что ж, по-военному прямолинейно, и без интеллигентского метания души. — В голосе Урманского послышалась явная ирония. — Но по всем трем пунктам вы не правы. Я ищу не кандидата на свое место, а человека, которому смог бы доверять в течение двух-трех дней, не боясь повернуться к нему спиной. Что касается экстрасенсорных способностей или умения, могу вас заверить, вы обладаете очень мощным потенциалом магического свойства, и, самое интересное, даже я не могу выявить его истоки. Скорее всего, это — результат вашей службы в отделе генерала Свиягова. Ваш послужной список впечатляет, свыше десяти боевых операций высшей сложности и каждый раз вы добивались заданного результата. Везенье — не эфемерная субстанция или плод воображения, а проявление какой-то дополнительной возможности организма или разума. Ваши способности давно перешли в

стадию умения, но у меня создалось впечатление, что вы постоянно приобретаете новые, дополнительные, магические качества в результате контакта или взаимодействия с артефактами, иными силами, подставляясь под враждебную магию, и бог знает еще чего. Даже сейчас, я стараюсь увидеть вашу ауру, но как будто она укрыта от меня полупрозрачной завесой, через которую можно только угадать странную клокочущую силу и... почему-то женский силуэт. Вас наверняка взяла под свою опеку какая-то богиня. Да не смейтесь, это совершенно не смешно.

Слова Инквизитора не заставили меня засмеяться, но подобие недоверчивой усмешки проскользнуло на моих губах, во всяком случае, я надеялся, что это так. Некоторые странности, произошедшие за последнее время, стали понятнее и получили какое-то свое объяснение, и если Урманский и в самом деле прав, на горизонте замаячили о-очень не радостные перспективы.

— Я считаю, что пора вернуть в действительность вашу спутницу. — Сильвер пристально посмотрел на Светку. — Слишком долгое воздействие «ведьминого глаза» угнетает разум человека и вызывает негативную реакцию на психику.

Урманский протянул руку к черному шарiku, и я торопливо поинтересовался:

— А куда мне деть Светлану, в случае моего согласия?

— Никуда не надо ее девать. Ваша спутница сможет оказаться не плохой помощницей в нашем маленьком деле. Я воспользовался прогнозом ясновидящей, и оказалось, что Светлана успешно вписывается в наш расклад.

Шар исчез в руке Инквизитора. Светка слегка качнулась и недоуменно поставила бокал на стол. Почти сразу же Урманский разлил в стоящие бокалы немного коньяка и заметил:

— Между первой и второй — промежуток небольшой. — Церемонно чокнувшись о наши бокалы и неторопливо выпив ароматный напиток, он, словно ни в чем не бывало, произнес. — Приглашаю с рассветом посетить оранжерею при аквапарке, думаю, что вам будет интересно. Кстати, если вы взяли ваш знаменитый спортивный пистолет, можете прихватить его с собой, там имеется небольшой тир, и мы смогли бы посоревноваться. А теперь прошу прощения, что занял ваше время, но старому человеку иной раз хочется пообщаться с новым поколением, даже если для этого почти нет времени. Давайте еще по рюмочке на посошок, и — до завтра.

Выпитый коньяк голову не туманил, но придал легкую эйфорию. Вот только Светка выглядела немного подавленной. Когда мы подошли к нашему коттеджу, она смущенно заметила, что у нее возникло ощущение небольшого провала в памяти.

— У меня странное чувство, что я что-то упустила в нашем разговоре с господином Урманским. Вроде бы и посидели чуть-чуть, а ощущение, словно вообще отсутствовала. — Задумчиво произнесла она, открывая дверь нашего коттеджа.

Войдя в прихожую, я резко остановился и инстинктивно шагнул в сторону, увлекая Светку к стене. Аромат цветущих лилий, казалось, пропитал изнутри весь домик. Прикрывая спиной девушку, резко ударил пальцем по выключателю и замер в готовности встретить неожиданный удар. За плечом возмущенно пискнула Светка, пытаясь выскользнуть на простор, но я схватил ее за руку и удержал на месте.

Оставив девушку в прихожей, я медленно обошел все помещения, включая свет в каждой комнате, но ни чьего присутствия не обнаружил, лишь тягучий цветочный аромат упрямо будоражил обоняние.

— Что случилось? — В голосе Светки явно ощущался испуг.

— В наше отсутствие здесь были гости. Ты не ощущаешь ни какого запаха?

Мой вопрос остался без ответа. Ноги у девушки неожиданно подогнулись и, если бы я не успел ее подхватить, она рухнула бы на пол. Вслушиваясь в вечернюю тишину, я отнес ее на кровать, и едва успел положить Светку на покрывало, как за спиной уловил еле заметное движение.

Из-под надвинутого до бровей хиджаба на меня смотрели ярко-зеленые глаза. «Трофей» последней боевой операции, бесследно исчезнувший при пересадке на подводную лодку и успевший спасти наш вертолет, стоял посередине комнаты и внимательно смотрел на меня. Внешний вид женщины претерпел некоторые изменения. Расшитый блестящими нитями халат перепоясывал покрытый странными узорами кушак, из-под длинных пол одежды виднелись босые ноги, с переплетенными на голени множеством тонких ремешков. Женщина молча приложила палец к губам, остановив готовое сорваться с моих губ удивленное восклицание. Затем она развела руки, и халат в верхней части распахнулся. В ложбинке между тяжелыми грудями блеснул золотой круг с нанесенным на нем изображением крылатого существа.

Кожи коснулся еле уловимый ток воздуха, и на полу, под разведенными в стороны руками, начали формироваться две небольшие кучки серой пыли. С легким стуком из-под кровати к ним подкатились несколько маленьких обломков камней. Женщина отступила на один шаг и резко свела ладони в беззвучном хлопке, одновременно ее губы шевелились, словно она что-то говорила, но ни одного звука мне услышать не удалось. Пыль и камни шевельнулись и, словно вода, потекли друг другу навстречу. Взметнулся бесшумный пылевой вихрь, и моим глазам предстал блестящий неровными заостренными гранями кусок гранита. На лице женщины расцвела лукавая улыбка, она, изящно изогнувшись, ловко подхватила камень и, приглашающе кивнув головой, вышла из комнаты.

На улице стояла зима, и ночной морозец приятно охлаждал кожу. В одежде. Моя же странная незнакомка босиком шла по снегу и, казалось, что это ее совсем не смущало. Остающиеся на снегу следы быстро заметало легкой поземкой, летящей следом за ней. Она дошла до одного из домиков и ловко закинула камень под крыльцо. Самое странное, что именно в это время закончились посиделки в столовой и повеселевший от спиртного и развлечений народ начал расходиться по коттеджам, но почему-то ни кто не видел, ни женщины, ни камня.

Незнакомка несколько раз прошла вокруг крыльца, ее руки непрерывно двигались, будто она творила какое-то заклинание. Несколько раз она проходила вблизи от проходящих мимо людей, но те просто ее не замечали. Затем незнакомка скрылась во взметнувшимся в воздухе снежном буране и исчезла.

— Ты видел?

Увлеченный наблюдением за действиями незнакомки, я даже не заметил, как за спиной появилась Светка. В голосе девушки ощущалось благоговение.

— Что? — Мне стало интересно, что же увидела девушка.

— Странное существо с крыльями вместо рук и лицом кошки. Оно крутилось возле домика, где обычно селится наш зам директора по науке. Да ты его видел на ужине, Михаил Лаврентьевич Казаров, такой невысокий лысый толстячок со шкиперской бородкой, он с трубкой ни когда не расстается.

Что-то такое я видел во время ужина, типичный бабник с блестящими, чуть навывкате, круглыми глазами и довольной почти голливудской улыбкой на лице. Вот только ни какой

опасности в его облике не заметил: типичный плейбой в кризисном среднем возрасте, любитель женщин и отъявленный гурман. Хотя...

— Пробежало что-то, снег взметнулся и больше ни чего не увидел. — Врать с нужным выражением лица я научился еще в детстве, тем более к Светке я стоял спиной. — Дело не в видении, а в другом. Давай поговорим в доме, а то здесь холодно.

Версию произошедшего пришлось выстраивать на ходу с учетом не желания касаться особенностей своей службы. Что, мол, почуял опасность, нашел под кроватью кусок гранита, выкинул его и он почему-то улетел далеко, под крыльцо одного из домиков. Единственным слабым местом могло оказаться явление и действия незнакомки, но, к счастью, у Светки сложилась своя версия о случившемся.

— Где-то в центре Карелии, если хочешь, я потом тебе покажу на карте, есть одно очень странное, загадочное и мистическое место. Я не помню, как оно звучит правильно, но название оканчивается словом «ваара», что означает — гора. Там имеется несколько сейдов, шаманских камней, в которых заключены души самых сильных шаманов дохристианской эпохи. Сами камни огромны и напоминают лица людей и чудовищ. Для людей, а особенно — женщин и детей, находиться рядом с ними опасно. Только посвященные могут приблизиться к ним, и то — после проведения ряда ритуалов, иначе духи, охраняющие сейды, расправятся с нарушителями покоя тех мест. Я не удивлюсь, если кто-то смог добыть кусок от такого камня и подбросить его нам. Полежи он у нас несколько дней и неизвестно, что с нами бы случилось. Это можно сравнить, если бы нам под кровать подсунули источник радиации. И кто ж на такую подлость сподобился?

— Ваш зам по науке, ведь камень вернулся к нему.

— Не обязательно. Уж чего-чего, Михаил Лаврентьевич — человек старого воспитания: галантен, вежлив, порядочен — настоящий джентльмен. К тому же ни я, ни, тем более, ты, с ним ни каких дел не имели.

— А по работе?

— Нашу лабораторию он не курирует, и если мы встречаемся, только очень редко, мимоходом. «Добрый день», «Здравствуйте» — вот и вся форма общения.

— Камень подкинули, он вернулся к хозяину, это — очевидные факты. — Упрямо гну свое, стараясь увести разговор от странной незнакомки. — Значит ваш Хазаров и виноват.

— Казаров. — Поправила Светка.

— Да мне без разницы. Вот сейчас пойду и портрет этому Хазарову-Казарову начищу. — Стараясь не переиграть, с чем черт не шутит — вдруг придется, в самом деле, устраивать мордобой, а нежелательно — нужно к толстячку сперва приглядеться, я сделал вид, что немного «завожусь». — Заодно и за остальные гадости спрошу.

— А вот этого не надо. — Лицо Светки погрузтело. — Мне еще в институте работать.

— Кому-то придется увольняться. Либо тебе, либо ему. Могу помочь вашему деятелю от науки уйти на пенсию по причине утраты здоровья.

— Да брось языком чушь молоть. — Неожиданно взорвалась девушка. — Ни кто ни кого бить не будет. Я знаю, кому можно сказать о подозрениях, но мне как-то не верится в злой умысел со стороны Казарова. Давай, отложим наш спор на потом, когда станет все ясно. У меня есть более лучшее предложение, касательно сегодняшнего дня, который заканчивается... — Светкины глаза оказались напротив моих, в ее серо-синих зрачках заиграли маленькие бесенята. — Может, господин офицер согреет маленькую, уставшую и замерзшую девушку?

Легкий удар о стекло и шорох осыпающегося снега. Через несколько секунд все повторились снова. Взгляд скользнул по циферблату настенных часов. Светящиеся стрелки застыли на трех часах. Рядом заворочалась Светка, не открывая глаз, она обняла меня за руку и спокойно задышала в здоровом сне.

Новый удар по стеклу прогнал сон. Стараясь не потревожить девушку, я осторожно соскользнул из кровати и подошел к окну. Рассеянный свет от фонарей, что освещали площадку у административного домика, с трудом доставал до нашего коттеджа, но сквозь слегка запорошенное стекло можно разглядеть территорию базы. Ни чего заслуживающего внимание разглядеть не удалось, но лишь я повернулся в сторону кровати, чтобы опять нырнуть одеяло, со стороны входной двери послышалось легкое царапанье.

Осторожно ступая, чтобы не разбудить Светку, я переместился в прихожую. Прихваченная возле камина чугунная кочерга придавала уверенность, хотя, серьезной опасности тихое царапанье в дверь у меня не вызывало. Притертая щеколда бесшумно отошла назад и позволила резко и, по моему мнению, неожиданно открыть дверь.

Несколько секунд я вглядывался в разбавленную тусклым освещением ночь и вслушивался в шорох поземки. Сбоку от крыльца скрипнул снег. Кочерга мгновенно взметнулась вверх для удара.

— Сергей, это — я. — Закутанный в потертую мохнатую шубу, человек вступил на нижнюю ступеньку крыльца. — Это — я, Ленарт. Нам нужно поговорить.

Не выпуская из руки кочерги, я немного посторонился, пропуская бывшего сослуживца в прихожую. Кислый запах мокрой шерсти и вонь немытого тела и мочи заполнили небольшое помещение.

При свете тусклой лампы, осветившей прихожую, я внимательно взгляделся в ночного гостя. Тот Ленарт, с которым мы расстались два года назад, и это убогое, другим словом не назовешь, создание отличались, как небо и земля. Из щепетильного ко всему, что касается внешнего вида и имиджа офицера-аристократа, он превратился в бомжа в самом худшем понимании этого слова. Грязная щетина неровной порослью закрывала нижнюю часть лица, из щелок опухших красноватых век на меня смотрели тусклые слезящиеся глаза. От вываливающей невесть где старой потертой шубы ощущался тот еще аромат, да и сама шуба оказалась одетой на голое тело. Я не стал скрывать брезгливого выражения лица, но Ленарту на это, по всей видимости, было наплевать.

— Мне нужна твоя помощь. — Бывший офицер сразу взял быка за рога. — Во имя нашей былой дружбы ты должен мне помочь.

— И чего же ты хочешь? — Негромко спросил я, прикидывая, как бы побыстрее избавиться от нежданного посетителя.

— Проведи меня в аквапарк. Я внимательно изучал обстановку на этой чертовой базе отдыха и уверен, что мы вдвоем легко прорвемся через охрану оранжереи и окажемся внутри. Я бы рискнул и в одиночку, но хийси — хорошие бойцы, которые владеют не только основами рукопашного боя, но и определенной магией. К тому же вместе с ними там находятся наики, а это еще те стервы — чуть зазеваешься и на дно бассейна утянут. Развели тут нечисть чухонскую. Но ты не бойся, вдвоем мы сладим, эти гаденыши серебра боятся. — Ленарт распахнул шубу. Станные тонкие шрамы покрывали все его тело, образуя рисунок сходный с крупной чешуей. — Видишь? Серебряные нити. Вшиты под самым верхним слоем эпидермиса. Теперь мне практически ни какая нелюдь не страшна. Я сам для них — ходячая

смерть.

— А зачем тебе нужно в аквапарк? — В том что у Ленарта поехала крыша, ни каких сомнений не возникало, но бзик, именно на аквапарке, заслуживал внимания.

— Там, за бассейном, в оранжерее есть проход. Он ведет в иной мир, о котором ты даже не имеешь представления. Странное место, где есть источник живой воды.

— Которая воскрешает мертвых? — Задавая вопрос, я разочарованно вздохнул. Ни практически, ни теоретически, такое невозможно. Пусть оживет тело, но сознание погибнет и получится простой зомби.

— Возможно, но любые заболевания она устраняет. Аналог восстановления системы в компьютере, вот только с точкой восстановления имеются определенные проблемы. — В голосе Ленарта прозвучало торжество. — Я составил алгоритм установки точки и теперь могу выбрать любой момент своей биографии по физическому состоянию. Я стану бессмертным.

— Что-то ты сейчас не очень то похож на бессмертное существо.

Но мой сарказм не произвел на бывшего спецназовца ни какого впечатления. Глаза Ленарта горели нездоровым блеском, а голос его становился все громче и громче.

— Хийси и наkki живут столетиями, и одна из причин их долголетия — источники. Так почему эта нечисть может жить неизмеримо долго, а мы — венец природы — обречены на краткое существование?

— Так ты хочешь осчастливить человечество? — Разговаривать с душевнобольным человеком, в том, что Ленарт окончательно тронулся мозгами, для меня стало окончательно понятно, тяжело и бессмысленно. Оставалось закончить этот бестолковый разговор.

— Плевать мне на человечество! Я сам — человечество! Мне необходимо жить долго и не трястись за завтрашний день. Пускай все угробят друг друга радиацией, СПИДом, озоновыми дырами или еще чем-либо, а я создам свой мир. Только лучшие и достойные будут рядом со мною и не бояться будущего. Возникнет новая раса, которая сможет покончить с тем бардаком, который окружает нас. Мы вдвоем станем первыми. Давай, пройдем в аквапарк, двоих профессионалов ни какая нечисть не остановит.

— Ленарт, ты болен. Тебе необходимо к врачу. — Я постарался сменить тон на участливый, боясь, что своими воплями он разбудит Светку, да и всех остальных. — Давай, я позвоню нашим, и они тебя заберут. Отдохнешь, наберешься сил, а там, глядишь, придумаешь как все правильно сделать.

— Кто не с нами, тот против нас. Без тебя справлюсь. Только когда ты станешь на коленях меня упрашивать, чтоб прикоснуться к источнику, я тебе отвечу: «нет».

Безумец привстал, застегивая шубу. Заросшее лицо выражало явное недовольство. Я внимательно следил за его движениями, одновременно прикидывая, что же делать мне. По логике вещей, Ленарта нужно изолировать, и чем скорее, тем лучше. С другой стороны, если из сказанного безбашенным спецназовцем хотя бы процентов на тридцать правда, живым он из аквапарка не выйдет. Источник с омолаживающей водой — слишком большой искус, чтобы делиться с кем-либо.

— Последний раз предлагаю. Пошли вместе.

Ленарт поднялся во весь рост, засунув руки в карманы. Ни какого безумства в его глазах уже не наблюдалось. Наоборот, взгляд его казался настороженно-оценивающим. Я внутренне подобрался — настоящий боец чувствует схватку заранее. Мгновенно оценив расстояние до Ленарта, по особенному прихватил кончиками пальцев ребристую ручку

кочерги.

Легкое движение воздуха от приоткрывшейся двери и спокойный Светкин голос:

— Может кто-нибудь объяснит...

— Ведьма! — Ленарт резко выдернул из кармана руку, и в ней блеснуло изогнутое лезвие ножа. — Умри!

Удар кочерги должен был, как минимум, раздробить кисть в момент броска, но безумец, по-видимому, ощутив угрозу удара, чуть придержал руку. Чугунная загогулина скользнула по костяшкам пальцев и чиркнула по рукоятке бросаемого ножа. Этого хватило, чтобы смертоносное оружие изменило траекторию и со стуком вонзилось в дверной косяк над Светкиной головой. Девушка оглушительно взвизгнула. Я торопливо взмахнул кочергой еще раз, но Ленарт резко отпрыгнул боком к выходу и выскользнул на улицу.

— Кто это был? — Тихо спросила девушка, пока я запирал дверь.

— Ленарт, о котором ты недавно рассказывала. — Буркнул я и подошел к окну, выходящему на территорию базы.

Возле входа в аквапарк мелькнул силуэт человека и исчез в дверном проеме. Следом неторопливо протопали двое охранников. Громоздкие фигуры в оранжевых комбинезонах выдавали в них хийси.

— Объясни мне, пожалуйста, что за хренотень творится здесь? — Сдерживать эмоции мне не очень-то и хотелось, но Светка сама выглядела испуганной и озадаченной одновременно. — Что за источник? Кто такие эти — хийси и накки? И, вообще...

Еще раз вспоминая разговор с Ленартом, я постарался отделить возможную информацию от безумного бреда бывшего капитана. Даже в общем, картина представлялась интересной. База отдыха в аномальном месте, непосредственно завязанная на институте и курируемая Инквизитором. Странные существа или люди: хийси, накки или еще как-нибудь называемые. Аквапарк, выглядящий инородным телом среди остальных построек и, в принципе, не обязательный для столь небольшого поселка в два десятка домов. Упомянутый Ленартом проход в другую сущность. Наверное, что-то в виде переходного портала. О чем-то подобном рассказывал Дядя Арчил, но, убей бог, не помню деталей и подробностей того занятия. К практическим те знания не относились, а значит — не запомнились. Хотя...

От размышлений отвлек голос Светки. Девушка как могла отвечала на выпаленные с горяча вопросы.

— База входит в состав института на правах отдельной штатной структуры, ряд исследований проводится здесь, но часть ее используется именно, как место проведения отдыха для своих сотрудников. Посторонние, вроде тебя, попадают сюда не так уж и часто, но такое случается почти каждый месяц. Во всяком случае, на работе частенько делились впечатлениями и бывали упоминания о незнакомых для институтских дам людях. Начальником лаборатории, что разместилась здесь, числится Казаров, но фактически все решает директор и члены попечительского совета института. Правда, кто туда входит, мне не известно, да и сомневаюсь, что списки членов совета для нас огласят. — Негромкий рассказ сопровождался недовольным подергиванием носа и бровей, будто Светке самой становится странным, что она толком ни чего не знает о своей работе. — Каждая лаборатория обычно работает над самостоятельным проектом, а негласные корпоративные правила не приветствуют любопытства. Заведующие кафедрами дают задания и обеспечивают информацией начальников лабораторий, которые в свою очередь организуют работу сотрудников. Конечно, на перерывах, в курилках или на вечеринках по какому-нибудь

поводу мы обсуждаем многие вопросы или проблемы, но на счет базы отдыха и ее лаборатории говорилось мало, в основном об отдыхе и развлечениях. Про какие-либо источники вообще ни чего не говорилось, лишь отмечалось, что в озере вода считается целебной, ну, типа, марциальных вод, только еще менее стойких к воздействию окружающей среды. Говорят, что здешняя лаборатория и занимается изучением свойств местной воды и ее зависимости от биоаномалий этого места. А про хийси я тебе рассказывала.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Подожди. — Я прервал Светкин рассказ и схватил мобильник.

К счастью телефон был в сети. Выход в Интернет и поиск данных по запросу много времени не занял. Результат оказался вполне предсказуемым, если только не считать, что вопрос ушел на статистический раздел, ответ пришел с фольклорного.

— Читай!

Светка, не скрывая любопытства, взяла телефон и удивленно вскрикнула. Затем опять приблизила экран мобильного к глазам и прочитала вслух:

— Накки — водяные существа с копытами место ступней. Женщины-накки красивы, темноволосы, имеют огромные отвислые груди, которые могут при движении по суше закидывать за плечи. Имеют способность к оборотничеству. Хийси — лесной демон или дух, другое название: лемпо или лембой. Термины характерны для северо-запада России, где сохранились языки и диалекты финно-угорской группы.

— То есть, накки — это мавки, а хийси — это лешие. — Я озвучил полученную информацию на свой лад.

— Интересно, а поселок Лемболово под Питером берет свое название от северного лешего? — Задумчиво проговорила Светка, словно не слыша меня. — Лемпо, лембой. Лемболово... надо бы туда съездить, посмотреть. Ведь это почти под носом. Двадцать минут на электричке и уже там.

— Потом помечтаешь. — Телефон переключался в мою руку. — Лучше подумаем, что дальше делать.

Решение мною уже принято, но хотелось бы знать и мнение девушки. Можно ни чего не говорить, по выражению лица все ясно — мы ни куда не едем и не бежим. Детали, без которых не обходится ни одно дело, я скромно взял на себя. Да и зачем молодой девушке думать о таких проблемах, как безопасность или материальное обеспечение. Да и попридержать исследовательский зуд необходимо. Главное, не лезть самим на рожон с предложениями или инициативами. Получается, что господин Урманский также собирается к источнику, а то, что он зовет собой нас, вписывается в его поведенческую схему прекрасно. Информации, выболтанной Ленартом, хватает, чтобы оценить возможные риски и принять некоторые превентивные меры, но существует еще несколько проблем, решения которых пока не вижу. Незнакомый недоброжелатель с его магическими штучками заставлял смотреть на всех окружающих с подозрением, возможное вмешательство коллег из Москвы могло также принести кучу неприятностей. Да, закрутилась вокруг меня суeta, а ведь Новый Год впереди, совсем чуть-чуть осталось, и нет желания праздник себе или Светке портить.

Последнюю мысль специально для подруги я озвучил, чтобы сбить эйфорию.

По часам наступило утро. Во всяком случае, стрелки на часах указывали на восьмерку, но обещанного посыльного от Инквизитора мы так и не дождались. Светка не спала, прижавшись к моему боку, и прислушивалась к голосам за окнами, а я вылезать из-под

одеяла не торопился. Наверняка Ленарт пролез в аквапарк и попытался сделать сам то, что он предлагал мне. Даже в том состоянии, когда в голове раздрай, бывший офицер спецназа мог бы легко пройти все заслоны и, к сожалению, устлать свой путь кучей жмуриков. Хийсли, навки ли, или какая другая нелюдь сторожила подходы к источнику, но у него имелась выучка нашего отдела.

Негромкий стук в дверь враспloch не застал. Оставив Светку в комнате, я влез в спортивный костюм и, отомкнув запор, столкнулся нос к носу с одним из помощников Инквизитора.

— Доброе утро, меня зовут Иван. — Посетитель вежливо кивнул и, пройдя в прихожую, продолжил. — К сожалению, Иннокентий Константинович не может сегодня выполнить обещанные вчера договоренности. Возник ряд обстоятельств, по которым мероприятие переносится на другое время. Шеф предложил встретиться у него часов в двенадцать, в готовности к небольшому походу. У вас возражений нет?

— Что-нибудь случилось серьезное?

— Да не особо. — Пожал плечами Иван. — Просто ночью какой-то придурок учинил дебош в аквапарке, а вызывать правоохранительные органы руководство института и базы не захотели. Зачем им имидж портить. Попросили Иннокентия Константиновича разобраться и принять решение по данному факту. Даже не знаю, зачем вам рассказываю об этих проблемах. — Помощник Инквизитора заговорщицки подмигнул и протянул мне увесистый сверток, извлеченный из кармана. — Некая Альбина просила передать. Кстати, ни кто не интересуется зелеными шарфами и красными колпаками?

Приплыли. Еще один агент из родной конторы. По-моему весь этот НИИЧАВО и его окрестности кишат питомцами нашего паука Прошкина.

— Гамма-иглы. — Шепнул Иван, не обращая внимания на мое вытянувшееся лицо. Последняя разработка Дяди Арчила представляла собою универсальный боеприпас, приспособленный для стрельбы из пневмооружия. В обойме имелось тридцать игл, покрытых комбинированным составом из серебряной амальгамы, какого-то растительного состава, очень эффективного против некоторых разновидностей нечисти, и комбинацией из четырех видов яда. Мاستурадзе буквально трясся над этими боеприпасами, и можно по пальцам пересчитать случаи выдачи на руки безотказного орудия смерти почти для всех видов житии и нежити.

— Здесь четыре обоймы. Отчитаетесь, когда вернетесь из отпуска. — Негромким голосом продолжал говорить Иван. — И еще. Перед тем как вы пойдете через проход в оранжерее, обязательно намочитесь в большом бассейне. Дело в том, что колючки на кустах выделяют очень опасный фермент и любой, кто поцарапается, погибнет через два-три часа, диагноз — сердечная недостаточность. Тех же, у кого кожа несет запах эфирных масел растворенных в воде бассейна, колючки избегают.

— Типа, живые растения? — С иронией поинтересовался я, прислушиваясь к звукам из комнаты, где слишком странно затихла Светка. Уж при ее темпераменте и любопытстве, она уже давно должна стоять рядом.

— Типа — живые. — Спокойно ответил Иван и поинтересовался. — Пожелания какие есть? К нашей конторе. Могу, к примеру, компактный пистолет-пулемет с несколькими обоймами или что-нибудь другое, но из обычного арсенала.

— Сам-то идешь?

— Не знаю. Вячеслав, старший референт сегодня ночью получил травму, и я пока за

него.

— А чего случилось?

— Идиота этого, Ленарта, решил остановить, когда тот в аквапарк прорвался. Даром, что у того крыша съехала, но навыки остались, теперь сидит Слава в медпункте и лечит переломы обоих ключиц.

За спиной тихо скрипнула дверь. Иван взглянул через мое плечо, на его лице появилась вежливая улыбка:

— Доброе утро, Светлана Геннадьевна. Извините, что разбудил, но дела шефа — мои дела, а тут — поручение к вашему другу. Сегодня в полдень вас ждут в аквапарке.

— Привет, Ваня. — С долей небрежности отозвалась Светка и тотчас поинтересовалась: — Так, что там, в аквапарке случилось?

— Она Ленарта знает. — Поспешно добавил я, увидев, что в глазах Ивана мелькнуло какое-то раздражение.

— Прошел, как Терминатор, сокрушив всех на своем пути. Слава богу, что убитых нет, но несколько служащих получили достаточно серьезные травмы. Затем он скрылся в одном из проходов оранжереи и сбежал.

— Не поймали? — Возможное пленение Ленарта для меня показалось слишком чреватым. Он мог бы сдать меня потрохами, да и конторские дела из него вытрясли бы легко.

— Скорее всего, он там. — Иван мотнул головой в сторону аквапарка. — Ушел туда, куда собирается и шеф. Так что хипеж по этому поводу большой. Ну, ладно, заговорился я с вами, а меня шеф ждет.

Повернувшись так, чтобы Светка не видела его лица, Иван подмигнул и едва заметно скосил глаз на небольшую антресоль над душевой. Затем он выскользнул из прихожей на улицу.

— О чем вы там шептались? — В глазах Светки промелькнуло хитрое выражение.

— Подслушивала? — возмущения в моем голосе не получилось, если бы она захотела услышать наш разговор, то при ее ведьмовских способностях такое получилось бы легко.

— Пыталась этого не делать, — с показной наигранностью потупила глаза девушка, — но предложение на счет пистолета-пулемета прозвучало достаточно громко.

— Вот я и раздумываю, может, стоит воспользоваться предложением вежливого молодого человека. Чует мое сердце, что за просьбой господина Урманского об оказании ему услуги, кроется очень опасное приключение. У меня даже возникает стойкое сомнение о целесообразности твоего участия в предстоящем мероприятии. Боюсь, оно может стать слишком опасным.

— Что ты хочешь этим сказать? — Светка приблизила свое лицо к моему.

— Пойду я туда без тебя. Мне так спокойнее будет.

— Пойду я туда с тобой. Так мне спокойнее будет. — Неожиданно передразнила меня девушка. — Я, все-таки, ведьма, а ты, хоть и вояка, но при встрече с магией не всегда срабатывает профессионализм. Я иду с тобой, мой солдат.

— А ты уверена, что все, что происходит сейчас, не тщательно продуманная мистификация, конечный результат которой нам не известен? — Глядя на маленькую девушку, горделиво выпятившую грудь, мне захотелось любыми путями остановить ее. Да вот только с импровизацией получалось не очень. — Может все происшествя, что случились с нами, направлены против меня или тебя, и, находясь в окружении неизвестных

нам людей, неизвестно в какой обстановке, мы станем уязвимы для любой подлости или простой подставы. К тому же, мне придется все время обеспечивать твою безопасность в ущерб всему остальному.

— Мою безопасность? — Светка усмехнулась и неожиданно предложила. — Кинь в меня чем-нибудь. К примеру, той коробкой, что у тебя кармане.

— Зачем? — пожал плечами я и, резко подхватив со скамейки перчатку, метнул ее в сторону девушки.

Не долетев до Светки десятков двух сантиметров, перчатка резко взмыла вверх и, звонко шлепнув по потолку, упала на пол. Видно, что-то промелькнуло на моем лице. Ведьмочка весело расхохоталась, подняла перчатку и, с изящным полупоклоном передала ее мне.

— Как идите, сэр, я могу позаботиться о себе. — На Светкином лице промелькнуло выражение торжества. — Меня даже на дуэль вызвать нельзя. Любой вызов улетит не по назначению.

— Светик, я же военный профессионал и меня всю жизнь учили действовать в сложной обстановке, где любая ошибка может привести к гибели тебя или подчиненных. Мне сам бог велел идти туда, где существует опасность. Это — моя профессия.

— А я думала, что твоя профессия — Родину защищать. — С вызовом произнесла девушка, всем своим видом выражая упрямство.

— И Родину, и тебя, и всех, кто мне дорог. Поэтому я не хочу брать тебя непонятно куда и зачем.

— Все равно мы пойдем вместе.

С этими словами Светка прижалась ко мне и, не давая ответить или возразить, впилась длинным поцелуем в мои губы.

Прижимая к себе девушку, я, как бы невзначай, посмотрел на антресоль. Маленькая дверка, отделанная под интерьер прихожей, оказалась чуть приоткрытой. Мягко отстранив Светку, я подошел к ней и, не слушая ее возмущенно-обиженный возглас, распахнул створку. В углу ниши лежала завернутая в газету коробка.

В сложенном состоянии пистолет-пулемет представлял собою конструкцию длиной сантиметров тридцать пять и, вместе с четырьмя рожками весил чуть более трех килограмм. Там же, в коробке, лежал свернутый в рулон водонепроницаемый чехол для скрытого ношения.

— Это и есть то оружие, о котором тебе шепнул Иван? — Светка с восторгом смотрела на блестящее от смазки оружие.

— МР-5К, одна из модификаций. Применяется для боевых действий в условиях ограниченного пространства. Эффективная дальность стрельбы — до трехсот метров. Скорострельность — девятьсот выстрелов в минуту. Состоит на вооружении специальных полицейских подразделений в ряде европейских стран. — Машинально проговорил я, стирая обрывком газеты излишки смазки.

— И ты собираешься с ним ходить?

— Еще не знаю. Как говорили древние: бойся данайцев дары приносящих. С такой штукой в руках я являюсь нарушителем всех законов, но, с другой стороны, в Накки-ярви о соблюдении федеральных законов особо не заботятся.

— Сережа, ты меня за дуру держишь? — В Светкином голосе слышалось нечто такое, что я слегка вздрогнул.

— Не понял...

— Ты совсем не похож на простого спортсмена, пусть даже в военной форме... — Светка на секунду запнулась и я этим воспользовался.

— Я не похож на яйцеголового «ботаника». Моя основная работа: служба в армии, где учат воевать и убивать, где риск является составляющей частью повседневной жизни. — Фразы я кидал немного напыщенно и чуть резче, чем нужно. — Спорт — это хобби, а воинское умение — определяющий фактор повседневной деятельности. У меня в руках оружие, я им умею пользоваться, и представь себе — неплохо. Я прекрасно понимаю опасность механизма, что держу перед собой, но я знаю, что в моих руках эта штука не будет использоваться не по назначению. Пусть лучше этот МР-5К находится у меня, чем попадет в чьи-то бестолковые руки и сможет принести множество бед окружающим людям.

— Хотелось бы тебе верить, но в душе у меня какое-то неверие в полную искренность твоих слов.

Ведьма, она и есть ведьма. Наверняка на каком-то эмпатическом уровне чувствует в моих словах и некоторых поступках несоответствие, но ни чего объяснить не может и только мучается изредка возникающими подозрениями не без видимой на то причины. За словесной шелухой, прикрывающей мои мысли, старается найти истинную причину беспокойства, но обстановка играет мне на руку и не дает сосредоточиться на мелких проколах.

— Светик, я есть — я. — Преодолевая некоторое сопротивление, я привлек Светку к себе и нежно поцеловал ее в губы. — И я помню, что предлагал тебе руку и сердце, поэтому недосказанности между нами быть не может.

— Жизнь покажет. — Девушка отвела голову назад и пристально посмотрела мне в глаза.

Не знаю, что случилось, но мне почему-то стало так ее жалко, как будто пришла беда. Борясь с нахлынувшими эмоциями, я отбросил оружие в сторону поднял Светку на руки, прижавшись при этом к ее щеке, чтобы моя ведьмочка не смогла бы ни чего почувствовать.

Глава 5. На той стороне

В назначенное время мы стояли у входа в аквапарк и ожидали Инквизитора. Не смотря на уговоры Светка все-таки пошла со мной в непонятный вояж. Окончательно поход с господином Урманским оставался не ясным по роли назначенной нам, а это тревожило. Оружие, приготовленное для скрытого ношения, кое-чего припрятанное в сумке, что висит через плечо, но полностью готовым к любой неожиданности я себя не считал. Именно в тот миг, когда я ощутил предчувствие беды, в душе поселился отголосок неуверенности, с которым справиться пока не удалось. Светка, чувствуя мою напряженность, что-то весело щебетала, рассказывая истории из жизни институтских знакомых, но развеселить меня не удалось. Зато, когда с крыльца коттеджа спустились Инквизитор и несколько человек, восставлявших его свиту, я успокоился.

Вывравшееся из плена туч солнце отразилось тысячами искр на пушистом снегу. На сердце стало веселее. Даже лицо подошедшего Урманского, мне показалось, немного разгладилось, и на нем исчезли следы вчерашней усталости и недомогания.

— Доброе утро, молодые люди. — С легкой улыбкой поприветствовал он и с надуманной рассеянностью заметил: — Или добрым днем.

За его спиной в позе готового к прыжку хищника замер Иван, чуть дальше громоздкими глыбами застыли двое хийси. Через плечо нового секретаря Инквизитора свешивалась тяжелая сумка, похожая на мою. Заметив, что я задержал взгляд на его ноше, Иван весело подмигнул и приблизился для рукопожатия.

— Добрый день. — Я поздоровался с Иннокентием Константиновичем, пожал руку Ивану и выжидательно взглянул на хийси.

Инквизитор искоса посмотрел на молчаливых сопровождающих и представил:

— Братья Лембо. Они пойдут с нами.

Хийси невозмутимо кивнули квадратными подбородками и застыли словно статуи.

— Зайдем во внутрь. Там ждут остальные. — Инквизитор почему-то посмотрел на застывшее в светло-голубом проеме между облаков солнце и направился к дверям аквапарка.

В чаше бассейна с веселым смехом плескались несколько обнаженных девушек из числа местной obsługi. У меня аж отвисла челюсть при виде такого чуда, но бдительная Светка чувствительно ткнула в бок.

— Тебе меня мало? — Раздраженно прошипела она мне ухо и повлекла вслед за Инквизитором.

Не смотря на попытки Светки отвлечь от занимательного зрелища, я успел отметить, что все три девушки оказались очень похожими друг на друга, среди них узнал Фелицию. Искривленные преломлением света в воде, их тела казались немного гротескными и сюрреалистичными.

У скамейки, возле тропинки в оранжерею, все остановились, я уловил ироничный взгляд Инквизитора. Ни Урманский, ни Иван, и, тем более, хийси на плескавшихся девушек, казалось, внимания не обращали. Наоборот, с довольно спокойными лицами, Инквизитор и его секретарь разделись и прыгнули в воду. Словно акулы, девушки стремительно приблизились к ним в длинном нырке.

— Присоединяйтесь! — Махнул рукой Иван.

— Давайте, давайте. У нас не так уж и много времени. — Добавил Инквизитор и

погрузился в воду с головой.

Вспомнились слова Ивана на счет свойств воды для защиты от ядовитых колючек. Я чуть подтолкнул Светку, которая вдруг застеснялась, и мы вместе ухнули в прохладную, со странным ароматом, воду.

— Вы уж извините, но перед проходом к искомому месту необходимо, чтобы в кожу впиталось как можно больше ароматических масел гаокерны. — Вынырнувшая рядом, Фелиция оценивающе посмотрела Светку и добавила. — И снимите все тряпки, что надеты на вас. Иначе какие-то части тела могут оказаться уязвимыми, как пятка Ахилла.

Она стремительно изогнулась и словно дельфин взлетела над водой. Полет над гладью бассейна составил метра три. Затем почти без всплеска девушка ушла под воду. За короткое мгновение взгляд успел зафиксировать почти метровой длины груди и маленькие, размером с кулак, похожие на мягкие копытца, ступни.

Вот тебе и накки, собственной персоной. Почти такие же, как описаны в словаре. Да и гаокерна — слово знакомое — волшебное дерево, царица всех целебных растений.

— Разврат. — Пропищала Светка, нервно цепляясь за завязку на шее.

— Производственная необходимость. — Ответил я, освобождаясь от остатков одежды. — В данный момент я склонен верить этой прекрасной нелюди.

Прошло несколько минут бултыхания в бассейне, и по команде Инквизитора все вылезли к скамейкам. К нам присоединились и трое накки, которых, не смотря на рассерженное шипение Светки, я смог рассмотреть повнимательнее. При всей изящной пропорциональности тела и очень красивых лицах, длинные, опускающиеся почти до бедер, груди и кулачки стоп вызывали странное впечатление нечеловечности.

— Воду с кожи не вытирайте. — Неожиданно произнес Урманский, окинув нас ироничным взглядом. — Пусть впитается. Сейчас принесут одежду, приемлемую для дальнейшего пути, а стесняться станете потом, когда домой вернетесь.

— Иннокентий Константинович, может, объясните, зачем все-таки мы здесь нужны. — Разговор накануне и сегодняшнее шоу с раздеванием не смогли дать ответа на все вопросы и расставить точки над «и». — Мне до конца не понятно, что конкретно требуется от меня и тем более от Светланы. У вас достаточная свита, шесть особей различного пола и принадлежности. — Перейдя на английский язык, я продолжил высказывать свое мнение. — Вы меня извините, но я, как профессиональный солдат, должен знать конкретную задачу и условия ее выполнения. Пока мне не ясно многое.

— Поясняю. Мне нужно обеспечение безопасности нашего вояжа, который может продлиться от нескольких часов до суток. Там, куда мы идем, мир, совершенно отличающийся от нашего, и опасностей предостаточно. Таких профи, как вы, единицы, и вам я могу доверять, потому что у вас нет причины бросить меня на произвол судьбы в опасной ситуации или выстрелить в спину. К тому же, ваш безумный друг Ленарт также проник туда и представляет опасность, как для нас, так и для того мира, который до сих пор благополучно существовал без присутствия агрессивных и непредсказуемых гомо сапиенс. — На английском Инквизитор говорил не хуже меня. В его произношении ощущались американизмы, свойственные тем людям, которые прожили в штатах много лет. — Вместе с Иваном вы должны обеспечить защиту группы от нападений.

— Зачем тогда с нами идет Света? — Услышав свое имя, Светка чуть напряглась, но я был уверен, что английский язык она знает плохо, и быструю разговорную речь не поймет. Другое дело — Иван. Он демонстративно повернулся в сторону, но шестым чувством я

ощущал, что он ловит каждое слово произнесенное здесь.

— А как же без колдуньи? Там, молодой человек, принципы бытия значительно отличаются от здешних. То, что люди загубили научно-техническим процессом в нашем мире, низведя магию в разряд глупых и бессмысленных увлечений, разрушив связи магических и природных процессов, там осталось в неизблемом виде. Кстати, — Инквизитор перешел на русский язык, — спросите сами вашу спутницу, а хочет ли она остаться?

— Нет, я пойду с вами! — Светка выкрикнула сразу и, встав со скамейки и совершенно не замечая своей наготы, грозно проговорила. — Только не нужно обсуждать дело или меня на незнакомом языке. Это неприлично и очень неприятно. И получатся, что в неведении остаюсь я одна. Даже они, — девушка кивнула в сторону хийси и накки, — понимают смысл сказанного на эмоциональном уровне, ведь нелюдей вавилонское смешение языков не коснулось.

— Прекрасно. — Лицо Инквизитора выражало удовлетворение. — Вы в паре представляете вполне слаженный и боеспособный тандем. Воин и ведьма.

— Иннокентий Константинович, принесли. — Негромко прервал Урманского Иван.

Двое хийси из obsługi аквапарка начали раскладывать на одной из скамеек мохнатые халаты серо-зеленого цвета. Внешне они казались сплетенными из какой-то плотной, но совершенно не колючей, травы. Рядом с каждым халатом положили широкий пояс накладными кармашками изготовленный из такого же материала и кожаные мокасины.

Первым в наряд облачился Иван. С помощью маленьких костяных крючков он пристегнул снизу полы халата, затянул на животе пояс и в завершение натянул на ноги длинные, почти до колен, мокасины. Привычным армейским движением расправил кладки по бокам и продемонстрировал принявший вид комбинезона наряд.

— Застежками можно отрегулировать степень свободы движения. — Пояснил секретарь и напялил на голову, извлеченную из кармана на поясе, панаму из такого же серо-зеленого материала.

На ощупь одежда казалась, как свежескошенная трава, но не расползалась, свободно выдерживая усилия на разрыв. Крючки, использующиеся в качестве застежек, крепко фиксировали запахнутый на бедрах подол, а пояс удобно удерживал полы на груди и животе.

— Ну, что? Присядем на дорожку. — Инквизитор присел на скамью. — Кстати, мелочь можете распахать по карманам, а оружие спрячьте в пластиковые пакеты — ружейная смазка имеет запах не характерный для тех мест, куда мы сейчас направимся.

— К чему такой маскарад? — Я подсел к Ивану, который распахивал по карманам снаряженные патронами обоймы.

— Дети природы, — он мотнул подбородком в сторону хийси и накки, которые даже не притронулись к разложенной одежде, — там чувствуют себя как дома и ни каких шмоток на себя без надобности ни когда не напялят. Запах человека может привлечь опасных хищников и не только. Я иду туда третий раз, но каждый вояж разительно отличается от предыдущего. Как будто попадаешь в различный природный пояс с характерной для него природой, а рельеф местности все время остается одним и тем же. Так что лишняя предосторожность не помешает.

Дело ясное, что ни чего не ясно. Я с сомнением оглядел свой арсенал, состоящий из пистолета-пулемета и пневматического «Бушмена», снаряженного иглами, пододвинул два метательных ножа Светке и, чуть колеблясь, положил мобильник в карман. Шокер — это

также оружие, а самоликвидатор при умелом использовании заменит гранату.

Тяжелые листья чуть качнулись, словно почувствовали приближение людей, но острые иглы, усеянные капельками то ли росы, то ли древесного сока, остались на безопасном расстоянии от нас. Почти сразу же слегка влажная тропинка вильнула в сторону и запетляла среди густой зелени. Иногда ветви, словно невзначай, приближались к нам, но в последний момент испуганно вздрагивали, не причиняя ни кому никакого вреда.

По логике, даже при таком бестолковом перемещении то вправо, то влево, мы должны были давно упереться в стену ангара, но ни чего похожего так и не увидели. Густые зеленые заросли не позволяли видеть дальше, чем на два-три шага, и только тропа пьяными зигзагами вела все дальше и дальше. Белые клочья тумана, словно живые, медленно пульсируя, собирались по бокам тропы. Из него выглядывали вооруженные влажными колючками ветви.

Запах. Влажный, удушливый запах тропического болота. Под ногами захлюпала вода. За спиной испугано ойкнула Светка, но я успел резко развернуться и подхватить ее.

— Скользко. — Пожаловалась девушка, придерживаясь за мою руку.

Иван, шедший впереди, повернулся и, недовольно цыкнув, прижал указательный палец к губам, призывая к тишине. Я согласно кивнул и, держа Светку за запястье, продолжил движение.

Еще шагов пятьдесят по вонючим лужам и туман исчез. Исчез вместе с колючим кустарником. Сквозь густую листву деревьев проглянуло солнце. Кожи коснулся легкий ветерок, неся знакомый аромат цветущей черемухи и до ушей донеслись звуки обычной лесной жизни. Где-то вверху зачирикала невидимая с земли лесная птица, скрипнули сухие ветви старой березы, почти на уровне восприятия зашелестела тронутая порывом ветра листва.

Шедший первым хийси остановился, дожидаясь всех остальных. К нему присоединились два его собрата.

Из-за спины послышался голос Урманского:

— Спасибо, ребятки, отдыхайте.

Почти сразу же их тела словно утратили твердость и, как мороженое возле горячей плиты, начали оплывать. Через пол минуты перевоплощение завершилось, и перед нами стояли три существа совершенно не похожие на тех здоровяков, что привели нас сюда. Словно свитые из корней дерева, узловатые приземистые фигуры бесстрастно пялились в нас едва уловимыми желтыми огоньками, затаившимися в черных трещинах глаз.

Выступившая на шаг вперед Фелиция, а может и не она — все наkki казались мне мало отличимые друг от друга, но любовница Инквизитора оказалась единственной из своих сородичей, которая ходила, не забрасывая свои длинные груди через плечи — шевельнула губами. Послышался звук, похожий на продолжительный вздох. Изменившиеся хийси сделали осторожный шаг назад и неожиданно пропали с глаз.

— Они станут сторожить проход, пока мы не вернемся. — Пояснила водяная дева, ни чуть не смущаясь своей наготы.

— Мы еще маячок здесь поставим. — Добавил Иван, вынимая из кармана пояса похожий на спичечный коробок приборчик. — Чтобы обратный выход не искать.

Секретарь Инквизитора еще стоял на утоптанной тропе, которая резко обрывалась перед его ногами. За спиной, образуя арку, сплетались ветви двух ив. Немного в стороне я заметил еще несколько таких живых конструкций, под которыми угадывались исчезающие в

тени тропки.

— Куда ведут другие дорожки, известно только создателю. — Пояснил Иван, заметив мой взгляд. — Может в рай, может в ад, а может и в чью-нибудь берлогу. Пока желающих проверить не нашлось.

Блестящий металлический штырь, выдвинутый из основания коробочки, легко вошел в землю.

— От присутствия чего-то:

То ли водки, то ль с тоски,

Выхожу я на работу,

Сунув ноги в сапоги.

Продекламировал Иван и, весело подмигнув, уже обычным голосом сообщил:

— Иннокентий Константинович, все, можно двигаться дальше.

Оружие из-за спины быстро переключалось в руки. Тут у меня неожиданно возникла идея. Не обращая внимания на недоуменные взгляды путников, я вытряхнул из упаковки горсть патронов и направился к зеленой арке, что стояла рядом с той, откуда мы вышли.

В края обрывающейся густой травой тропинки я вогнал по одному патрону. Затем перешел к следующей и совершил те же самые действия. На четвертой арке у меня возникло ощущение, что из-под темного до непроницаемости туннеля на меня кто-то смотрит. Легкий ветерок, лениво гоняющий воздух среди деревьев, чуть шевельнул листву, обрамляющую полукруглый вход. Ноздрей коснулся аромат цветущих лилий, и я, не раздумывая, вогнал несколько патронов в утопанную землю тропы, а затем, пятясь, отошел в сторону. Рукоять оружия плавно легла в ладонь, и готовый к стрельбе пистолет-пулемет нацелился в центр арки.

— Что там? — Шепот Ивана сопровождался едва слышным щелчком освобожденного предохранителя.

— Уводи всех из зоны видимости.

Он кивнул и почти бесшумным шагом ушел за спину.

Через несколько секунд ожидания, я позволил себе на мгновение посмотреть назад. Среди деревьев мелькнули серые силуэты членов нашей команды, а из ближайших кустов беззвучно выскользнула Фелиция и приблизилась ко мне. Ее изумрудные глаза мельком скользнули по моему лицу и устали за спину.

Чувство опасности заставило броситься на землю. Уже в падении, я успел развернуться в сторону арки и на рефлексх всадить короткую очередь в вытягивающийся из зеленого проема клуб белого тумана. Еще одна очередь пришлась по бурой фигуре, выступившей из густого молочного марева, но создалось впечатление, что пули без всякого сопротивления пронзили ее.

С боку промелькнуло вытянутое в прыжке тело водяной девы. Фелиция всем своим весом ударила в грудь существа и отбросила его обратно в туман.

— Бежим! — Выдохнула наkki в мою сторону и, не дожидаясь ответа, побежала от арок.

Я, не раздумывая, припустил следом, хотя мы направились совсем не в ту сторону, где скрылись наши попутчики.

Шагов через сто мы вломились в небольшой ельник, и Фелиция резко остановилась. Она развернулась, задев меня тяжелыми грудями, и посмотрела мне за спину.

— Фу-у, вроде бы оторвались. — Шевельнув губами, тихо произнесла она.

— А кто это был? — Задавая вопрос, я заметил на груди водяной девы множество красных точек, словно там прокатился взъерошенный еж.

— Кромешник, а точнее — анчутка.

— На медведя похож.

— Нет у него определенного облика, кого первого увидит, появившись в нашем мире, на того и старается походить. — Фелиция зло оскалилась. — Она, как проводник для более опасных созданий. Выследит жертву, затем приводит к ней того, кому она по зубам и в награду получает объедки. Но на этот раз пронесло — мы убежали раньше, чем эта тварь прицепилась к нам.

Рассуждения нелюди о нечисти показались интересными. Все-таки накки мне видятся не менее опасными, чем какие-нибудь другие сущности, что встречаются в нашем мире. Не скрывая, я стал рассматривать водяную деву, которая, словно дикий зверь, прислушивалась и принюхивалась к окружающему лесу. Почти идеальная женщина, за исключением груди и ступней. Хотя... у каждого свои вкусы и симпатии, у Инквизитора, к примеру.

Ощувив мой взгляд, Фелиция демонстративно потянулась всем телом, и на ее лице возникла хитрая ухмылка. Она встряхнула гривой распущенных черных волос и неожиданно замерла. Глаза водяной девы застыли, сконцентрировавшись где-то поверх моей головы, а нижняя челюсть некрасиво отвисла, обнажая два ряда острых зубов.

Какой-то вибрирующий странный звук, почти на грани восприятия, который ощущается даже не ушами, а нервами. Нечто подобное я слышал на Чукотке, когда местные жители играли своим национальным инструменте в виде тонкой костяной пластины. Ощущаемые вибрации явно ассоциировались с ним, а на спине почему-то словно наэлектризованной палочкой провели.

Звуки стихли. Фелиция встряхнулась, как это делают животные стряхивая со шкуры влагу, и посмотрела на меня.

— Нам надо идти. Сестры зовут. — Мне показалось, что водяная дева стала выговаривать слова с трудом.

Бег по лесным зарослям длился минут десять. Казалось бы, неприспособленные к колючей насыпи хвойных иголок босые миниатюрные ступни водяной девы без боязни отталкивались от похрустывающей под ними земли, да так быстро, что я едва успевал за мчащимся среди деревьев существом. Возле высоких, изъеденных временем серых скал, которые возникли перед нами, Фелиция остановилась и задрала голову к небу. Глухой вибрирующий звук вырвался из ее глотки, заставив испугано метнуться среди ветвей какую-то черную птицу, похожую на ворону. Отраженное скалами эхо ударило по ушам, вызывая слабость в груди.

Ощущение не из приятных, но знакомое. Такую же реакцию вызывают инфразвуковые колебания. Помнится, Дядя Арчил нередко рассказывал о подобных звуковых атаках некоторых потусторонних тварей и о способах противостояния им. Напрягать память не пришлось. Пальцы сами нашли искомую точку на кисти. Тупая боль пронзила предплечье, но тяжесть, поднимающаяся от груди к голове, исчезла. Небольшая мантра-заклинание обострила восприятие, позволяя блокировать негативное воздействие колебаний на нервные клетки. Когда Фелиция издала очередную серию звуков, я уже был к ним готов и мог спокойно контролировать обстановку.

Звук, похожий на жужжание шмеля мы услышали почти одновременно. Когда я дернулся в направлении источника звука, в глазах Фелиции мелькнуло удивление, но лицо

ее осталось хищно невозмутимым. Ничего не говоря, водяная дева двинулась вдоль скал. Мне оставалось следовать за ней.

За узкой расщелиной, извилистым коридором разделившей скальную грядку пополам, открывался вид на почти круглое озерко. Полоса рыжего песка обрамляла спокойную водяную гладь. На каменистом склоне лишенном какой-либо растительности я заметил присевшего на валун Инквизитора и его спутниц.

— Все нормально? — Иван бесшумно возник за спиной. — А то мы уже начали беспокоиться.

Тьфу ты, так и кондрашку проворонишь. Серый «костюмчик» секретаря идеально сливался с покрытыми пушистыми лишайниками камнями.

— Вовремя подошли. Время для ритуала наступает. — Иван кивнул в сторону озерца. — Затмение Черной Луны — самое лучшее время для нашего действа.

Посмотрев на неподвижную гладь, я мысленно ахнул. В воде отражались два небесных тела: собственно солнце и, рядом, похожий на негатив спутника нашей планеты черный круг. Бросил взгляд на небо, но ни каких небесных тел, кроме веселого желтого светила, я не увидел.

Удовлетворенный произведенным впечатлением, Иван засмеялся:

— Я и сам, когда все это видел первые, засомневался в своей дееспособности, но Черная Луна существует на самом деле, вот только увидеть ее, дано не каждому.

— Господа, может быть, вы все-таки присоединитесь к нам. — Послышался ироничный голос Урманского. — Сожалею, что отрываю вас от душевной беседы, но время не ждет.

Лицо Инквизитора выглядело умиротворенным. Рядом с ним уже стояла Фелиция и что-то нашептывала ему на ухо. Светка и другие водяные девы перешли на пляж и пилились на воду, пытаясь разглядеть что-то не видное от скал.

— Ваня, подежурь здесь. — Иннокентий Константинович мотнул головой в сторону небольшой насыпи булыжников возле кромки пляжа. — А вам, Сергей, я покажу нечто феноменальное.

Инквизитор шагнул на песок и приглашающее взмахнул рукой. Занявший позицию у камней Иван весело подмигнул и, отвернувшись к проходу в гряде, изготовился к стрельбе. Не понимая странного веселья инквизиторского секретаря, я зашел на песок.

Стало светлее, словно я из тени вышел на освещенный солнцем участок. Само озеро так же изменилось. Его форма стала напоминать то Накки-ярви, возле которого стояла база отдыха. Зависшие над головой ослепительно-желтый и темно-серый шары отражались на застывшей, словно ртуть водной глади. Ноздри защекотал йодистый запах моря.

Я оглянулся, но ни скальной гряды, ни насыпей камней выше полосы песка не увидел. Озеро с пляжем окружала непрозрачная туманная стена. Радостно взвизгнув, ко мне подскочила Светка и прижалась к груди.

— Я уже думала, что вы потерялись. — Пробормотала она и потерлась щекой об мою одежду.

Я чуть отстранил девушку от себя и заметил, что глаза у нее подозрительно блестят, будто она только что плакала. Светка с какой-то странной улыбкой неожиданно проговорила:

— Обещай, что ни когда меня не бросишь. Мне без тебя очень страшно и тоскливо. Хорошо?

Глядя в намокшие глаза, мне оставалось только согласно кивнуть и крепко прижать ее к

себе.

— Ну, как? Впечатляет? — Вынырнувший из полосы тумана, Урманский посмотрел на нас. — Сами понимаете, что, находясь в непосредственной близости у воды, мы подвергаемся большой опасности со стороны берега. Всего пять шагов свободного пространства, которое можно преодолеть одним прыжком, а в здешних местах хватает и хищников, и всякой нечисти. Поэтому, я попрошу вас, Сергей Иванович, занять позицию с той стороны кромки пляжа. Ивану, как бы он не был обучен, одному в случае опасности не совладать. К тому же не всякое оружие может справиться с чудовищами, что забредают в эти места. А вам, Светлана Геннадьевна, придется находиться на самой кромке, чтобы не допустить ни кого к тем символам, что я установлю на берегу.

Солнце зависло высоко над головой и чувствительно припекало. Затаившись возле небольшой груды камней, я порадовался, что на голове дурацкая панама. Именно таковой посчитал ее, когда в аквапарке мне ее вручили, а теперь она надежно прикрывала голову от палящих лучей. Чуть левее залег Иван, но я постарался сосредоточиться на своем секторе наблюдения, который тянулся от расщелины в гряде до берега озера справа. Иногда приходилось бросать взгляд на сам берег, где Урманский расставлял на пляже какие-то круглые предметы на тонких подставках, похожие на параболические антенны, а Светка помогала ему выравнивать их по линиям, проведенным по песку. Так длилось около получаса.

— Внимание. — Донесся шепот Ивана. — Будь настороже — начинается затмение.

Я машинально посмотрел в небо. Яркое-желтое солнце безмятежно висело на голубом небосводе, и лишь редкие облака пушились у горизонта, зато черный круг заметно сместился к пронзительному шару светила. Затем глянул через плечо назад.

От берега по воде тянулись две яркие полосы, как будто конструкции, установленные Инквизитором, сами излучали свет, словно небольшие прожектора. Вдоль образовавшихся ярких полос стремительными акулами курсировали накки, а одна из них стояла у кромки воды и напряженно вглядывалась в сторону противоположного берега. За ее спиной присела на корточки Светка и в сосредоточенной позе наблюдала за краем пляжа. Сам Урманский, полностью обнаженный, стоял возле воды в коридоре между световыми полосами.

Неожиданно стало темнеть. Солнце, как мне показалось, начало покрываться серой завесой. И если здесь, у камней, стало чуть холоднее и темнее, то над самым озером наступили настоящие сумерки, которые яркими полосами рассекали два луча, тянущихся от установленных на песке параболических конструкций. Затем Урманский медленно вошел в воду и скрылся в озере с головой.

— За сектором смотри! — донесся злой голос Ивана. — Сейчас самое то начнется.

Стало значительно темнее. Половину солнца накрыла черная тень. Вечерний полумрак опустился над склоном, ведущим к озеру, а над самым озером уже стояла непроглядная ночь, пробитая двумя яркими лучами, бегущими по поверхности воды. Бурные волны бились об эти полосы света, как по незыблемой преграде.

— Стреляй! Стреляй же, мать твою! — Резкий крик Ивана заглушили удары одиночных выстрелов.

Несколько небольших россыпей камней у основания гряды зашевелились и рассыпались в стороны. Почти одновременно из земли поднялись десятки белых человекообразных фигур. Делая неуверенные шажки, покачиваясь, вытягивая вперед верхние конечности, они двинулись в нашу сторону. То, что можно было бы назвать лицом, искажалось неприятными

гримасами. Приторный аромат лилий дохнул порывом легкого ветра. Не задумываясь, я ударил короткой очередью в голову ближайшего существа. Как гнилой арбуз, она развалилась на двое. Очередь по следующему оказалась не столь точной, но одна пуля разворотила плечо, да так, что его конечность повисла на коже. Теперь очередной. Еще один. Еще. Существа падали, затем поднимались, теряли части своих тел, но все равно медленно и неумолимо приближались.

Пистолет-пулемет замолк. Чертыхнувшись, я отстегнул пустой магазин и нащупал следующий, понимая, что не успеваю, что эти пробитые во многих местах белые твари сомнут нас.

Пороховая гарь забила лилейный аромат. Край глаза уловил движение рядом. Женщина в салатно-зеленом закрытом платье восточного покроя и, накинутом на голову, платке-хиджабе плавно выступила вперед, перекрывая линию огня. Ствол «эмпэшки» непроизвольно устоялся в землю. Подземные существа также замерли, поворачиваясь к подходящей к ним женщине.

Она не спеша обходила каждую белесую тварь. Ее пальцы касались груди существ, и они рассыпались в горстки сухой пыли. Ни кто даже не пытался избежать смертельного прикосновения. Создавалось впечатление, что твари сами поворачивались к женщине, чтобы ей было удобней рассеивать их в прах.

Хватило нескольких минут. Пространство перед нами от вылезших из-под земли существ очистилось, а женщина, взмахнув краями хиджаба, скрылась в полумраке.

— Святая дева. — Забормотал сбоку Иван. — Вернусь живым, свечку богородице поставлю и молитву закажу.

Движение возле прохода сквозь гряду, заставило его замолчать. Из тьмы, которая заполнила расщелину, донесся тонкий свист, похожий на шипение. В различимый полумрак открытого пространства медленно выползла большая ящерица, похожая на откормленного гигантского варана. Медленно переставляя короткие лапы, она волокла толстое тело через разбросанные камни и периодически задирала голову вверх, словно принюхивалась, и в воздухе слышался очередной звук, похожий на свист кипящего чайника.

— Ё-моё! Приплыли. — Расстроено протянул Иван и лихорадочно зашарил по карманам. — Василиск, его в хоромы мать!

Голова зверя качнулась в нашу сторону. Заскрежетали по камням когти, разворачивая неуклюжее на вид тело в сторону озера.

— Дуй к Константинычу и у него в сумке возьми зеркало. — Прошептал Иван, прилаживая на лицо конструкцию, похожую на прибор ночного видения. — Только не смотри этой твари в глаза.

Медленно, стараясь издавать как можно меньше шума, я отступил к границе пляжа. Занося ногу на плотный песок, я слышал злые короткие очереди пистолета-пулемета за спиной.

По озеру гуляли волны, но воздух оставался неподвижным. Там, где от похожих на маленькие параболические антенны конструкций по поверхности воды пролегал светлая полоса, волн не ощущалось. Две наки словно акулы продолжали курсировать вдоль неширокой полосы неподвижной воды, где качалось тело Инквизитора. Фелиция неподвижной статуей стояла у кромки воды и бубнила какие-то непонятные слова. У самих конструкций суежилась Светка, сжимая в руке нож.

Открытая сумка валялась возле одной из антенн, но стоило мне сделать шаг в ее

сторону, как девушка неприятно ощерилась и повернулась в мою сторону.

— Свет, мне нужно зеркало. Срочно.

Услышав мой голос, Светка расслабилась и кивнула в сторону сумки:

— Там есть еще одно.

Круглое вогнутое зеркало крепилось к треноге из алюминиевых трубок, которые зацепились за подкладку сумки. С неожиданной для себя силой я рванул за круглый корпус, и тренога с треском отвалилась.

Прижимая зеркало к груди я шагнул в стену из тумана и почти столкнулся с Иваном, который, не прекращая стрелять, медленно отходил к озеру. До василиска оставалось несколько метров, и, как мне показалось, ни одна пуля, пущенная в упор, вреда неуклюжей ящерице не принесла. Кусочки металла, выпущенные со скоростью выше трехсот метров в секунду, отскакивали от толстой чешуи монстра.

— Покажи ему себя самого! — Выкрикнул Иван, отбрасывая пустой магазин. — Зеркало направо!

Мое появление отвлекло василиска, и он начал медленно поворачивать голову.

— Не смотри на него! Не смотри!

Повинуясь истощенному воплю секретаря Инквизитора, я закрыл лицо зеркалом. До слуха донесся скрежет и в наступившей тишине прозвучал уже спокойный голос Ивана:

— Все, можешь опустить.

Я выглянул из-за зеркала и увидел покрытый шипами змеиный хвост, который застыл в метре от моей головы. Взгляд заскользил дальше, и я смог разглядеть окаменевшего монстра во всей его красе. Тело высотой с крупного кабана упиралось животом в землю, вздернутая узкая голова венчалась белым костяным гребнем, а из приоткрытой крокодильей пасти янтарными гроздьями свисала застывшая ядовитая слюна.

— Потом полюбуйся. — Иван подтолкнул меня в бок. — Пора опять позиции занимать. Кстати, у тебя патронов много осталось? А то у меня всего пол магазина и светозвуковая граната.

Я молча подал ему пачку патронов и, оставив зеркало у окаменевшего василиска, бухнулся на свое место. Накатили усталость и безразличие.

— Эй! — Иван подтолкнул меня в плечо. — Ты чего? — В голосе секретаря Инквизитора зазвучала тревога. — Ну-ка, хлебни.

Плоская металлическая фляга возникла перед глазами.

— Да пей же, тебе говорят.

В нос ударил аромат хорошо выдержанного коньяка. Несколько больших глотков ударили теплом по глотке и желудку. В голове сразу же прояснилось.

— Ну, что? Лучше?

— Зашибись. — Я приподнялся из импровизированного окопчика и протянул флягу Ивану.

— Повезло тебе. — Иван приложился к фляге. — Успел василиск тебя взглядом зацепить. Еще чуть-чуть и стал бы ты каменной статуей. — Добавил он с ударением на букву «у». — Единственное лекарство, это — настойка излюдина на коньяке. В принципе, универсальное лекарство от болезней души и тела. Особенно от тех, которые возникают из-за вмешательства потусторонних сил. Страшный дефицит.

Что ж, обилие «дефицитов» в ведомстве Инквизитора и в самом деле впечатляло.словно фокусник из рукава оно предъявляло то один, то другой раритет, о которых и

слышали-то немногие. Интересно, а чем и как придется платить за такие знания?

— Ну, слава богу, скоро все закончится. — Иван, прищурившись, посмотрел в небо.

Яркий край солнечного диска выглянул из-за черного круга. На берегу озера стало заметно светлее.

Я повернул голову в сторону пляжа, где действо, организованное Урманским, подходило к завершению. Инквизитор медленно выходил из озера, поддерживаемый Фелицией, рядом с ними по пояс в воде сидели нарки и напряженно вглядывались в покрытую мелкой рябью поверхность. На самом пляже торопливо суежилась Светка, собирая зеркала. Идиотское, на первый взгляд, шоу заканчивалось.

— Не отвлекайся. — Стеганул раздраженный голос Ивана. — Рано расслабляться.

Становилось значительно светлее. Туман, заполнявший проход в гряде, рассеивался на глазах, но пронзительная тишина давила на нервы.

Солнце очистилось больше, чем на половину, когда послышались легкие шаги. Точнее, не шаги, а шорохи, которые издает босая нога, вступив на разбросанный гравий. Рядом зашевелился Иван, высываясь из-за камня. Его взгляд напряженно устоялся чуть левее прохода, темной щелью рассекавшей гранитный монолит. Лицо секретаря Инквизитора само стало напоминать по цвету камни, разбросанные по пологому склону. Проследив его взгляд, я заметил, что некоторые мелкие осколки камней вминались в землю, будто на них наступал некто тяжелый и невидимый.

— Иглами! — Шепот Ивана неожиданно отозвался эхом, отраженным от скал.

Выхваченный «Бушмен» выплюнул несколько отсечных коротких очередей по три патрона. Ответом стало, похожее на кашель, рычание. Словно ниоткуда перед нами возник здоровенный черный котяра, ростом с собаку. Янтарно-желтые глаза, пересеченные красной щелью зрачка, с яростью уставились на нас.

Как-то отстраненно я сравнил материализовавшегося в нескольких шагах зверя с теми, что иногда встречал во время вояжей по поручению институтского отдела. О подобных я только слышал, когда «работал» в Центральной Америке. Черный ягуар — неуловимый оборотень из Гватемальской сельвы.

Гамма-иглы бесшумно входили в лоснящееся тело большой кошки, пронзая ее шкуру в районе груди. Черное тело резко взметнулось вверх и резко обмякло, плюхнувшись в считанных сантиметрах от нас. Вооруженные острыми когтями лапы ударили по камню, который и отделял меня от упавшего зверя. По его телу пробежала заметная дрожь, и кошка неподвижно застыла.

Сколько игл я выпустил в этого зверя? Штук двадцать, не меньше, и ни одна не прошла мимо цели. Я невольно поежился — еще пара таких кошек и боеприпасов останется гулькин нос, а ведь гамма-иглы считались одними из самых смертоносных средств поражения.

— Прикрой меня. — Иван выскользнул из-за своего укрытия и держа наизготовку оружие подошел к распластавшемуся на земле животному. У меня похолодело внутри — если память не подводила, черные ягуары ни когда не охотятся в одиночку, но не успел я окликнуть инквизиторского секретаря, как он приставил ствол к голове кошки и нажал спусковой крючок. — Вот и все. Кранты котенку — гадить не будет.

Словно в ответ в воздухе пронеслось мяуканье нескольких десятков кошек.

— Кайт ши. — С каким-то удовлетворением произнес Иван, прислушиваясь к затухающим кошачьим воплям. Затем он поднял в воздух кулак и прокричал. — И до тебя

ублюдок доберемся! Очень скоро!

Большое кошачье тело развалилось на несколько десятков более мелких. Было странно видеть, как из целостной туши начали отпочковываться изувеченные тельца обычных кошек. Одна из них была еще жива. Яростно скребя передними лапами, она пыталась отползти в сторону, но точный удар приклада вмял ее в твердый грунт.

— Результат слишком мерзкого ритуала. — Пояснил Иван, проверяя грудь из мертвых кошек. — Нужно течение четырех суток поджаривать заживо кошек во время тагейрма, произнося заклинания, и получается вот такое создание, способное выполнить любое желание своего мучителя. Кто ж на такое сподобился?

Вонь горелого мяса и шерсти резко шибанул по ноздрям. Иван, недовольно морщась, отошел от груды начавших обугливаться трупиков и посмотрел по сторонам:

— Надо менять позицию. Сейчас здесь будет не продохнуть, да и падальщиков всяких в этих местах хватает.

— А... — Я показал в сторону озера.

— Они очень скоро присоединятся к нам. — Иван посмотрел на почти полностью открывшееся солнце. — Минуты через две. Но нужно это время продержаться.

Горелая вонь, казалось, пропитала воздух по всему берегу. Полное безветрие и припекающее солнце способствовали тому, что кроме этих «ароматов» нос не ощущал ни каких запахов.

— Нет на нашу голову экологов. — Появившийся за спинами Урманский демонстративно сморщил нос и окинул внимательным взглядом поле боя. — Вижу, вы славно порезвились.

Инквизитор не спеша обошел место боя. Остановившись возле окаменевшего василиска, он царапнул ножом по серой чешуе и попытался ее скovyрнуть. Лезвие сухо щелкнуло и обломилось у основания.

— Ладно, — с сожалением произнес глава ордена, — надо возвращаться домой. Жаль только, что не взять с собою образца ткани. В институте бы от радости визжали, увидев такое.

И этот туда же. С одной стороны, мне нравились люди окрыленные мечтами и проектами, но лишь до той поры, пока их интересы не становились навязчивой идеей, к исполнению которой они начинали идти, переступая через судьбы окружающих.

Подошла Светка и прижалась к моему плечу. Прошелестели шаги нарки, подошедших к Инквизитору. Обнаженные тела водяных дев покрывала вязь рун, которые медленно исчезали под горячими лучами солнца. Тяжело бухнула на камни сумку Фелиция.

— Нам нужно уходить. Очень скоро здесь нельзя будет находиться. — Хрипло произнесла фаворитка Инквизитора. — После затмения черной луны к озеру вернутся его истинные хозяева, и они позовут нас к себе.

— Тогда — вперед! — Урманский легко подхватил сумку и кивнул Ивану: — Порядок движения прежний.

До полянки с зелеными арками проходов мы добрались быстро. Инквизитор уже не выглядел измученным усталостью и болезнями человеком, каким он показался мне на базе отдыха. Казалось, что его разрывает от бьющей изнутри энергии. Легким пружинящим шагом он продвигался за спиной Ивана, ни чуть не уступая своему молодому и тренированному коллеге.

Вспомнились слова Ленарта про живую воду. Съехавший с катушек спецназовец в ряде

моментов ошибался, но суть уяснил точно — источник для лечения от всех болезней и восстановления организма существует. Интересно, сколько еще людей знают о его существовании? Такие знания не могут стать публичными, а самый лучший способ их ограничить, это сократить число приобщенных до минимума. На какой-то миг я представил себя в роли агнеца, ведомого на заклание. Такая мысль о-очень мне не понравилась. А ведь есть еще и Светка, которая узнала слишком много, и ее жизнь стала связана с тайной ордена Инквизиции. Или только одного Инквизитора? Обаятельный и мудрый Урманский, бесшабашно веселый двойной агент Иван, девицы-накки, угрюмые и непонятные хийси, наверняка и оставленный из-за травмы помощник Инквизитора. Возможно, руководство института, и еще кто-то, о ком мне неизвестно, таинственные попечители, к примеру. Уравнение со многими неизвестными, количества которых мне не ведомо. Когда и от кого ждать подвоха, способного вывести нас из числа живых лиц осведомленных о тайне? Но пока нужно вернуться домой, в Питер или хотя бы на базу отдыха. Дай бог вернуться.

Ориентируясь на ручной пеленгатор, Иван первым вышел на полянку. Следом в легком полушаге-полубеге выметнулись, охранявшие нас с флангов накки. Редкие деревья позволяли рассмотреть полянку даже мне, шедшему самым последним.

Ощущение опасности бросило тело вперед, сбивая идущую передо мной Светку. Как в замедленной съемке, я увидел поворачивающееся ко мне удивленное лицо Урманского и вскинувшую руки Фелицию. Перед Иваном взметнулся клуб черного дыма, и, опережая грохот взрыва, по деревьям хлестнул град осколков. Раздавшаяся следом автоматная очередь отбросила одну из накки, вышедших на открытое пространство, под низкорослый кустарник. В наступившей тишине разнесся утробный вой Ивана. Секретарь Инквизитора, скорчившись и держа руки на животе, катался по траве. Сухой щелчок выстрела, и вой оборвался.

Наступила тишина. Прозрачный воздух не нарушал ни один звук, разве что обострившийся слух мог уловить легкий шелест падающих листьев, сбитых осколками.

Заелозила придавленная моим весом Светка. Я осторожно сполз с нее на землю и предупреждающе поднес палец к губам. Та, не сводя с меня испуганного взгляда, послушно кивнула и замерла, неуклюже распластавшись на траве. В трех шагах впереди неподвижно лежали Урманский и Фелиция, но по их позам понятно, что они живые. Во всяком случае, убитые так не лежат, да и сомнительно, что для нежити, вроде накки, осколки противопехотной мины могут стать фатальными.

Кто бы там ни был, но засаду они провели грамотно. Именно в том месте, где мы должны были потерять настороженность, которое оказалось открытым, установили мину направленного действия с разлетом осколков на пятьдесят метров, заняли позицию для стрельбы и замаскировались. Место предполагало наличие не более трех человек — большому количеству не спрятаться, а в принципе, достаточно и одного. И все бы пошло по их плану, если б не хийси, оставленные Урманским. Развоплотись лесного духа можно можно несколькими способами, но самый простой, это — огонь. Именно чуть заметный запах гари и дал сигнал об опасности. Совершенно неестественный для нетронутой человеком природы щекочущий ноздри запах свежих углей еще выделявший угар. В городе или в любом месте, где обитают люди, ни когда б не обратил внимания на добавки отравляющие атмосферу, но не здесь.

Я медленно подтянул пистолет-пулемет, опрометчиво поставленный на предохранитель, и перевел его в боевое состояние. Засаду ставили люди, нечисть или нежить ни когда бы не стали применять мины и автоматы для нападения, а это давало шанс. Каким

бы умением и опытом не обладали невидимые противники, но они уже совершили первую ошибку, не дождавшись выхода всех на полянку. Теперь следовало ожидать выхода стрелков, которые наверняка станут проверять, кто же выжил из нас, чтобы добить или пленить. Хотя, на счет захвата живыми, я погорячился — здесь не война, а значит, свидетелей оставлять не будут.

Среди густо сплетенных зеленых арок мелькнул силуэт в камуфляже. Тотчас в нашу сторону ударила короткая очередь. Не на поражение, а так, чтобы не дать поднять голову. Еще одна очередь, подлиннее. Прижиматься к земле я не стал — для стрелка мы не видимы из-за низкого, но густого подлеска, зато увидел, как из полукружья арки выскочил еще один человек и скрылся с другого края поляны.

Как минимум — трое. Один сидит в арке и прикрывает огнем подельников, а двое остальных сейчас зайдут с флангов или сзади и добьют выживших. Для меня расклад не фатальный — иной раз приходилось выкручиваться и из более тяжелых ситуаций, но двумя гирями связывали руки Светка и Урманский. Хорошо, что потешные костюмчики, врученные в аквапарке перед выходом сюда, органически сочетались с окружающей местностью.

Шепнув Светке, чтобы она не шевелилась, я отполз на несколько шагов назад. Огляделся, и затаился возле поросшей черникой кочки. Что ж, поиграем в прятки.

Так как ситуация подразумевала не одного врага, к тому же вооруженного, «эмпэшку» пришлось положить рядом. Бесшумная пневматика «Бушмена» казалась предпочтительнее. Пусть даже на них надеты бронежилеты, но игла найдет незащищенное место: лицо, рука, нога.

Долго ожидать не пришлось. Может, настороженно держащий перед собою оружие человек и считался где-нибудь лихим и опытным воякой, но ходить по лесу он абсолютно не умел. Шорохи шагов я слышал раньше, чем увидел первого из них. Едва среди деревьев выступила первая фигура, как под надвинутый по самые брови камуфлированный берет с легким шелестом вонзились три иглы. Разработка Дяди Арчила не подвела. Жизни неосторожному громиле не хватило даже на пол вдоха.

Не обращая внимания на падающее в траву тело, я развернулся в другую сторону и в прыжке вогнал новую партию гамма-игл прямо в раскрытый в безмолвном вопле рот Ленарта. Бывший коллега меня чуть не подловил, подставив под удар своего напарника. Его палец лежал на спусковом крючке, и лишь отчаянный прыжок не дал совместить траекторию полета пули с моим телом.

Возня в лесу не осталась не замеченной из арки. Очередь, патронов на двадцать, ударила по деревьям, сбивая ветки и кору, но я уже отполз далеко в сторону. Что ж, пришло время расставить точки над «ё» и познакомиться с оставшимся засадником.

Подобраться к арке незаметно получилось легко. Вот только увидеть стрелка ни как не удавалось. Скрытый густыми ветвями переплетенных кустов, он не торопился подставляться под прицел. Пытаясь подобраться сзади, я заметил одну особенность — если смотреть на арку с обратной стороны, перед глазами возникали редкие заросли кустарника, но не полукруглый проход, оплетенный ветвями. Пущенная почти в упор очередь взбила землю на поляне чуть дальше точки прицеливания. Примерно такой же эффект возникает при стрельбе в горах на вертикалях.

Легкий аромат цветущих лилий заставил рефлекторно упасть и откатиться под ближайшую кочку. Все-таки, этот дурманящий запах в последнее время стал

ассоциироваться с громким сигналом об опасности. Не подвел он и на этот раз. Похожий на удар бича, резкий звук совпал с взметнувшимся в небо столбом дыма. Ударная волна хлестнула по кустам, превращая осколки расщепленного дерева в поражающие элементы, способные пробить насквозь мягкое живое тело.

Я осторожно выглянул из-за спасительной кочки. Арка пропала, лишь искореженные взрывом остатки кустов быстро чернели на глазах и осыпались иссохшей трухой, а в середине курилась кислым дымом небольшая воронка. Даже на вскидку силу взрыва можно оценить как минимум на четыреста грамм тринитротолуола, то есть на две большие толовые шашки. Да, комитет по нашей встрече подобрал хороший арсенал, а главное, что все наше — армейское, к тому же, старых образцов.

Убедившись, что из-за дымящейся воронки выстрела в спину не получу, я подошел лежащему на поляне Ивану. К моему удивлению, секретарь Инквизитора еще дышал. Хотя, сильные судорожные вздохи, сотрясающие его израненное тело, дыханием можно назвать с большой натяжкой. Два сквозных ранения в живот, рваная рана на плече и содранная, висящая лохмотьями, кожа на правой щеке не давали шанса усомниться в том, что часы этого человека сочтены. Еще больше досталось девице-накки, которая приняла на себя основной заряд направленного взрыва. Ее почти разорвало пополам. Зато другая водяная дева, подстреленная из автомата, уже ковыляла в мою сторону. Пулевые отверстия на ее груди затянулись темно-бурой пленкой, и лишь простреленная нога заставляла вихлять при ходьбе.

— Сергей, что с ним? — Инквизитор неслышно подошел со спины, красное пятно расплывалось у него на боку, но похоже, что ранение не причиняло ему боли. — Он жив?

Я молча кивнул и, оторвав кусок ткани от одежды Ивана, попытался остановить кровь и наложить повязку. Пока жив, но сколько этой жизни осталось? Кровопотеря, болевой шок и непонятно, какие повреждения внутренних органов, и, судя по запаху, скорее всего, есть повреждения кишечника. Если не умрет от шока или потери крови, значит, в течение десяти-двенадцати часов перитонит возьмет свое...

Урманский оттеснил меня от тела своего секретаря и простер руки над ним. Лицо Инквизитора напряженно перекосилось, на лбу выступили капельки пота. По коже на животе Ивана пробежала судорога, поверх ран выступила неприятная на вид слизь, которая застыла, закрывая окровавленные дыры.

— Пока — все. — Выдохнул Инквизитор и расслабленно опустил руки. — У нас есть несколько часов, чтобы отсрочить смерть. — Он повернул голову к подошедшей Светке, на лице которой застыло выражение ужаса. — Светлана Геннадьевна, побудьте с ним рядом. Главное — не дайте ему прийти себя. Надеюсь, вы в состоянии удержать сонные чары?

Словно сомнамбула, девушка присела рядом и, не отрывая широко раскрытых глаз от израненного человека, приложила ладони к его вискам.

— Вот и хорошо. — Урманский встал и повернулся в мою сторону. — Сергей Иванович, посмотрим, что натворили эти башибузуки.

Те, кого Инквизитор назвал старинным словом, обозначающим горских разбойников, натворили достаточно много. Арки перехода, как таковой, не стало. Взрывной волной разметало сплетенное полукружье кустов на несколько метров во все стороны. Чернеющая обожженной землей воронка источала кисловатый запах сгоревшей взрывчатки.

Урманский несколько раз прошел по месту, которое недавно являлось проходом в Накки-ярви, новсе его попытки нащупать путь домой оказались тщетными.

— М-да, проход с этой стороны запечатан намертво. — Вынес он свой вердикт после непродолжительного топтания вокруг воронки. — Эта ниточка оборвана надежно. Придется искать другой путь. Вот только, — Инквизитор кинул взгляд на склонившуюся над раненым Иваном Светку, — времени у нас мало.

Пока Урманский под неусыпной охраной Фелиции обходил поляну в поисках выхода в Накки-ярви, я притаил тела убитых врагов. Тщательный обыск ожидаемых результатов не принес. Оружие, сигареты, индивидуальные аптечки, обереги и миниатюрные радиостанции являлись обычным набором для участника любой стандартной акции и ни что не наводило на выявление принадлежности напавших на нас.

Рассортировав трофеи на земле, я окликнул продолжавшего нарезать круги по поляне Урманского. Инквизитор скептически оглядел разложенное по кучкам имущество, но затем его взгляд окаменел.

— Толик. — Он брезгливо толкнул ногой тело первого убитого. — Он был у меня резервным водителем. Интересно, как он связался вот с этим. — Урманский нервно дернул подбородком в сторону Ленарта. — Теперь кое что становится ясным. Интересно, а кто был третьим?

— Третьим был человек, который считался старшим. — Озвучил я свои выводы. — Это очевидно, что в проходе сидел непосредственный руководитель акции, а организовал ее кто-то из вашего окружения, Иннокентий Константинович, или некто, имеющий доступ к вашим делам и людям.

— Да уж... — То ли согласился, то ли засомневался Инквизитор, но разъяснять свое мнение не стал.

Поиски выхода заняли около часа. Накачанный промедолом из трофейных аптечек Иван лежал без сознания под опекой Светки, которая все еще не могла отойти от навалившейся беды. Я пытался контролировать все подходы к поляне — на запах крови и людей мог пожаловать кто угодно, от местных хищников до какой-нибудь нечисти, в существовании которой я окончательно убедился на берегу озера. Приходилось так же поглядывать в сторону Урманского и Фелиции, которые копошились то у одной, то у другой, арки. Кого изрыгнет на этот раз проход в неизвестный мир? Мне и так хватило неуязвимой анчутки, от которой пришлось бежать с водяной девой наперегонки.

Раненая накки выполняла функции разведчика, ныряя поочередно в указанные Инквизитором зеленые полукружья из ветвей. Каждый раз, когда она появлялась в арке, Иннокентий Константинович взмахивал рукою за ее спиной, будто посыпал чем-то невидимым ее следы. На шестой или седьмой раз, он этого делать не стал и негромко окликнул нас:

— Пожалуй, рискнем пройти через этот проход.

Легкий озноб пробежал по позвоночнику — глубине арки виднелось мутное облако тумана. Да и запах еще тот, словно на помойке в жаркий день.

Припадая на раненую ногу, вихляя ягодицами, первой шагнула под полукружье ветвей накки. Она погрузилась в туманное облако по пояс, и следующим, настороженной походкой двинулся Инквизитор. Я кивнул Светке, которая испуганно затопталась перед аркой, пропуская перед собой Фелицию, прижавшую к груди, словно ребенка, Ивана, и подтолкнул девушку вперед.

Вонючий туман рассеялся через несколько шагов. Передо мной замаячила спина Светки, из-за ее плеча виднелась тяжело ступающая Фелиция, осторожно несущая

бессознательное тело инквизиторского секретаря. Светящаяся плесень лежала на стенах тоннеля, в котором мы оказались, но она почти не давала света, позволяя с трудом разглядеть путь на несколько шагов вперед.

— Не терять друг друга из вида. — Донесся спереди глухой голос Инквизитора. — И не вздумайте касаться стен.

Предупреждение пришлось кстати. Светка испуганно отдернула руку от светящегося пятна над головой и завертела головой по сторонам. Я, встретившись с ней взглядом, постарался улыбнуться как можно беззаботнее и поощряюще поднял большой палец вверх.

Блуждание по подземному лабиринту, а извилистый, как кишка, коридор с темными отворотами, в которых светились желтые и зеленые огоньки, похожие на чьи-то голодные глаза, можно назвать только так, продолжалось около двух часов. Время, казалось, застыло, придавленное слоями грунта, висевшего над головой, но выработанное годами тренировок состояние хронометрии отсчитывало минуты, часы.

Стены раздвинулись вширь, светящиеся пятна на стенах и потолке исчезли, откуда-то сверху потянуло холодным сквозняком. Мягкая размоченная глина под ногами сменилась холодным мокрым песком.

— Вроде б пришли. Кто-нибудь может зажечь огонь? — Раздался над ухом голос Инквизитора.

Огонек зажигалки отодвинул темноту на пару метров, осветив мокрые ржавые трубы над головой. Светка, Урманский, Фелиция с Иваном на руках и девица-накки, имени которой я так и не узнал, столпились рядом.

— Подвал какой-то. — Светка сделала шаг в мою сторону и зябко дернула плечами. — Интересно, куда же мы забрели?

Порыв ледящего воздуха загасил трепещущий огонек. Я несколько раз щелкнул зажигалкой, но, выкинув россыпи искр, она не загорелась. Белесые, чуть светящиеся пятна возникли перед глазами. Несколько раз моргнув, я убедился, что пятна не рассеялись, а, наоборот, их количество увеличилось, и они начали составлять размытый человеческий силуэт.

— Тихо. — Шепотом произнес Инквизитор. — Слышите?

Где-то впереди, почти на грани восприятия, слышалась музыка.

— Идем туда. — В голосе Урманского послышалось облегчение.

По мере продвижения по подвалу звуки усиливались. Гитарные аккорды звучали все четче и четче.

Выбросив забарахлившую зажигалку на пол, я зашарил по карманам, в надежде найти ей достойную замену. Пальцы нащупали корпус мобильного телефона. Врученный Пауком аппарат имел встроенный фонарик, но какое-то шестое чувство нашептывало: не включай.

Неожиданно наступила тишина. Музыка затихла. Урманский шепотом выругался, но затем совершенно спокойно произнес:

— Призрак. Слева от нас.

Колеблющийся силуэт, сотканный из слегка светящегося белого тумана, неподвижно завис в нескольких шагах от нас. Светка испуганно приткнулась мне в бок, и я ободряюще прижал ее за плечо. Не всегда привидения могли нести в себе опасность для жизни человека. Обычно они питались энергетикой, излучаемой любым живым организмом, и только те, у кого имелись, так называемые, «пробои» в ауре, могли потерять жизненную энергию при контакте с этими представителями тонкого мира. Тень неуспокоенной души, как любил

говорить Дядя Арчил, всегда привязана к определенному месту и несет в себе определенную функцию. Опасность могут представлять только заклятые фантомы, поставленные для охраны какого-то места или имеющие печать проклятия.

Опять зазвучали струны гитары. Бравурная мелодия всколыхнула белый силуэт, и он рассеялся множеством маленьких пятен, которые закружились хороводом под трубами. В такт движению донеслись слова песни.

Несется небом Дикая Охота,
Рычат в азарте Гончие Судьбы.
И этой ночью гонят не кого-то.
Я — дичь, а позади мои следы.

Я — дичь, но не слаба и бессловесна,
Я от погони убегу в рассвет.
Я, хохоча, разбрасываю песни
И огрызаюсь в темный силуэт.

Роняет пену дикая погоня,
Но я ее сумею избежать.
Свою удачу удержу сегодня,
Хотя порой приходится бежать.

Прорвусь к рассвету алому как кровь
И отдохну, пусть разные заботы
Придут потом, но этой ночью вновь
Придется мне участвовать в охоте.

И вновь помчится Дикая Охота —
Часы, минуты будут нележки.
Всего лишь ночь осталась до субботы,
А там, глядишь, и отмолю грехи.

— А ведь завтра — суббота. — С какой-то странной интонацией произнес Урманский.

— Это — всего лишь песня. — Неожиданно возразила Светка. — Всего лишь песня которую поет человек. И этот человек рядом.

Светлые пятна, на которые рассыпался призрак, поблекли и пропали в темноте. Донеслись чьи-то голоса, затем звук хлопнувшей двери. Опять послышалось бречание гитары, словно кто-то не умеющий играть, попытался выдать мелодию, совершенно не представляя, как берутся аккорды.

Наплевав на все предчувствия, я включил фонарик мобильного. Узкий луч света раздвинул темноту на десяток шагов и уперся в блестящую от влаги кирпичную лестницу.

Ступеньки заканчивались перед хлипкой на вид дверью, за которой кто-то продолжал терзать несчастную гитару. В том, что за стеной находился один человек, сомнений не возникло — такой гнусной какофонии не смог бы выдержать ни какой слушатель.

Осмотр двери много времени не занял. Судя по петлям, она открывалась в нашу сторону, и чтобы ее вышибить пришлось бы затратить слишком много силы, без гарантии, что косяк не сместится и заклинит всю конструкцию.

Осторожно отодвинув водяную дева, которая уже собралась таранить дверной проем, я еще раз осмотрел дверь в поисках замка. К счастью, использовался обычный мебельный запор, а с ним справиться представлялось намного легче, чем с щеколдой или висячим замком с другой стороны.

Легкий удар ножа в щель между косяком и дверью снес потешный замочек почти без шума. Распахнувшаяся дверь слегка скрипнула, но мужчина, увлеченно терзающий гитару, даже не повернулся.

Комнатка три на три с минимумом удобств — помятый диван, стол, продавленное мягкое кресло и замызганная тумбочка, наверняка пережившая полувековой юбилей, и увенчанная древним телевизором, к предметам роскоши относились с большой натяжкой. Из помещения вверх вела короткая деревянная лестница, упиравшаяся в массивную железную дверь. Под некрашеным бетонным потолком тускло светила лампочка, засиженная не одним поколением мух.

Похмельного вида мужик в серой застиранной спецовке все-таки уловил движение за спиной и, положив гитару на диван, медленно повернулся. Его взгляд скользнул по мне и остекленел, при виде вошедшей следом нарки. Обнаженная водяная дева с перекинутыми через плечи грудями, прихрамывая, шагнула к мужику и оскалилась плотоядной улыбкой. Мужик громко икнул и безвольно откинулся на спинку кресла.

Маленькая комната заполнилась гостями. Уложенный на диван инквизиторский секретарь еще дышал, но по бледному лицу Ивана стало понятно, что его жизнь отсчитывала последние часы. Светка тихим голосом читала над ним то ли молитву, то ли заклинание, но слов я разобрать не смог.

— Хватит. — Инквизитор отстранил девушку от Ивана и прижал пальцы к его виску. — Срочно нужен врач, а точнее — реанимация. — Он повернулся к испуганно забившемуся в угол мужичку и спросил. — Где мы находимся?

Мужичок оторвал взгляд от ягодиц Фелиции и проблеял:

— На-а О-о-охте-те.

— Где?

— На Охте.

— Охта большая. — Края губ Урманского вздрогнули в легкой улыбке.

— Рядом с набережной, до Литейного моста десять минут ходьбы. У нас здесь место отдыха для дежурной группы «Водоканала». А вы откуда?

Вопрос мужика Инквизитор проигнорировал. Он повернулся в мою сторону и поинтересовался:

— Сергей, как у тебя со связью? Мобильник рабочий?

— Батарея еще не села, но... — Я демонстративно отключил телефон. — Какое-то внутреннее чувство мне подсказывает, что пользование этим аппаратом чревато для нас всех — мобила служебная и, наверняка, прослушивается, а также она снабжена системой джи-пи-эс. Есть у нас еще ряд проблем. Нам не выйти на улицу. В таком виде мы быстро очутимся в милиции или психушке, к тому же ни у кого нет документов и денег. То же самое касается скорой помощи, хрен ее окажут Ивану без страхового полиса — даже если и возьмут в машину, завозят по больницам до смерти. Из вашей конторы, Иннокентий Константинович,

помощи ожидать нельзя. Поясняю, как минимум один из нападавших принадлежал вашей епархии, и я предполагаю, что измена созрела в ваших рядах. Так что нет гарантии в том, что на ваше сообщение нас не навестит бригада киллеров.

Наверное, не часто в глаза Инквизитору бросали подобные заявления, подчеркивающие несостоятельность его «конторы». И таким тоном. Урманский зло нахмурился, но сдержался. Его взгляд опять остановился на мужике.

— Эй ты, дежурная смена, где у вас телефон?

— Витек унес. Он за бутылкой побежал. Сейчас подойдет. Тут до магазина три дома пройти.

Витек появился минут через пятнадцать. Все это время мужичок с тупым удивлением рассматривал незваных гостей. Его взгляд переходил с одной нашки на другую, изредка задерживался на Светке и пугливо избегал нас с Урманским. Иногда он порывался что-то спросить, но каждый раз сдерживался, сталкиваясь с предупреждающим движением Инквизитора.

Дверь распахнулась, и на входе появился, одетый в китайский пуховик, мужчина. Окутанный клубами морозного воздуха, он на миг задержался в дверном проеме и ехидно усмехнулся:

— Леша, мы гостей не заказывали. Тем более — сектантов и голых баб. Самим мало. — Он вознес руку с зажатой в ней литровой бутылкой.

Фелиция еле уловимым движением взметнулась к вошедшему мужчине и ловко сдернула его в помещение. Ошеломленный Витек взмахнул было бутылкой зажатой в руке, но прозвучал спокойный голос Инквизитора:

— Осторожнее. Водку разольешь.

— Да пошел ты. — Немедленно отозвался Витек, но бутылку аккуратно поставил на тумбу. Затем он абсолютно трезвым и спокойным взглядом оглядел непрошенных гостей и поинтересовался. — Может кто-нибудь объяснит, что здесь происходит?

— Ничего. — Инквизитор и в травяном костюме выглядел аристократом. — Нам необходимо воспользоваться вашим телефоном. Потом мы вас покинем.

— Семеныч, дай им телефон. Пускай звонят и не мешают нам работать. — Повернулся к напарнику Витек.

— Дык, труба-то у тебя.

— Да ну. — Усмехнулся Витек и нагнулся над креслом. — Я не люблю лишний груз в карманах таскать. — Он извлек из щели между сиденьем и подлокотником дивана мобильник и протянул его Урманскому. — Звоните.

Инквизитор взял телефон, но набирать номер не спешил. Все-таки мои слова о измене среди его окружения заставили главу Ордена колебаться.

— Нам нужны машина и врач. — Подсказал я.

— Знаю. — Угрюмо буркнул Урманский и стал нажимать кнопки на телефоне.

Разговор с невидимым собеседником был коротким. Поинтересовавшись здоровьем некоего Абрама Исааковича, Инквизитор назвал адрес, выслушал ответ и немедленно отключил телефон. Затем он обвел потяжелевшим взором собравшихся в комнате и голосом, не терпящим возражений, произнес:

— Господа сантехники, спуститесь в подвал и не высовывайтесь, пока мы не уедем. Водку забирайте с собой, чтобы не было скучно. Но, без шума. А мы пока подготовимся к встрече.

Возражений со стороны работников «Водоканала» не последовало.

Глава 6. Предпраздничная суета

«Газель» с тонированными стеклами, вписавшись в поток машин, направлялась на Петроградскую сторону. Народ в преддверии Нового Года заполнил улицы, и предпраздничное настроение светилось на их лицах. По узким рельсам гроыхали украшенные разноцветной мишурой трамваи, и я поймал себя на мысли, что для меня праздник проходит мимо. До того мига, когда большинство людей начнут торжественно разливать шампанское и произносить задравные тосты, оставалось около десяти часов, но я даже и представить не мог, где в это время буду находиться.

Отъезд из «Водоканала» прошел спокойно, без проблем и быстро. Садясь в машину, я рассмотрел старый дом, в подвале которого отдыхали дежурные сантехники. Его выщербленные кирпичные стены пережили не только две революции, но и, наверное, восстание декабристов. И то, что именно в него вел один из проходов из мира хийси, ни сколько не удивляло. Хотя, от базы «Накки-ярви» нас отделяло более полутора сотен километров, а весь путь от злополучной поляны до подвала в доме на Охте занял примерно пару часов, над таким парадоксом ломать голову не хотелось. Главное, что пришли.

«Скорая», забравшая Ивана, укатила первой. Пожилой врач с печальным выражением лица и типичным носом вежливым, чуть оправдывающимся, голосом порекомендовал нам исчезнуть сразу же, как скорая помощь свернет за поворот. Такое пожелание мы смогли исполнить вовремя. Прибывшая следом «Газель» встретила нас прогретым салоном и бесстрастным лицом водителя. Едва микроавтобус выехал на набережную, как в сторону дома подкатили две машины с милицейскими мигалками. А наш путь лежал к месту, которое Инквизитор охарактеризовал, как «тихую гавань в нашем беспокойном мире».

Большая Зеленина улица получила свое название от пороха, которое называли зельем и возили по этой дороге еще в петровские времена, но у меня она ассоциировалась с Олькой Зелениной — бывшей одноклассницей и первой любовью. Наши пути разошлись много лет назад, а улица осталась неким напоминанием. Глядя на старый пятиэтажный дом, я почему-то вспомнил про былую любовь и тут же одернул себя — ситуация не позволяла расслабляться юношескими воспоминаниями.

Машина подъехала со двора к так называемому «черному выходу», служившему в стародавние времена для челяди, дабы не беспокоить хозяев на главном входе. Водитель, невозмутимо восседавший за рулем всю дорогу и ни чуть не обеспокоенный наличием в нашей компании двух обнаженных девиц, повернулся и насмешливо поинтересовался:

— В таком импозантном виде вы сможете пройти до дома? — Он мотнул головой в сторону группы старушек, оккупировавших ближайшую скамейку. — Через пять минут вся округа узнает о страшно развратной компании посетившей сии места.

— Они выходить не будут. — Урманский внимательно оглядел двор и чиркнул позаимствованной у водителя ручкой адрес. — Отвезешь их на Обводный и высадишь возле подъезда дома. Фелиция, — обратился он к накки, — я жду тебя не позднее чем через три часа.

Серо-зеленые костюмы, надетые в аквапарке, вызвали определенный интерес у дворовых зевак. Под осуждающий шепот старушек, мы быстро скрылись в подъезде и по полутемной лестнице поднялись на четвертый этаж. Обделанная под обшарпанное дерево стальная дверь бесшумно распахнулась, пропуская нас на кухню.

— Располагайтесь. Туалет, ванная — по коридору слева, а я что-нибудь перекусить сварганю. — Урманский хозяйски провел рукой по воздуху и подошел к плите, на которой шкварчила сковорода, издавая умопомрачительные запахи жареной картошки.

Я понял, что хочу есть больше всего на свете. По Светкиному лицу читалось точно такое же желание.

— Мы только руки помоем. — Взвизгнула она и почти бегом подошла к кухонной раковине.

Не смотря на обжитость и явные признаки нахождения в квартире радушных хозяев, на глаза ни кто не появился. Когда я поинтересовался у Урманского об этом, то Инквизитор с явной хитрецей ответил, что в квартире только мы одни. Услышав такое, Светка даже на некоторое время перестала есть.

— В самом деле, здесь, кроме нас ни кого нет. — Улыбнулся Урманский.

— А кто открыл дверь, кто приготовил еду? — Неверяще заглядывая в глаза Урманскому, спросила Светка.

— Попробуйте догадаться, очаровательная ведьмочка. — Урманский снова улыбнулся и потянулся за следующей порцией хрустящей картошки. — У-м, как вкусно. Умеют же делать, когда захотят.

Отодвинув опустевшую тарелку, я почти сразу ощутил легкую слабость. После всех приключений, произошедших за день, плюс — слишком короткий отдых накануне, потянуло в сон. Светка также откровенно зевала, прикрывая рот ладонью, лишь Инквизитор излучал энергию. Интересно все-таки, я же своими глазами видел кровь на его одежде после взрыва. Даже легкое ранение должно сказаться на здоровье Урманского, а тут свежий и энергичный мужчина на пике сил. Интересно и странно. Извинившись, он прошел по коридору, и оттуда послышался его голос.

Вскоре Урманский вновь появился на кухне. Держа в руке телефонную трубку, он с критичной улыбкой посмотрел на нас и предложил:

— Можете отдохнуть. Все равно, пока приедут нужные лица, нам отсюда ни куда выходить не стоит. В угловой комнате имеется все необходимое для отдыха. Посуду оставьте на столе — есть кому убрать. — Добродушно добавил Иннокентий Константинович, глядя, как Светка начала собирать тарелки в стопку. — Давайте, лучше сделаем другое...

Коридор, ведущий от кухни, тянулся метров на двадцать пять и имел поворот на девяносто градусов, откуда по одной стороне имелся ряд дверей. На секунду задержавшись на повороте, я представил планировку квартиры и постарался определить, имеются ли здесь другие люди. Шедший впереди, Урманский подошел к небольшой нише в противоположной от дверей стене и повернулся к нам.

— Чтобы ни что не смогло помешать вам в этом доме, нужно сделать маленькое подношение духам-охранителям. — Он показал на видневшуюся в нише потемневшую деревянную пластинку, утыканную острыми шипами. — Лучший дар — это капля крови. Именно по ней вас всегда узнают, примут с радостью и помогут сохранить покой.

Инквизитор поражал меня все больше и больше. Этакая шкатулка со множеством секретов. Импозантный человек, который борется с нечистью и колдунами, и в то же время, всюю пользующийся услугами потусторонних сил.

— Надеюсь, что стерильно? — Неуклюже пошутил я и решительно положил ладонь на пластинку.

В нескольких местах кольнуло кожу, я вытащил руку из ниши и посмотрел в нее.

Несколько капелек крови скатились с шипов на дощечку и сразу же впитались в темную поверхность.

— Не бойся, Светик, это совсем не больно. — Я уступил место перед нишей девушке и посмотрел на Урманского.

Инквизитор внимательно наблюдал за нашими действиями, но на его губах застыла странная улыбка.

Да, кровь — слишком важный фактор в любом магическом ритуале, и имея хоть каплю крови врага в своем распоряжении, можно совершить многое. Однако, в нынешней ситуации отдать каплю своей жидкости я не боялся. Подобные алтари и алтарики мне приходилось видеть не раз. Добровольная жертва в присутствии благодушно настроенных хозяев давала статус члена семьи или рода и обязывала прирученных духов-охранителей относиться соответственно.

Ойкнула Светка и, вытащив руку, сразу же стала на нее дуть, но меня больше заинтересовали создания, которое я смог разглядеть в глубине полутемного коридора. Маленький лысый бородатый старичок, похожий на сморщенный перезрелый гриб, внимательно смотрел на нас круглыми, как плоски глазами. Всю его одежду составляли то ли шерсть, то ли густые темные волосы. За спиной старичка возвышалась костлявая некрасивая старуха в коротком передничке. Она оперлась длинными худыми пальцами об его плечи и с не меньшим интересом внимала происходящему ритуалу.

— Ой, кто это? — удивленный Светкин голос гулко пронесся по коридору.

— Знакомьтесь, Епифан и Елизавета. — Сделав полушутливый реверанс, произнес Урманский. — Наши домашние духи-охранители. Раз вы их увидели, значит, они вас признали. Теперь можете спокойно спать, и ни кто не потревожит вас.

Сомнений не возникло ни на секунду, хотя домовой и кикимора стараются без надобности на глаза обитателям не появляться, но именно они предстали перед нами. На одном из занятий Мастурадзе объяснял тонкости взаимоотношений с домашними духами, но в памяти осталось только утверждение об уважении к ним и необходимости совершения определенных ритуалов при общении. Ни одного ритуала я вспомнить не смог, но на всякий случай уважительно склонил голову, а когда поднял ее — Епифан и Елизавета с глаз пропали.

Рядом громко вздохнула Светка и, прижавшись к моему плечу, шепнула:

— Какие они интересные.

— Мои незаменимые помощники по хозяйству. — Уважительно произнес Урманский. — Эта квартира известна немногим людям из моего окружения. Посторонних здесь почти не бывает, но всегда, когда я появляюсь здесь, меня ждет прием, о котором я мечтаю по дороге сюда. А как Елизавета умеет готовить. Спасибо, Лизонька, за картошечку. — Громко крикнул в пустой коридор Инквизитор.

Дверь ванной комнаты скрипнула, из темноты сверкнул, похожий на кошачий, глаз и довольный смешок прозвучал в ответ на слова хозяина квартиры.

— Это жилье принадлежало еще до революции близким родственникам моего прадеда. После октябрьского решения жилищной проблемы в пользу победившего рабочего класса, здесь создали коммуналку, и лишь десять лет назад я смог по частям выкупить всю квартиру. Здесь теперь моя тихая гавань, о которой мало кто знает. Ведь я официально живу по другому адресу и прописан там же, а это жилье числится за маленькой фирмой моего старшего сына в качестве служебной жилплощади. Ну, ладно, теперь идите, отдыхайте. Нам

предстоит много дел — день еще не закончился.

Мягкая кровать, зашторенные от дневного света окна, мгновенно заснувшая на плече подруга, ощущение надежности и покоя. Что может помешать расслабиться и окунуться в объятия исцеляющего душу и тело сна?

Я бреду по длинному коридору. Полумрак. Над головой в арочном потолке через каждые сто шагов виднеется маленький кружок неба, под ногами, петляя среди спрессованных песчаных наносов бежит ручей. Я твердо знаю, что там, наверху, стоит изнуряющая жара, но здесь она не ощущается. Выложенные камнем стены местами разрываются, и темные боковые туннели уходят в непроглядную неизвестность. На очередном десятке шагов приходит узнаваемость — кяризы. Я нахожусь в старинной системе водоснабжения, характерной для Азии. Первоначальное состояние путешественника-туриста резко меняется на пронзительное чувство опасности. Отработанным жестом сдергиваю с ремня автомат и передергиваю затвор. Созданные для подачи воды подземные сооружения превратились в места столь опасные, что в одиночку там выжить очень трудно, и как бы не пугали байками о затаившихся во тьме чудовищах, самым опасным существом в этом рукотворном лабиринте является человек.

Ощущение присутствия за спиной бросило тело к стене. С разворота вскидываю автомат и тотчас опускаю ствол к земле. Светкино лицо испуганно, в руке пистолет, а на саму девушку надета военная форма. Увидев меня, она облегченно улыбается и бросается навстречу. Я пытаюсь спросить, откуда она появилась здесь, но Светка подносит указательный палец к губам, призывая к тишине.

А тишина стоит, и в самом деле, гробовая. Пружинистой походкой, совершенно не такой, какую я привык видеть у моей светловолосой подруги, она обошла меня и двинулась вперед. Ее поступь казалась такой уверенной, что я без колебаний пошел следом, по привычке контролируя задний сектор. Через пару десятков шагов Светка неожиданно свернула в боковой проход, где нет колодцев кяриза, но полной темноты также не существовало. Через несколько поворотов мы неожиданно вышли в освещенный зал. Светлые мраморные стены с золотыми прожилками образовывали высокий купол, в верхней части которого висело изображение золотой птицы, чем-то напоминающей римского орла с бородатой человеческой головой. В середине зала на роскошном кресле из ослепительно-белой кости сидела женщина.

Мы приблизились, и я с удивлением узнал женщину, которую вывез из уничтоженной зороастрийской деревни. Одета в светлое закрытое платье с золотыми украшениями на груди, она доброжелательно улыбалась. Величественным жестом, женщина пригласила подойти еще ближе.

Как немое кино, но ощущение, что этот фильм режиссирую сам. Иной раз бывают сны, когда тебе не нравятся некоторые видения, и ты тотчас изменяешь их в нужную сторону, но, к сожалению, не всегда. Именно тогда и случаются кошмары.

Значит, я сплю. Я прекрасно понимаю, что это сон, но мне интересно.

Из ниоткуда в руках женщины появилась пластина из желтого металла с изображением человекоголовой птицы — уменьшенное изображение той, что висело над нами. Ахура Мазда.

Беседы, проведенные Дядей Арчилом по теории религиозных воззрений, все-таки даром не прошли. Одно из божеств, сражавшихся против сил зла и хаоса. Наряду с Митрой, оно

считалось верховным богом зороастрийцев и имело окружение единомышленников — Амеша Спента, покровителей стихий и животных, каждое из которых имело отличительный символ — тот или иной цветок.

В подтверждение мыслей я ощутил аромат цветущих лилий. Протянутая пластина перешла в мои руки. Женщина радостно улыбнулась и взмахнула тончайшим серо-зеленым платком, в котором я узнал хиджаб. Будто летающее крыло, он взметнулся над нашими со Светкой головами... и я проснулся.

В квартире стояла тишина, а плотные занавеси на окнах не позволяли определить, сколько времени мы спали. Заелозила Светка, ища отброшенное в сторону одеяло, но я уже вскочил на ноги и бесцеремонно растолкал девушку.

— Что... — попыталась возмутиться она, но, непонимающе окинув взглядом окружающий интерьер, мгновенно умолкла.

Оставив девушку приводить себя в порядок, я вышел в коридор. В одну из комнат дверь оказалась приоткрытой, и оттуда доносился голос Урманского.

— Вячеслав, немедленно отзываете всю группу в Питер. В Накки-ярви сейчас делать нечего... Откуда я звоню? Из города... Адрес?... Сбор в главном офисе на набережной, там и определимся... Ровно через три часа в моем кабинете.

Почувствовав мое появление, Инквизитор резко обернулся и раздраженно отключил мобильный телефон.

— А-а, Сергей, проходите. — Он кивнул в сторону кресла, а сам продолжил хождение по комнате.

Я с интересом огляделся. Комната один в один походила на кабинет в здании на Фонтанке, даже мебель стояла такая же. Несколько раз пройдя от стены к стене, Урманский успокоился и присел на соседнее кресло.

— Странная возникает ситуация. — Заговорил он, положив руки на мягкие подлокотники. — Все машины, что находились на базе отдыха, оказались неисправны. Почти все номера телефонов моих доверенных лиц либо заблокированы, либо не отвечают. Я смог дозвониться лишь до двух человек — Вячеслава, моего помощника, и до зама директора института, но что интересно, оба они находятся в Накки-ярви и не могут ближайшие два-три часа появиться в Санкт-Петербурге. Час назад должна была вернуться Фелиция, но до сих пор ее нет, и телефон ее также не отвечает. Как будто меня устранили от управления организацией.

— Так оно и есть. — Сложить дважды два в возникшей ситуации трудности не представило. — Иннокентий Константинович, вас просто-напросто списали из Ордена. Покушение, заблокированный проход из другой реальности, измена в собственных рядах и отсекаание всех возможных источников информации и поддержки — не простое стечение обстоятельств. Я даже могу предположить, откуда ветер дует.

— Ну, и...

— Те два человека, которым вы смогли дозвониться. Помощник ваш и зам этот, институтский. Как версию, могу выдать примерный ход действий по вашей ликвидации, как бы не прискорбно это звучало. Молодые и амбициозные, не желающие мириться с тем, что они не на первых ролях, несколько человек из вашего окружения составили заговор. Они заключили договор с такими же обиженными вторыми лицами из института и провели подготовку к захвату власти. Все знают, что накануне нового года вы приезжаете в Накки-ярви. Ограниченный круг знает — зачем. Еще более узкий круг знает ваши действия в том

мире. Остается дожидаться нужного времени, подготовить засаду и... в Фонде, и у Ордена появятся новые руководители, которые, скорбя об утрате, возьмут в крепкие руки рычаги управления и поклянутся продолжить ваше дело в обозримом будущем. Пока вы с заоблачных высот руководили вашей организацией, справедливо перекладывая мелкие заботы на плечи подчиненных, поощряли их за инициативы, они подмяли или подстроили под себя все силовые структуры Ордена и Фонда. Осталось дело за малым — взять в крепкие загребушие ручки финансовые потоки. В сложившейся ситуации вы должны исчезнуть, пропасть и погибнуть, а заодно и все те, кто может стать нежеланным свидетелем. И не вижу я реальных способов вылезти из этой ямы, куда вы себя уложили.

Я не старался сгустить краски, но ситуация и в самом деле была хреновой. За себя я не боялся. Тихо исчезнуть из города и вернуться в отдел, где запрячут и прикроют. Судьба Урманского, это — его судьба. А вот Светка. Сама она защититься не сможет. Оставался еще Иван, отправленный на больничную койку, но он не мальчик, а мужчина, который изображать загнанную испуганную дичь не станет даже с дыркой в животе.

И все же, некоторые положительные моменты имеются. Настоящих специалистов-бойцов у них нет. Использование съехавшего с катушек, но не потерявшего боевых навыков, Ленарта, безграмотная засада и неумение выжать максимум возможностей из нее — все говорит об отсутствии настоящего профессионализма в рядах заговорщиков, а это дает шанс изменить ситуацию.

Телефонный номер, надежно спрятанный в памяти телефона и закрытый только мне известным паролем, ждал своего часа. За время моей службы в отделе только дважды пользовались им. Как результат, двух офицеров уволили из армии по дискредитации, и их дальнейшая судьба осталась неизвестной, — номер экстренной связи предусматривал только настоящую форс-мажорную ситуацию, связанную с угрозой отделу.

— Если не возражаете, я бы мог...

Мои слова заглушил телефонный звонок. Урманский заметно дернулся и схватил телефон. Его взгляд красноречиво показал: молчи. Да, нервишки у Инквизитора пошаливают, видно мои слова о сложившейся обстановке и его личные подозрения дали не лучший результат.

— Слушаю, дорогая. — К удивлению, голос Урманского оставался спокойным. — Когда?... Хорошо.

Сунув трубку в карман, Инквизитор повернулся ко мне и, с нескрываемым подозрением посмотрел в глаза.

— Объяснитесь, Сергей Иванович, какова ваша роль во всем этом?

— Неопределенная. — Я демонстративно пожал плечами. — Мы в одной лодке, которая влипла в жидкое дерьмо, и чтобы из нее выбраться на твердую землю и не утонуть, мы должны на определенном этапе держаться друг друга. Я понимаю, что вы сейчас получили какую-то информацию, так сначала разберитесь с нею и еще раз проанализируйте ситуацию.

— Какой казенный язык. — Съязвил Урманский и спокойно заговорил. — Звонила Фелиция. Она сейчас находится в магазине в соседнем доме, а у входа в наш подъезд стоит милицeйская машина. Еще одна въехала во двор. Если они нацелены на нас, значит, предательство имеется здесь. Ни кто не знает об этом адресе.

— Как и кому я мог сообщить? Ваши подозрения не корректны, уважаемый Иннокентий Константинович. У меня нет навязчивой идеи, подставлять себя под пули ваших соперников. — Стараясь говорить понятно, я ощутил колыхнувшееся где-то внутри

раздражение. — И, черт возьми, мы или доверяем друг другу, или сейчас же расходимся в разные стороны. Я в любом случае смогу пройти даже через бестолковый заслон милиции, а вы, наверняка, сможете затаиться, но это — не лучший вариант.

— Что же вы предлагаете? — Инквизитор оценивающе посмотрел в глаза.

— Я звоню по одному номеру и прошу помощи. Есть рычаг, который остановит любые подвижки со стороны силовых структур нашу сторону. Кроме того, я уверен, будет оказана определенная помощь со стороны нашей конторы.

— Не так уж давно вы пеняли, что я пытаюсь вас завербовать, а теперь то же самое делаете вы. — С кривой улыбкой произнес глава Ордена.

— Если честно, мне по барабану интриги высших эшелонов и всякая шпиономания, я не собираюсь лезть в разборки вашего уровня. Мне, вообще, желательно быстренько разобраться с навалившимися на меня проблемами и не морочиться о какой-то закулисной борьбе за власть. Я вас не вербую и не собираюсь делать этого. Я — солдат, силовик, а не агент.

— Мне хочется вам верить, и, боюсь, у меня не остается другого выхода. Звоните.

— Наведите камеру на свое лицо, затем покажите всех, присутствующих рядом. — Голос Дяди Арчила донесся из телефона. — Теперь наберите код, соответствующий вашему личному номеру. Смотрите в камеру аппарата левым глазом.

Я выполнил требуемые действия, догадываясь, что если идентификация произойдет неправильно, в телефоне, скорее всего, сработает самоликвидатор, но пронесло. Автоматически набрался новый номер, и я услышал голос генерала:

— Что случилось, Сергей Иванович?

Для объяснения сложившейся обстановки потребовалось около минуты, но Свиягов выслушал не перебивая. Небольшая пауза после моего доклада, а я уже прикидывал, когда меня вызовут для подписания обходного листа, затем в телефоне прозвучал приказ:

— Передайте трубку присутствующему рядом с вами человеку.

Урманский осторожно понес к уху предложенный телефон. Я деликатно отвернулся, стараясь не прислушиваться к разговору. Если генерал решит помочь, то инструкции или совет он даст мне лично, а о торге между двумя руководителями достаточно серьезных организаций мне знать не нужно. Меньше знаешь — крепче спишь.

— Сергей, возьмите. — Голос Урманского был спокоен, чересчур спокоен. С невозмутимым лицом он протянул мне телефон и подошел к окну.

Приказ генерала оказался краток и конкретен: вызволить господина Инквизитора живым и здоровым из заговора и помочь решить его проблемы.

— Телефон поставить на самоликвидацию. Связь через Интернет по закрытому каналу с вашего компьютера. Через три часа на ваш домашний адрес придет группа поддержки. Удачи... — Связь резко оборвалась.

Настойчивый звонок в дверь. Сморчкообразный Елифан бочком протиснулся в прихожую и тотчас метнулся обратно к замершему в коридоре Урманскому.

— К нам гости. Нехорошие гости. — Еле слышно проскрипел домовый. — Жандармы. Двое.

Звонок еще несколько раз нарушил тишину в квартире. Выглянула из комнаты Светка и вопросительно посмотрела на нас. Она явно хотела что-то спросить, но я предупреждающе

прижал палец к губам.

— Надо уходить через черный ход. — Высказал я предложение Урманскому. — Дворами выйдем к метро, а там спокойно доберемся до моего дома.

— Там нас тоже ждут. — Инквизитор кивнул в сторону появившейся в коридоре кикиморы. — Только не менты, а те, кого нужно опасаться вдвойне. Нас попросту пытаются заставить выйти из квартиры, а на выходе из подъезда либо убить, либо захватить. Лучше с ментами объясняться, им хоть мозги запудрить можно.

— Погодите. — Идея, возникшая у меня, показалась тривиальной, но смогла сработать. — С черного входа проход на чердак имеется?

— Да, но он надежно закрыт на замок.

— Нет крепостей, которые не могли бы взять большевики. — Каламбур получился не очень — Инквизитор недовольно сморщил губы, но я продолжил. — Замок уберем. Вопрос: куда мы сможем пройти по чердаку и где выйти?

— К любому из трех подъездов, но и там чердаки заперты на замки.

— Не проблема. — Я ощутил состояние подъема, когда ни какие препятствия не могут помешать выполнить задуманное. — Нужно только одежду сменить. В таком виде нас на улице вычислят сразу.

— Елизавета, покажи. — Бросил в воздух Урманский.

Дверь в одну из комнат раскрылась. В проходе мелькнула кикимора, приглашающе замахавшая худыми руками.

— Посмотрите, может чего и подберете. — Махнул рукой Инквизитор и скрылся в своей комнате.

Наверное, мы представляли интересное зрелище, когда по одиночке выскальзывали из крайнего подъезда дома. Одетый как на дипломатический раут Урманский, черное пальто которого оказалось запачканным старой паутиной, я в поношенном пуховике поверх маловатого спортивного костюма, и Светка в пальто полувековой давности — ну, прямо группа бомжей после посещения склада вторсырья.

Зайдя за угол, Инквизитор подождал нас, затем скептически оглядел наши наряды и, недовольно морща губы, произнес:

— В таком виде в метро не пустят. — Затем добавил. — Или в милицию загребут для выяснения личности.

— А зачем в метро? — Светка весело кивнула в сторону узкой улочки. — Сейчас — на трамвай, через пару остановок вы, Иннокентий Константинович, пересядете на метро, а мы по верху доедем до «Ломоносовской». Отсюда можно добраться трамвайными маршрутами за час-полтора.

— Встретимся во дворе соседнего дома, где раньше был рыбный магазин. — Уточнил я, соглашаясь со Светкиным предложением.

В ожидании трамвая, я услышал характерный звук взрыва. Окна квартиры Урманского вылетели, выбитые огненной вспышкой, и осыпались на группу людей, изображавших случайных зевак. Взрыватель в телефоне я установил на касание.

— Как теперь твои домовые? — Поинтересовался я, увидев, как дрогнуло лицо Инквизитора.

— Дом большой — найдут, где приютиться, а вот ремонт обойдется в копеечку. — Медленно процедил Урманский, смотря на выбитые стекла. — Теперь менты меня задолбят вопросами о террористической деятельности.

— Дожить бы до этого радостного момента. — Неуклюже пошутил я и шагнул в распахнувшуюся дверь трамвая.

Ко второй половине дня небо затянулось серыми тучами, которые принес влажный балтийский ветер. Мокрый туман, смешиваясь с наступающими ранними сумерками, серо-белой пеленою укутал дворы и дома. Сугробы на газонах набухли от влаги, а дорожки между ними обнажили мокрый асфальт.

— Нет, не врут на счет глобального потепления. Погода соответствует ноябрю, но никак не последнему дню декабря. — Констатировала Светка, зябко кутаясь в пальто. — Сырость, слякоть и вообще... если я не переоденусь в сухое и теплое — праздники придется провести в постели с градусником под мышкой и лекарствами под рукой.

Мы уже с четверть часа торчали во дворе по соседству с нашим домом, разглядывая сквозь безлистную полосу кустарника проход, ведущий от метро к подъезду. Урманский должен прибыть сюда, как минимум, около часа назад, но ни кого в щегольском черном пальто мы не наблюдали. Редкие прохожие, спешащие к метро и обратно, и привычные к чему угодно, на нас ни какого внимания не обращали.

С каждой минутой ожидания настроение падало и причин для этого хватало. Мы добирались до дома около часа, на метро досюда всего тридцать минут езды, и если Урманский доехал, он давно должен встретиться с нами.

— Еще ждем пять минут — и идем сами. — Я подбодрил Светку и прижал ее к себе, изображая подпитого любовника и внимательно разглядывая через плечо девушки соседний двор.

Ни чего настораживающего я так и не заметил, но чувство опасности, выработанное годами службы в отделе, меня не покидало. Противники Инквизитора, не смотря на некоторую профессиональную неумелость в исполнении силовых действий, в оперативности реагирования оказались вполне на уровне. Им хватило нескольких часов, чтобы вычислить конспиративную квартиру Урманского и с помощью милиции попытаться ее блокировать, а что тогда говорить о нашем доме, который известен всем кому надо и не надо. Домой нужно попасть — кровь из носу — иначе мы либо превратимся в обледенелые сосульки, либо нас повяжут с помощью милиции, благо документов с собою нет и вид не презентабельный, скорее — бомжеватый.

— Давай, зови своего знакомого. — Тихо шепнул я и отпустил Светку.

Девушка негромко свистнула, и от соседней скамейки к нам приблизился подросток лет четырнадцати. Он хмуро поглядел на нас и ломающимся голосом поинтересовался:

— Чего надо?

— Леш, столтник заработать хочешь? — Светка помахала перед ним купюрой.

— Смотря как. — С независимым выражением лица ответил тот.

— Легко и просто. Делов-то на пять минут. — Девушка спрятала деньги в карман и повела подбородком в сторону дома. — Дойди до двенадцатой квартиры и спроси меня. Если дома кто-нибудь есть, скажи, что я тебе обещала дать книжку. Название сам придумай, любое. Затем вернись к своему подъезду, постой там пару минут, выйди, и подойди к углу этого дома, там скажешь, что и как, и мы рассчитаемся. Только смотри, если дома кто есть или на лестнице находятся чужие люди, когда выйдешь, сделай так. — Светка потеряла нос.

В глазах подростка мелькнул интерес:

— От ментов что ли прячетесь?

— Догадливый. — Вступил в игру я. — Не хотим светиться.

— Ну-ну. — Подросток окинул меня наглым взглядом и ехидно поинтересовался. — А где вы такие обноски надыбали?

— Где-где, в Караганде. — В тон ему ответил я. — Дело делаем?

— А-то, только с деньгами не киньте.

— Не бойсь. Вот тебе аванс. — Светка протянула несколько купюр.

Леша небрежно сунул их в карман и неторопливой походкой направился к подъезду.

— Это паренек с нашего двора. Я его часто вижу, как он околачивается с такими же ишпанятами по вечерам. — Пояснила Светка, провожая его взглядом. — Если не сопьется или не сядет на наркоту, может, что из него и получится. Среди дворовых ребят он авторитетом пользуется.

Через несколько минут Лешка вышел из подъезда. Задумчиво почесав нос, он шмыгнул в соседнюю дверь. Что ж, пора менять место дислокации. Я неторопливо взял Светку за руку и повел ее к углу соседнего дома.

Лешка появился с другой стороны, когда я уже посчитал, что, наш новый знакомый, получив часть денег, решил обязательность не проявлять. Его настороженное лицо выглянуло из-за угла. С опаской посмотрев по сторонам, он подошел к нам.

— Ну, вы меня и подставили. — На Лешкином лице выступили красные пятна. — Я даже к квартире подходить не стал. Там на лестнице мужиков пять торчат. Все одеты одинаково и на рожу, как одно лицо. Бугаи тупорылые. Я на четвертый этаж забежал, позвонил в одну из квартир, там братишка Ленки Чураковой живет. Затем обратно пошел, а эти мне все в спину глазенками сверлят. Взгляды хуже, чем у отморозков. Все. Давай деньги. Я пройду. Погуляю.

— Что теперь будем делать? — Светка дождалась, когда подросток смешается с толпой прохожих, и вопросительно посмотрела на меня.

— Да есть одна идея. — Я, выглянул из-за угла и оценил обстановку во дворе. — Только без скандалов и вообще... молча будь рядом и делай только то, что я скажу.

В запасе оставался еще один вариант, но почему-то его использование восторга не вызывало. Прапорщик Альбина, которая наверняка имела доступ к компьютерной сети и выход на отдел, и именно через нее можно попасть и в мою квартиру. На фоне последних событий мне так до конца осталась неясной деятельность Паука в отношении Светкиного НИИЧАВО, а тем более, если учесть, что Ленарт оказался предателем. Отсутствии Урманского также навевало печальные мысли — он должен был приехать намного раньше нас.

Квартира, которую сняли для прапорщицы, находилась в соседнем подъезде, но, наверняка, вход туда не контролировался. Хотя... будь я руководителем операции, то под надзор поставил бы весь дом, все подходы к нему, все подъезды и двор. Пока же, все казалось, как обычно.

— Светик, посмотри внимательно. Ты ни чего странного возле дома не замечаешь? Ну, того, что не характерно для двора, который ты видишь каждый день?

— Вон — машина синяя. — Светка кивнула в сторону УАЗика-«буханки», притулившегося у другого угла дома. — В первый раз вижу ее в нашем дворе.

Я всмотрелся в затененные окна машины. Казалось, что внутри фургончика ни кого не было. Попытка — не пытка, как любили говорить у нас в отделе. Подхватив Светку под руку, я устремился к подъезду.

Приоткрыв дверь, Альбина с удивлением уставилась на нас, но сразу же посторонилась, пропуская нежданных гостей в квартиру. Лицо прапорщицы приняло вежливо-спокойное выражение, хотя в глазах еще плескались какие-то непонятные эмоции. Закрыв дверь на замок, Альбина прошла вслед за нами и только потом заговорила:

— Наверное, случилось нечто экстра неординарное, что вы изволили посетить мое обиталище? Неужто, ваши праздники накрылись медным тазом? — В голосе сотрудницы отдела звучала неприкрытая ирония.

— Альбина Ильдусовна, оставим сарказмы на потом. Когда вернемся к месту постоянной службы, в курилке посоревнуемся в остроумии. — Заговорил я бесцветным казенным голосом, каким иногда распекал подчиненных. — Праздники закончились. Возникла нештатная ситуация, и мне необходима помощь отдела. Можете проинформировать шефа о моем появлении у вас. И мне также необходимо ваше содействие для того, чтобы попасть в свою квартиру.

— Вы что, вместе работаете? — Ноты ревности отчетливо зазвучали в Светкином голосе.

— Да, но это наши отношения не влияет. — Ответил я Светке, выжидающе посмотрел на прапорщицу и добавил. — На нас было совершено еще одно покушение.

Помощница Паука метнулась к окну, посмотрела через чуть отодвинутые занавески и заметила:

— Во дворе тихо.

— Зато в моем подъезде уже ждет засада.

— Сейчас их уберут. — Альбина ухмыльнулась и быстро набрала телефонный номер. — Алло, милиция? Тут в подъезде дома несколько вооруженных мужчин стоят. Видно кого-то поджидают. Киллеры, наверное... Адрес? — Она быстро назвала улицу и номер дома, а затем задала наивный вопрос, вкладывая в него непреодолимое любопытство. — А куда еще надо позвонить, сообщить, предупредить?

Прошло несколько минут, как возле дома замельтешили неизвестные люди, а вскоре подкатил автобус с ОМОНОм. Прохожих со двора, как ветром сдуло, в окнах близ лежащих домов замаячили любопытные лица.

Одетые в бронежилеты автоматчики лихо снесли входную дверь и ворвались в подъезд. Ни какой стрельбы мы не услышали. Наверное, боевики заговорщиков не сопротивлялись. Не прошло и двух минут, как закованных в наручники пятерых человек выволокли во двор и побросали в подъехавший автобус.

— Вот и все ваши проблемы решены. — Альбина отошла от окна и вопросительно посмотрела на нас. — Теперь домой пойдете?

Я посмотрел на часы. До времени отведенного генералом на прибытие группы поддержки оставалось пол часа. За короткий промежуток времени нужно сделать уйму дел, но самое главное — выйти на связь с Москвой.

— Спасибо. — Я изобразил вежливую улыбку, хотя необъяснимое чувство дискомфорта, появившееся с момента появления в квартире Альбины, тревожило. — Нужно забрать вещи и возвращаться на базу отдыха. Счастливого встретить Новый год.

— Счастье не член, в руки не возьмешь. — Неожиданно ответила прапорщица, провожая нас задумчивым взглядом.

Выйдя во двор и вздохнув, пропахшего городским смогом, холодного воздуха, я остановился. Едва ощутимый аромат цветущих лилий выветрился почти сразу, вызывая

чувство удивления и тревоги. Где-то рядом витала опасность, которую не распознал. Задржав голову, я посмотрел в окна квартиры, где находилась Альбина. Прапорщица расплывчатым силуэтом угадывалась за стеклами. Кажется, даже помахала рукой. В тот же миг взгляд уловил движение занавески в соседнем окне.

— Что случилось? — поинтересовалась Светка и дернула меня за руку.

— Оцениваю обстановку. — Отговорился я и, подхватив девушку под руку, направился в свой подъезд.

Дойдя до квартиры, я невольно остановился. Вот незадача! Ключи-то остались с вещами в Накки-ярви.

— У меня дома есть дубликаты твоих ключей. — Светка сразу же поняла мою заминку. — Я сейчас принесу.

Она развернулась, и в этот момент донесся звук отпираемого замка. Сдвинув девушку к соседней двери, я отпрянул в сторону.

— Сергей Иванович, не волнуйтесь, это — я. — Из-за приоткрывшейся двери донесся голос Урманского.

Я показал знаком, чтобы Светка оставалась на месте, и резко распахнул дверь.

— Я же сказал, что не нужно волноваться. — Инквизитор укоризненно посмотрел на меня, потирая ушибленную руку.

Из кухни, одетая в байкерский прикид, помахала рукой Фелиция:

— Привет, а мы вас уже заждались. — Она весело улыбнулась и добавила, кивая подбородком в сторону стола с расставленными кружками. — Мы чуть-чуть похозяйничали у вас на кухне.

Глава 7. Новогодняя ночь

Обещанная шефом поддержка из Москвы задерживалась. Переговоры с генералом по скайпу подтвердили заинтересованность Свиягова в контактах и взаимодействии с Инквизитором. Сам Урманский вежливо оставался на кухне в обществе двух барышень и заходил в комнату, где я общался с шефом, только по моей просьбе. Затем мы сели пить чай.

— К вам в квартиру мы попали довольно просто. — Рассказывал Инквизитор внимательно осматривая за моей реакцией. — Пару раз у нас была возможность получить в руки ключи, и сделать дубликаты сложности не представило, а что касается охранных систем, то у меня в Фонде достаточно специалистов и такого профиля. Нет, мы не собирались совершать каких-либо вторжений в частную собственность, — Иннокентий Константинович все-таки что-то уловил в выражении моего лица, — но пытаюсь спрогнозировать все возможные варианты нашего сотрудничества, я пришел к выводу, что это не помешает. И оказался прав.

Ну, конечно, такие правые интеллигенты, дорвавшиеся до вершин власти, лихо разваливают все, что возможно. Сколько их обгадилось на ровном месте, причинив множество бед, сравнимых с глобальными катастрофами. Почти все постсоветское пространство является ярким примером, а что говорить о России? Когда человек считает себя абсолютно правым, сам решает, что и как должны делать остальные, это, может быть и нормально, но необходимы умение, знания и здравый смысл, чего обычно им не хватает. Господин Урманский прогнозировал и напланировал много, но комплот перед своим носом не разглядел, а теперь, когда мы начинаем вытаскивать его из дерьма, разглагольствует о своем руководстве.

— Нас заблокировали в квартире, но попыток ворваться сюда не предпринимали, наверно чего-то ждали...

— Или кого-то. — Прервал я рассказ Инквизитора. — Тут и коню ясно, что ваши тупоголовые хийси ждали того человека, который скажет им: «фас», или постарается уговорить некоего господина Урманского «уступить» бразды правления в Фонде. Странно, вот только почему нас со Светкой не взяли в расчет? Или мы де должны были добраться до дома? — Затем мне в голову пришла еще одна мысль. — Ведь милиция забрала только хийси. Разве они могут выполнять какие-либо действия в черте города самостоятельно?

Иннокентий Константинович покачал головой, а я продолжил:

— Ваши противники немного поторопились и допустили просчет. Они не учли ряд факторов, могущих повлиять на развитие ситуации. Только думать, что мы вывернулись из этой неприятности, рано. — Я отхлебнул чая. — Если мы будем ждать, ни чего не делая, они продолжат и, в конце концов, нас прижучат. Сейчас у них легкая паника, которая очень быстро пройдет. Поджимают сроки. Через неделю закончатся рождественские праздники, и нужно будет функционировать как обычно. Для этого необходимо не только убрать вас, но и восстановить нарушенные схемы управления, контакты, взять в руки финансовые потоки и подготовить общественное мнение о неизбежности нового руководства.

— И что вы предлагаете?

— Ждать.

— ??? — Выражение лица Инквизитора походило на большой вопросительный знак.

— Ждать, когда появится группа поддержки из Москвы. Она уже направляется сюда и

будет... — я посмотрел на часы, — в течение сорока-пятидесяти минут.

Время я определил навскидку. Даже с маленькой ступеньки в иерархической лестнице Минобороны трезво представлял, что организационные вопросы при осуществлении срочных мероприятий могут затянуться надолго. Сроки, определенные шефом, при всей неповоротливости военной машины, нужно как минимум умножать на полтора, и это — при лучшем раскладе. А если учесть, что через несколько часов наступает Новый Год...

Звонок в дверь прозвучал неожиданно. Немного гнетущая обстановка ожидания все-таки сказалась на нервах. Даже обычно выдержанный Урманский поперхнулся чаем, а Светка громко грохнула чашкой о стол.

— Кто там? — Произнес я, разглядывая на маленьком экране монитора физиономию Дяди Арчила.

— Сергей, открывай. — Мастурадзе усмехнулся. — Про зеленые носки и красные трусы будешь спрашивать Деда Мороза.

Когда вслед за полковником в квартиру вошел Хек, я удивился еще больше. Происходило то, чего не могло быть по своей сути. Дядя Арчил покидал стены института считанные разы, предпочитая управлять сложными операциями на расстоянии, а своего помощника я сам лично отправлял в Татарстан накануне своего отъезда в Питер.

— С наступающим... — Почему-то брякнул я, пожимая вошедшим руки.

— И вас тем же концом и по тому же месту. — Немедленно отозвался Мастурадзе и сразу же направился в комнату, откуда светился экран монитора.

— Ты откуда? — Поинтересовался я, вглядываясь в лицо товарища.

— Угораздило в Москву на праздники приехать, прямо из аэропорта выдернули. — Поморщился Харрис. — Таких же, как я, бедолаг набрали и сюда бросили. Что здесь такое произошло, если сам Дядя прикатил?

— Долго объяснять, но это не наша война. Сейчас все разъяснится. — Я мотнул головой в сторону приоткрытой двери и увлек сослуживца на кухню. — Пока познакомься со всеми.

Полковник отсутствовал пару минут, и едва Хек, восторженно глядящий на Фелицию, успел представиться остальным, настала очередь Мастурадзе.

Обозрев присутствующих орлиным взглядом, наш шеф уделил внимание дамам ровно столько, сколько требует этикет, и протянул ладонь Урманскому:

— Арчил Филиппович. — Полковник представился и скосил взгляд на руку Инквизитора, где блестел почти такой же перстень, что и у него самого. — Я, думаю, что вы введете меня в курс дела немедленно. Насколько я понимаю, время у нас ограничено.

Слушая Урманского, я еще раз поразился его выдержке и умению делать выводы из косвенной информации. По-видимому, пока Инквизитор ждал нас в моей квартире, он правильно обобщил имеющиеся факты, сделал нужные выводы и составил примерный план действий. От его растерянности, возникшей в результате предательства ближайших сподвижников, не осталось ни следа. Передо мной сидел человек, которого я видел раньше: хладнокровный, выдержанный и умелый руководитель большой полулегальной организации. Наверняка в мое отсутствие он получил достаточно информации и сделал правильные выводы от сложившейся ситуации. Вынесенная на экран коммуникатора структура Ордена и Фонда светилась цветными квадратами и линиями, которые обозначали схему мятежа. Выделенные красным цветом, они заполняли две трети экрана.

— Основные системы управления либо дезорганизованы, либо взяты под контроль. Где-

то с помощью обмана, ведь от моего имени могут говорить три человека, где-то с помощью пособников. Наибольшее опасение вызывает отдел, предназначенный для взаимодействия и решения вопросов с правоохранительными и силовыми структурами, и служба, задействованная в институте. Также возникает опасность со стороны нашей клиентуры — у меня создалось мнение, что некоторые члены Ордена вступили в сговор со своими поднадзорными.

— Везде коррупция. — Под нос, но достаточно громко, проворчал полковник.

— Результат всеобщего бардака в стране. Пример властей пагубен для народа. — Отреагировал Инквизитор с нейтральным выражением лица и резко ударил по зеркалу, стоящему на холодильнике.

Печатка перстня наполовину вошла в стекло, словно в воду. По зеркальной поверхности пробежала волна, послышался сдавленный вскрик, и серебристые брызги осколков осыпались на пол.

— Подслушивать не хорошо. — Плотно ухмыльнулся Урманский и посмотрел на Дядю Арчила. — Теперь можно поговорить о предстоящем деле.

Покрытая тонким слоем снега, трасса казалась пустынной. Почти все население страны уже встретило или готовилось встретить Новый Год, и те редкие автомобили, что встречались на дороге, скорее являлись исключением из всеобщего предпраздничного психоза. Два «Уаза», что везли нас в Накки-ярви, смогли беспрепятственно домчать до базы за очень короткое время. План, предложенный Урманским и поддержанный с небольшими изменениями нашим полковником, мне казался авантюрой. В разгар новогодней ночи ворваться на базу, изолировать верхушку мятежников и блокировать технические средства управления заговором — слишком лихой наскок на совершенно не разведанного противника, который, наверняка, предпринял защитные меры. Шесть бойцов, из которых — два водителя, я, Хек, Мاستурадзе, Урманский и две женщины представляли не боевой отряд, а неорганизованную толпу, способную наломать лишь кучу дров с совершенно непредсказуемыми последствиями. Мое предложение оставить дам в Питере, дабы не тащить с собой балласт, во внимание не приняли, а Инквизитор дал понять, что оставлять без присмотра потенциальных заложников он не может.

— Стой!

Повинуясь негромкому окрику Урманского, водитель остановил машину. Шоссе в этом месте делало дугообразный поворот, от которого в бок уходила узкая колея, присыпанная снегом.

— Сворачиваем здесь. — После полуминутной задержки произнес Инквизитор.

— Там нам не проехать. — Возразил водитель, когда фары осветили неровные верхушки пней, преградивших дорогу. — Дальше ни какой дороги нет.

Прокрытые снежными шапками ели образовывали сужающийся коридор, заканчивавшийся торчащими из-под снега пнями.

Тихо ругнувшись, Урманский вылез из машины, прошел на пару шагов и, остановившись, махнул нам рукой. «Уазик» немного продвинулся вперед и мы с полковником присоединились к Инквизитору.

— Это морок для случайных или ненужных посетителей. — Урманский скатал снежок и метнул его в ближайший пенек. Кусок снега беззвучно пролетел сквозь бугристую кору и взметнул рой снежинок позади. — Визуальный эффект.

Езда сквозь препятствия, которых на самом деле не существовало, немного нервировала водителей, но уже через десяток метров они с нервами совладали. Скорость упала, но колонна из двух машин преодолевала неосязаемые преграды, приближая нас к цели.

Когда до начала Нового Года оставались считанные минуты, мы выехали к Накки-ярви. Большая светящаяся разноцветным фонариками елка возвышалась над поселком. Со стороны столовой доносилась громкая музыка, а у площадки, заставленной самыми различными автомобилями, неподвижно замерло три силуэта охранников.

— Сережа. — Инквизитор повернулся в мою сторону. — Мы с тобой идем в коттедж, а остальные пусть блокируют административное здание и вход в аквацентр.

Я переглянулся с Мастурадзе — составленный перед отъездом план предусматривал совершенно другие действия. Теперь же, идея, неожиданно проклюнувшаяся в голове Урманского, грозила обернуться неудачей.

— Иннокентий Константинович, сейчас не время менять продуманное решение. — Выразительно заглядывая в глаза жертве заговора, произнес полковник. — У нас недостаточно людей, это — во-первых, снова их инструктировать нет времени, это — во-вторых, и, самое главное, я не хочу здесь устраивать побоище среди мирного населения. В нашем случае, цель не оправдывает средства.

— Но...

— Ни каких «но». Засада внутри аквапарка, контроль за определенными лицами, их тихий, я повторяю — тихий, захват и вежливое обращение с ни в чем не повинными людьми, приехавшими отдохнуть. Мы же обговорили весь порядок действий? Так зачем нам что-то менять?

— Ноутбук. В первую очередь мне необходимо забрать его.

— Вы считаете, что вооруженный ноутбуком, вы будете выглядеть грознее?

— Мне будет спокойнее.

— Время. — Мастурадзе постучал по стеклу часов. — Ноутбук ваш находится в чужих руках несколько часов, и еще несколько минут ни какой роли не сыграют.

Почему-то девы накки имеют достаточную власть над хийси. Во взаимоотношениях нелюди и нечисти не всегда срабатывает человеческая логика, их законы основываются на совершенно других принципах. Лесной дух вроде бы не должен выполнять приказы или капризы водяного существа, носящего в себе дух некрещеного младенца. Может, древние матриархальные отношения или излишняя сексуальность дев имели под собой право на главенство, но лишь стоило вышедшей из машины Фелиции что-то тихо шепнуть амбаловидным охранникам, как те немедленно скрылись за дверями аквапарка.

— Через несколько минут все хийси соберутся возле бассейна и будут ждать дальнейших указаний. — Девушка-накки стрельнула зелеными глазами в нашу сторону и модельной походкой подошла к Инквизитору. — Милый, может, посетим этот шабаш в столовой?

— Конечно, дорогая. — Урманский уже овладел собой полностью, и на его лице заиграла хищная улыбка.

Громкие звуки венского вальса отсчитывали свои последние па, когда мы вошли в столовую. На наше появление мало кто обратил внимания, следя за кружащимися в танце парами, но едва мы сделали несколько шагов, как, тут же, появился распорядитель.

— С приездом, Иннокентий Константинович. — Он изобразил вежливую улыбку и повел нас всех к единственному не сервированному столику. — Вы уж извините, референт

ваш сказал, что вы по делам в Питер уехали и, скорее всего, там задержитесь. Я на себя взял смелость один столик зарезервировать на всякий пожарный, так что присаживайтесь, а я распоряжусь, чтобы накрыли.

Инквизитор вальяжно кивнул и, неторопливо рассматривая гостей, направился к предложенному столу. Зарезервированное распорядителем место оказалось немного в стороне от остальных, недалеко от елки.

Я присел на соседний стул, посадив рядом Светлану и Фелицию напротив, но так, чтобы они не мешали контролировать весь зал. Свита Урманского почти отсутствовала и за столиком, где в прошлый раз он сидел, находились Вячеслав, Казаров и Гершвиц, которые нас еще не заметили. Что ж, все пока идет по плану. Хек с бойцами должны уже закончить зачистку указанных Инквизитором коттеджей и приготовиться к захвату верхушки заговора, а до появления Мاستурадзе оставались считанные минуты.

— Не вижу ни директора, ни Колядника. — Тихо прошептал Урманский. — В основном присутствуют вторые лица, ну, там, замы, старшие помощники и тому подобное. Неужто, и их? — Он сделал выразительный жест рукой.

— Господа, прошу наполнить бокалы! — Голос распорядителя разнесся над залом. — Стоит помянуть старый год, чтобы былые беды и неприятности остались в прошлом и не последовали за вами.

Я с необъяснимым злорадством смотрел, как вытягивается физиономия Казарова, наконец-то разглядевшего нас в отблесках засветившейся елки. Гершвиц и Вячеслав синхронно повернулись к нашему столику. Лицо Семена Исааковича стало напоминать маску Арлекина, он стал до того бледным, что, казалось, вот-вот упадет в обморок. Реакция Вячеслава оказалась другой. Секретарь, как не в чем ни бывало, улыбнулся и приветственно помахал рукой. Тут до меня дошло — не прошло и суток, как ему Ленарт обломал ключицы, а парень-то здоров и не кашляет.

Дверь в столовую распахнулась, и на пороге, окутанный клубами морозного воздуха появился Дед Мороз. Пышные накладная борода и усы не смогли скрыть типичного кавказского носа. Мастурадзе стукнул длинным посохом об пол и объявил:

— Я пришел, чтобы поздравить всех вас с приближением Нового Года!

Веселый гул пьяных голосов прозвучал ему ответом. Распорядитель удивленно вскинул глаза на Инквизитора, но тот утвердительно мотнул подбородком.

— Смотри, уходят. — Светка коленкой толкнула меня в ногу.

Я искоса посмотрел на столик, где сидел Вячеслав со своими сообщниками. Референт Инквизитора торопливо шел к двери, ведущей к пищеблоку, следом семенили Казаров и Гершвиц.

— Иннокентий Константинович, пора. — Повернувшись к Урманскому, я наткнулся на спокойный взгляд главы местного сообщества.

— Не торопись, Сережа. Пусть полковник спровоцирует остальных.

В словах Инквизитора был резон — пока все шло по плану. За исключением одного маленького, но важного фактора — заговорщики покидали помещение через служебный выход.

Охотничий азарт добавил в кровь адреналина. Несколько человек, по-видимому, ощутили стремительное изменение ауры и удивленно посмотрели на меня.

— Нет, мне пора. — Я, не обращая внимания на удивленный взгляд Инквизитора, вылез из-за стола и направился к двери запасного выхода.

— Светлана, сиди здесь. Фелиция, помоги солдату.

Краем уха я успел услышать слова Урманского и заскочил на кухню. Две девицы-накки с решительным выражением на лицах преградили мне дорогу. В их руках ни какого оружия я не углядел, но в том, что они вдвоем раскатают меня по стенкам, почему-то сомнений не возникало. За спиной хлопнула дверь, и раздались звуки, похожие на щебетание лесных птиц. Фелиция, отодвинув меня в немного в сторону, во властной позе встала перед поварами. Щебетание стало пронзительнее, приближаясь к порогу неслышимости. Затем, оно резко смолкло, и обе накки в почтительной позе опустили головы.

— Пошли. — Фелиция, не оглядываясь, двинулась к двери, которая виднелась за рядом котлов и плит.

Цепочка следов на свежавыпавшем снегу вела к аквапарку. Дверь в водный комплекс оказалась приоткрытой. Слыша шум шагов, подбегающих сзади бойцов, я вломился в дверь, держа пневматический «Бушмен» для стрельба с пояса.

В полумраке неосвещенного холла светлыми прямоугольниками виднелись двери, ведущие в подсобные помещения. Вход, ведущий в бассейн, оказался закрыт, а на деревянной поверхности двухстворчатой двери тускло светила тонкая паутина. Фелиция метнула попавшийся под руку стул в нее и по глазам ударила яркая вспышка. Когда зрение восстановилось, глазами предстали обугленные обломки стула. Сама паутина продолжала светить неяркой сетью.

— Заклинание Гого. — Накки зло ощерилась. — Нужна жертва, чтобы его преодолеть.

— Кто тебе сказал такую чушь? — Из знаний, в свое время вдалбливаемых Дядей Арчилом и его помощниками, большое внимание уделялось снятием всяких магических преград, и насколько я помнил, у Гого имелось достаточно слабых мест.

— У нас есть время?

В словах Фелиции имелся резон. Наложённая, даже второпях, паутина отражала все магические действия, а материальные тела сжигала до тех пор, пока не заканчивалась закачанная в нее энергия.

Я окинул быстрым взглядом холл, прикидывая, хватит ли имеющейся там мебели для дезактивации паутины. Навскидку, должно хватить. Вот только время, а оно утекало безвозвратно, давая заговорщикам устроить более крупную пакость или вообще удрать. Едва ощутимый аромат лилий щекотнул по ноздрям. Повинуясь рефлексам, я резко сместился в сторону и вскинул оружие. За спиной послышался удивленный вздох Фелиции.

Бесшумно скользя босыми ногами по усеянному обгоревшими обломками полу, откуда-то сбоку появилась женская фигура в накинута на плечи светло-салатном платке. Распущенные светлые волосы словно золотистый нимб взметнулись над головой. Женщина приблизилась к запечатанной заклинанием двери и провела ярко-красными ногтями по светящимся нитям. По помещению разнесся звук оборванной струны, и паутина осыпалась на линолеум темными бесформенными обрывками. На мгновение женщина повернулась, на меня глянуло лицо той самой незнакомки, которую я вывез на последней операции из уничтоженного кишлага. Она шевельнула губами, но ни каких слов я не услышал, и, сделав несколько шагов в сторону, пропала, только в воздухе оставался легкий аромат цветущих лилий.

Странная тишина за спиной, где должна была находиться Фелиция, заставила меня резко обернуться. Девица-накки стояла прикрыв глаза, а на ее лице застыло выражение благоговения.

— Богиня. Это — богиня. Амеша-Спента. — Не меня выражения лица, с каким-то придыхом, произнесла она и резко раскрыла глаза. — Ты видел?

— Видел, видел. Только некогда обсуждать. — Я осторожно ткнул дверь обугленной ножкой стула. Чуть скрипнув, дверь отворилась, открывая коридор, ведущий к бассейну. — Пора дальше двигать.

Коридор, соединяющий душевые кабинки и комнаты для переодевания с бассейном, мы преодолели за считанные секунды. У входа Фелиция неожиданно остановилась, ее лицо передернуло гримаса:

— Нет! — Она ударом плеча вышибла дверь и влетела к бортику чаши.

В огромном помещении стояла тишина, но представшая глазам картина казалась кошмарным сном. Несколько десятков хийси и накки метались по помещению, иногда они без всплеска прыгали в воду и погружались на дно. Над ними роем злобных насекомых кружились яркие синие точки. словно маленькие молнии, они пикировали на мечущуюся нелюдь и жалили их. Несколько тел неподвижно валялось возле границы зеленых зарослей. Прямо на глазах мощные хийси превращались в замшелые трухлявые пни, а сексапильные накки, после нескольких поражений синими молниями, опадали кучами гниющей плоти. Единственным спасением оказалась вода, но к чаше бассейна прорывались не многие.

Руки сами вздернулись кверху и сомкнулись над головой. Выпущенный из растопырившихся пальцев пистолет-пулемет со стуком упал на кафель. Мне показалось, что вижу себя со стороны, во всяком случае, тело стало совершать абсолютно непредсказуемые действия. Из рта вырвался гортанный рык, и все синие искры взмыли к высокому потолку. Я резко опустил руки, выворачивая кисти от себя. Собравшиеся в светящийся шар искры упали за край искусственного водопада и с громким шипением погасли.

— Ты...

Фелиция с нескрываемым испугом уставилась на меня, но я ее перебил:

— Ни кому об этом не говори, я сам до конца еще ни чего не понимаю.

От удивления врать не пришлось, за исключением, понимания того, что в ходе последней боевой операции я вляпался в какую-то зороастрийскую дрянь. Может быть, пока все и идет мне на пользу, но за все надо платить, а какова цена, я не имею ни какого понятия. Да и размышлять именно об этом, времени не хватало.

В зал с бассейном вбежали Инквизитор и Дядя Арчил со своими абреками. На рукаве Хека темнели пятна свежей крови. Все-таки без смертоубийства не обошлось. Харрис и раньше грешил чрезмерной тягой к использованию холодного оружия, но я и Ходуля всегда его притормаживали — не смотря на не всегда нужную жестокость, он являлся отличным бойцом и неплохим командиром группы.

На мой вопросительный взгляд Мاستурадзе зло повел челюстью и показал кулак:

— Все разборки потом.

— Что, ушли? — Урманскому хватило выдержки, чтобы перевести внимание в нужную сторону.

Фелиция что-то спросила у девицы-накки, выглянувшей из зарослей колючих кустов. Та, не медля, указала на проход, по которому мы недавно сопровождали Инквизитора для проведения исцеляющего обряда.

— Значит, проход сохранился. — Произнося, ставшую очевидной истину, Урманский окинул взглядом наш маленький отряд. — Это и плохо, и хорошо. Плохо, что ушли, а хорошо, что оттуда им не куда будет деться.

— Как нам. Мы же оттуда вышли. И они могут пройти — мы следов достаточно оставили. — Возразил я, понимая, что заговорщики могут ускользнуть через арки-порталы куда угодно.

— Не думаю, что сразу они кинутся в одну из арок. — Усмехнулся Инквизитор. — Наверняка они сначала посетят лабораторию — там слишком много интересного и нужного, и лишь потом попробуют исчезнуть.

При слове — лаборатория, на лице нашего полковника появилось интересное выражение. Он сделал шаг к Урманскому и поинтересовался:

— Лаборатория института или Ордена?

— Совместная. — Буркнул глава местной инквизиции, прекрасно понимая, что теперь еще одной тайной Ордена придется пожертвовать. — Деньги и организация исследований — наши, люди, оборудование и технологии — института. Гершвиц отвечал за проведение исследований, как представитель от науки, а Вячеслав там часто бывал по моим поручениям с проверками.

— А что за исследования?

— Паранормальные явления, из числа тех, что нельзя проводить в нашем мире. Слишком опасные для обычных обывателей. К примеру, использование инфернальных сущностей для выполнения определенных функций.

— И только? — Недобро сощурился Мастурадзе.

— Там куча проектов, но все они только в стадии апробации.

Видя, как загорелись глаза полковника, я твердо понял, что моя преданность отделу резко пошатнулась. Что бы там не придумывали яйцеголовые ботаники, далекие от обычной жизни, от таких опытов кроме большого вреда ни чего не поймешь. Человек не может контролировать на сто процентов созданий другого мира — у них совершенно другая и недоступная нашему пониманию логика, абсолютно чуждая человеку суть. Да... те слова Инквизитора во время нашей встречи в его офисе о контроле над «нерадивыми колдунами» совершенно не согласуются с тем, что я сейчас услышал.

— Чего глаза выкатили? Баб голых никогда не видели? — Зычный голос Мастурадзе разнесся над гладью бассейна. — Не отвлекаться! Боевая задача еще не выполнена.

Спецназовцы, обалдевшие от множества обнаженных тел водных дев, засуетились, но команда полковника привела их в чувство. Изготовив оружие, они быстро обогнули наполненную водой чашу и заняли позиции напротив тропинки в зеленых зарослях.

— Арчил Филиппович, пусть ваши солдаты намочат себя водой из бассейна. — Предупредил Урманский и бултыхнулся в воду.

Мастурадзе с недоумением посмотрел на него и повелительно кивнул спецназовцам. Те замешкались, с удивлением смотря на командира. Понятно, что даже легкий бронежилет, намочнув, станет весить вдвое больше, а мокрой обуви вполне достаточно, чтобы обезножить даже самого сильного бойца. Я представил, как острые, сочащиеся ядом, иглы царапают кожу людей и, подавая пример, ухнул в воду.

— Ребята, сухими не пройти. — Выбираясь из бассейна, я прокомментировал свои действия. — Делайте, что вам сказали.

Пиджак с подкладкой из кевлара ощутимо тянул вниз, по ногам стекали неприятные струйки воды, в пижонских остроносых ботинках противно хлюпало, но специфический запах, казалось, пропитал все тело. Мокрые бойцы выглядели также не презентабельно. Отжимая на себе набухшую одежду и похлопывая по бронежилетам, они неодобрительно

смотрели на меня.

— Все, хватит в гляделки играть. — Я показал на первых двух бойцов. — Вы идете первыми до выхода, там занимаете позицию и ждете остальных. Вперед. — Убедившись, что те меня поняли, продолжил. — Здесь остаются водители. Ваша задача не допустить ни кого, я повторяю — ни кого, в здание аквацентра. Ждете нас в течение шести часов, затем, если мы не появляемся, даете сигнал тревоги на известной вам частоте. Иннокентий Константинович, я попрошу вас отправить кого-нибудь из персонала, предупредить руководство базы, чтобы они тихо свернули праздники под благовидным предлогом и отправили всех гостей по домам. В Питер. Причину придумайте сами. И еще, бойцами командую я, как и всеми остальными. Поэтому все мои команды и распоряжения выполнять беспрекословно, без раздумий и немедленно. Господин Урманский в роли проводника находится рядом со мной, остальные сзади. Замыкает и прикрывает тыл капитан Рамазанов.

Инквизитор и полковник с видимой неохотой выслушали, но подчинились. Мне даже не пришлось им объяснять, что профессионал здесь — я. Единственной проблемой оставались дамы, которые с ожиданием смотрели на меня. Фелицию и пару ее подруг я бы взял, не задумываясь — в таком деле от них пользы достаточно, но вот Светка? В то же какое-то неясное предчувствие заставляло тащить ее с собой. Что ж, балласт не такой уж и большой.

Я посмотрел на мокрых девушек и махнул рукой:

— Постоянно находитесь возле полковника, и без дурных инициатив.

Проход в колючих кустах не изменился, лишь у самого выхода виднелись следы земляных работ. Даже навскидку заметно, что взрыв произвели очень грамотно. Если сверху, то есть — снаружи, нам казалось, что проход засыпан наглухо, то изнутри оставалось достаточно места для расчистки обвалившейся земли. Полянка напротив взметнувшейся свежей зелены арки еще несла на себе следы боя. На месте взрыва каплями влаги блестела черная земля, но, самое любопытное, сама арка восстановилась и совсем не отличалась от соседних.

Дозорные сноровисто обыскивали окрестности поляны, и, получив условный сигнал, мы вышли из подземного туннеля.

— Нам — туда. — Инквизитор указал на небольшой просвет среди деревьев в противоположной стороне от нашего предыдущего маршрута.

Место для лаборатории институтские умельцы выбрали правильное. С точки зрения обороны. Расчищенная от растительности площадка в излучине неширокой речки находилась на небольшом возвышении. Сложенные из бетонных блоков стены возвышались метров на пять, из-за них виднелись покрытые шифером скаты крыш. Единственные ворота с маленькой калиткой покрыты серебристой краской и одним своим видом внушали чувство солидной неприступности. Нас разделяло с полсотни шагов, но от жидкого кустарника, где мы притаились, до лаборатории нужно идти по абсолютно открытой местности.

Я прикинул, сколько стройматериалов израсходовали на строительство, и ощутил несоответствие. Вручную по проходу из аквапарка столько не перетащить, да и тропинка, по которой мы добрались до лаборатории, не несла на себе разбитости, присущей усиленной эксплуатации. Без техники здесь не справиться, вручную даже один блок ограждения на несколько метров не поднять. Вот только машины и подъемники сюда доставить проблематично.

— У нас сил для открытого штурма не хватит, а ждать наступления темноты — потеря времени. — Подытожил я результаты осмотра и поинтересовался у Урманского. — Сколько

человек находится здесь постоянно?

— На праздники весь персонал отпущен по домам, должна быть только пара сторожей: один — от института, другой — от Ордена.

— То есть, противник усилился на две единицы и вооружился. — Дядя Арчил озвучил мои выводы. — Несколько человек при достаточном вооружении смогут удерживать этот комплекс очень долго.

— Сомневаюсь. — Инквизитор казался воплощением спокойствия. — Все охранники побирались лично мной, по нам они стрелять не станут.

— Зама своего вы тоже подбирали, а он этого почему-то не оценил. — С ехидством возразил Мاستурадзе.

— Тогда поступим так. — После непродолжительного раздумья произнес Урманский и повернувшись к Фелиции произнес непонятную фразу.

Накки кивнула в ответ и скинула с себя одежду. Зажав в руке, врученную Инквизитором черную визитку, она бесшумно скользнула через редкий кустарник в сторону речки.

— С обратной стороны есть еще один вход. — После некоторой паузы произнес Урманский. — Там выход ведет на дорогу.

Мы с Хеком зло посмотрели на Инквизитора. Такие вещи нужно говорить сразу, а не оттягивать на последний миг. Тактика действий теперь претерпевает значительные изменения, придется рассеивать и так малочисленные силы на две группы, нас просто может численно не хватить.

Увидев мой выразительный взгляд, Рамазанов тихо выругался сквозь зубы и кивком подозвал одного из бойцов. Вскоре они почти бегом начали двигаться по опушке в обход лаборатории. Интересно, сколько еще недомолвок прояснится в ходе этого рейда?

Полковник, уловив мое недовольство, придвинулся к Инквизитору и тихо поинтересовался:

— Уважаемый Иннокентий Константинович, какие еще неожиданные открытия ждут нас? — Так интеллигентно я бы выразиться не смог. — Вы ведь прекрасно понимаете, что действуя на неизвестной чужой местности, без необходимой информации мы обречены на поражение, а оно приведет к гибели людей.

— Каюсь. — В голосе Урманского ни какого раскаяния я не услышал. — Я сам здесь был всего несколько раз и многих деталей не знаю. К тому же, есть некоторые вещи, о которых я только догадываюсь и делать скоропалительные выводы не хочу, во всяком случае, сейчас. Зачем отвлекаться на мелочи?

Мелочи? Да такие мелочи загубят нас всех. К примеру, запасной выход с территории этой чертовой лаборатории.

— А что вы сказали про дорогу? — Голова у Мاستурадзе работала правильно. — Откуда здесь дорога и куда она ведет?

— Долго объяснять. — У Инквизитора почти незаметно дернулась щека, но голос у него оставался спокоен. — Когда займем лабораторию, и если появится необходимость, все разъяснения я вам предоставлю. К исследованиям лаборатории это не относится.

Как там говорила Алиса в стране чудес? С каждым мигом все чуднее и интереснее? Как бы ни огрести по полной программе за такую занимательность. В глазах Дяди Арчила такие бесенята заиграли, и хоть он их и пытается скрыть, но от меня-то, знакомого с полковником не один год, такого не скроешь. Притихшая за спиной Светка после этого короткого диалога зашебуршилась. Я, не глядя, подгреб ее под густой кустарник и, молча,

погрозил пальцем — исследователи, блин, и эта туда же.

Несколько раз щелкнула радиостанция: Хек на месте. И почти сразу из речки вышли несколько девиц-накки. На расстоянии в несколько десятков метров они казались одинаковыми, разве только Фелиция чуть выделялась более роскошной шевелюрой, но и та висела длинными неопрятными мокрыми прядями на плечах и спине. Девушки спокойно подошли к воротам, затем одна из них толкнула дверь калитки и та открылась. Неторопливо, словно пришли к себе домой, накки скрылись во дворе.

Выждав несколько секунд, я вышел из укрытия и, оставив двух бойцов для огневой поддержки, в сопровождении остальных двинулся к входу в лабораторию.

Внутри, за периметром глухого забора, нас встретила тишина. Два строения из бетонных блоков с прикрытыми ставнями окнами занимали почти половину территории, вдоль одной из стен ограды располагался длинный навес, под которым стояли два старых потрепанных грузовика с армейскими номерами. Накки топтались возле небольшого обшарпанного вагончика, от которого тянулись провода к обоим зданиям. Электростанция? Но как все доставили сюда? Машины, оборудование, бетонные блоки, мелкая щебенка, плотным слоем засыпанная по всему двору, — нет, через базу отдыха все это не протащить. Значит, где-то есть проход, способный пропустить достаточно габаритные предметы и, в том числе, груженные автомобили. Нет, не до конца откровенен господин Урманский.

Оба охранника лежали в дизельной. Их убили одинаково выстрелом в упор в лицо. По состоянию ран сразу стало понятно, что смерть наступила не позднее получаса часа назад, а так как ни Вячеслава, ни его спутников в лаборатории не оказалось, значит, они успели покинуть сей тихий уголок. Что ж, преследование придется продолжить, но куда идти? Мы на чужой территории, доверия к Урманскому нет, плюс за счет убитых охранников беглецы смогли довооружиться.

Через тыловые ворота появился Хек. На мой вопросительный взгляд он успокаивающе махнул рукой:

— Все спокойно. Я там Серегу оставил на всякий случай. Нашли хорошую позицию, если что, он сразу сообщит. У вас-то что?

Я ткнул рукой в сторону вагончика и направился к единственной не закрытой двери в одном из зданий. Это оказалось изолированная группа помещений бытового назначения: комнаты отдыха для охраны и остального персонала, небольшая кухня и кладовые. Осматриваясь, я обратил внимание на хорошую защиту, как стен и потолков, так и дверей с окнами. Толстые металлические жалюзи глухо закрывали оконные проемы, а над оббитыми стальными пластинами дверью виднелись две камеры наблюдения.

— Бывают гости нехорошие, по ночам приходят. — Пояснил Урманский, заметив мое любопытство.

— Только по ночам? — Усомнился я.

— В основном. Дневной свет неприятен для многих. Здесь, понимаете, солнечный ультрафиолет посильнее, чем у нас дома. Почему так, я точного ответа не дам.

Не даст, даст и еще как даст, но попозже. Сейчас нельзя терять ни минуты времени. Троица придурков еще гуляет по окрестностям, и вооружены они не плохо — как минимум три единицы огнестрельного оружия против наших пневматических пукалок, которые мы применяли на территории нашей страны. Наши «Бушмены» эффективны на небольших дальностях, но против «калашей» они бесполезны, а у охранников имелись именно эти семь шестьдесят два миллиметровых творения отечественного военного производства.

Я с сомнением окинул взглядом собравшихся во дворике людей. Три бойца из нашей конторы, полковник, у которого мало опыта практических действий, темная лошадка Инквизитор и две дамы, одна из которых даже вообще не человек. Есть еще резерв из дозорных, оставленных Хеком в лесу, но даже сто шагов, отделяющих опушку от лаборатории, расстояние достаточно большое для огневой поддержки.

— Харрис, собирай всех людей. Здесь останутся женщины и два бойца, а мы продолжим преследование.

Услышав эти слова, Светка посмотрела в мою сторону, и ее лицо приняло обиженное выражение:

— Ты бросаешь меня?

— Нет, я не хочу тебя подвергать большей опасности. Против вооруженного противника ты станешь слишком уязвимой, да и я вместо преследования и захвата этих отморожков буду вынужден заниматься твоей безопасностью. — Ласковым голосом объясняю ей очевидную истину. — Мне спокойнее будет, когда ты останешься здесь под защитой стен.

Девушка обиженно отвернулась. Дядя Арчил и Инквизитор в унисон поддакнули, а я начал торопить Хека:

— Давай, быстрее вызывай ребят. Время идет.

— Связь сдохла. — Рамазанов несколько раз щелкнул тангентой и с любопытством посмотрел на меня. — Может, стоит кого послать?

— Ну, дай визуальный сигнал. — Что-то мой помощник начал тупить. — Учить что ли надо?

Хек неопределенно качнул плечами и полез на крышу навеса с автомобилями. Я посмотрел ему вслед и собрался повернуться к остальным, чтобы объяснить порядок дальнейших действий, как ощущение какой-то неправильности заставило задержать взгляд на спине Харриса.

Закинутый за спину пистолет-пулемет заметно оттягивал немного сбившуюся на плече куртку капитана. На легкую пневматику это не тянуло. Боевое оружие? Но почему я об этом не знаю? Что за фигня?

Встав в полный рост, Хек взял в руку оружие и несколько раз взмахнул им над головой. Почти сразу из леса донеслись несколько выстрелов. Наверняка их ни кто не услышал, слишком тихо они прозвучали. Коснувшийся ноздрей легкий запах лилий как-то неожиданным образом обострил слух. Я не только стал слышать все звуки во дворе лаборатории, но все, что творилось в радиусе полутора сотен метров. Шаги людей, шорохи, издаваемые мелкими животными, жужжание насекомых и... ни с чем несравнимый звук взводимого оружия.

Стрелять в падении навскидку наука еще та — все на уровне рефлексов. Такое умение вырабатывается годами упорных тренировок, и не всякий, даже после нескольких лет изнурительных занятий, сможет достигнуть нужного уровня, здесь еще необходим талант.

Я от выстрелов уйти смог, но того мгновения, что затрачено на поражение Хека, ему хватило вполне. Харрис понимал, что ему нужно в первую очередь вывести из строя наиболее опасных противников, и прицельная серия пошла в меня и двух бойцов, стоявших рядом. Я успел опередить смерть на мгновение, но ребята, напросто, ни чего сделать не смогли. Пули, пущенные с расстояния нескольких метров, прошли их насквозь. Точно — бедолаги, как говорил Хек. Одной очередью он смог поразить двух человек из трех, вернее — должен был завалить нас всех, но приобретенное в последнее время странное свойство

чувять непосредственную опасность, плюс навыки, позволили за какой-то миг уйти с линии огня.

Я, прекрасно понимая свою беспомощность, наклонился над застреленными ребятами. Бесполезно — ни какая медицинская помощь им уже не требуется. Упавший с навеса Рамазанов также не подавал ни каких признаков жизни. Забрав у него оружие, я проверил карманы, выгребая различную мелочь, обычно необходимую на боевых операциях. Маленькая прямоугольная коробочка, извлеченная из нагрудного кармана бывшего боевого товарища, меня заинтересовала. Уж слишком она напоминала портативный маячок.

— По-моему, я понял, почему он на последнем рейде не летел с вами в одном вертолете. — Очухавшийся Дядя Арчил начал делать выводы. Чего-чего, а башка у него варит в любой обстановке. — Все-таки проданся наш капитан конкурентам.

— Которые сейчас появятся здесь. — Прервал я своего начальника, протягивая маячок. — Пора сматываться отсюда, прямо сейчас.

Сквозь приоткрытую калитку в воротах я заметил несколько мелькнувших среди деревьев силуэтов людей. Пока они таились, но, без сомнения, через минуту-другую произойдет очень нежелательная встреча.

Подобрав оружие погибших бойцов, я вручил его девушкам и сразу же скомандовал:

— Бегом через тыльные ворота! Быстрее!

Затаившиеся в лесу люди не должны быть дилетантами. После уничтожения дозорных, которых я оставил на опушке, они по логике постараются замкнуть кольцо вокруг стоящей на видном месте лаборатории.

Влетев в редкий кустарник, небольшим выступом вклинивавшийся в очищенное от растительности пространство, я резко остановился, почти уткнувшись в спину Фелиции. Девушка-накки вытянула голову вперед и приняла к лесу, ее ноздри хищно трепетали, ловя малейшие посторонние запахи. Затем она чуть развернулась и мягкой поступью тронулась в гущу леса.

Инквизитор, уловив сомнение на лице Мастурадзе, тихо шепнул:

— Она чувствует лучше любой ищейки, но не надо ее отвлекать.

Пройдя несколько десятков шагов, накки замерла и жестом подозвала нас. Из-под набросанной груды свеженаломанных ветвей доносился специфический запах, напоминавший полевые госпитали. Ни карболка или другие средства дезинфекции, ни медикаменты, а именно этот необъяснимый запах воспаленных внутриполостных ран, который спутать ни с чем нельзя. Не колеблясь, я откинул ветви. За спиной послышался сдавленный вскрик Светки.

Зрелище не для слабонервных и впечатлительных людей. Вячеслав и боец, который ходил с Хеком, лежали почти в обнимку. У спецназовца от уха до уха шею пересекала резаная рана. Почерк уже покойного Харриса, только он мог нанести такие разрезы специальным ножом, который в свое время изготовил сам. У бывшего секретаря Инквизитора оказался простреленным живот. Пусть говорят, что с пулей в брюхе можно надеяться на помощь в течение нескольких часов — все это не обязательно — если задета вена или артерия, человек быстро умирает от внутреннего кровотечения, не дождавшись мучительной смерти от перитонита.

— Каким бы человеком он не был, но такой смерти не заслужил. — Голос Инквизитора прозвучал печально.

— А где колдуны? — Светка, справившись с эмоциями, завертела головой.

— Ушли. — Накки вытянула руку вглубь леса. — Туда.

— Сможешь провести по следу? — Азарта преследования я не ощущал, но каким-то шестым чувством чуял, что нужно добраться до сбежавших институтских деятелей раньше наших конкурентов, и тем более, не попасться им самим — на благоприятный исход встречи надеяться нельзя — ни кто ни какие законы и принципы здесь соблюдать не станет.

— Нужно их похоронить. В этих местах нельзя оставлять тела неуспокоенными.

— Нет. Пускай те и хоронят. — Ответил я Инквизитору и мотнул головой назад, в сторону лаборатории. — Нужно двигаться, или нас уложат рядышком с ними. У нас времени нет. Фелиция, показывай, куда идти.

Урманский вздохнул, но возражать не стал.

Глава 8. Зеркальный

— А теперь — по дороге.

Я недоуменно посмотрел на Фелицию. Мы прошли метров триста от опушки вглубь леса и слово «дорога» прозвучало очень странно.

— Смотри. — Накки преодолела узкую полосу кустов и стукнула копытцем по... асфальту. Почти прямая, метра четыре шириной, полоса дороги уходила дальше в лес, здесь же она обрывалась и в сторону лаборатории тянулась заросшая травой грунтовка со следами от протекторов колес грузовых автомобилей.

— И куда она ведет? — Выбравшийся на дорогу следом за нами, Дядя Арчил с изумлением огляделся.

— В одно очень неприятное место. — Инквизитор брезгливо стряхнул с плеча налипшую паутину и повернулся к нам. — Мы это место назвали — Зеркальный. Когда увидите, сами поймете почему. Кстати, наши друзья, по всей видимости, также направились туда.

— Зачем? Вы ведь сами сказали, что это место очень неприятное.

— Господин полковник, для настоящих городских обывателей любой незнакомый лес страшнее, хоть и поганого, но города. — Менторским тоном произнес Урманский. — Там есть, где укрыться перед наступлением ночи, до которой осталось не так уж и много времени.

— А что им мешает затаиться на опушке и после нашего ухода вернуться назад, к переходу домой?

— След есть? — Инквизитор повернулся к накки.

Фелиция кивнула в ответ и, прислушиваясь к чему-то, сделала несколько шагов по асфальту.

— Может, ну их? — Неожиданно произнесла Светка, до этого промолчавшая почти все время. — Ведь ни куда они отсюда не денутся, а нам тут делать нечего.

— Вы, девушка, так ни чего и не поняли. — Мاستурадзе уперся взглядом в Светку. — Не мы сейчас преследуем, а нас. Наверняка у арки прохода имеется засада, которую не пройти, и даже нам, почти городским обывателям, высидеть в незнакомом лесу, где всякое может случиться, и, имея погоню за спиной, очень проблематично.

Я помалкивал, и лишь когда посчитал разговор законченным, посмотрел на часы и нейтральным голосом поинтересовался:

— Что случится раньше: наступит ночь или нас догонят? — Не услышав в ответ ни слова, я показал рукой в направлении дороги. — Тогда — вперед.

Растрескавшийся асфальт местами вспучивался от напора древесных корней, невысокая трава и бледные пластинчатые грибы торчали из выбоин, но в целом дорога сохраняла рабочее состояние — идти по ней оказалось легко. Начинаясь вечер, в лесу стало заметнее темнее, а за пределами дороги все больше и больше угадывалась невидимая глазу жизнь. Какая-то живность шебуршилась под лесным пологом, из-за деревьев слышались уханье и треск валежника, откуда-то сверху раздавались визгливые звуки, напоминающие свару обезьян в тропических джунглях, но шедшая впереди водяная дева на все это реагировала спокойно. Пару раз она останавливалась и внимательно вглядываясь перед собой, поднимала

руку, призывая нас сделать то же самое. Мне показалось, что наша дозорная пропускала впереди себя нечто невидимое. Отставая на несколько десятков шагов, разглядеть причину остановок возможным не представлялось, но я почему-то пребывал в уверенности, что серьезной опасности нет.

На темнеющем вечернем небе стали заметными крупные звезды, а сумерки начали ощутимо сгущаться под кронами деревьев, как мы подошли к распахнутым перекошенным железным воротам. За ними лес раздвигался, и перед нами предстал довольно большой поселок, состоящий из нескольких десятков двух и трехэтажных домов. Несколько крайних строений были частично разваленными, и мне стало ясно, откуда взялись стройматериалы для возведения лаборатории, но остальные дома казались совершенно целыми.

— Вот он — Зеркальный. — Произнес Инквизитор, когда мы подошли к воротам, где нас поджидала Фелиция. — Одна из загадок здешнего мира. Здесь находится жилая зона, за ней метрах в пятистах военный городок с казармами, дальше — техническая территория, а в самом конце — какой-то производственный комплекс. Я сам здесь не был, но видел фотографии и читал подробные отчеты. Мертвый город, который непонятно каким способом переместился из нашего мира сюда. И довольно опасное место. Когда его нашли, сначала с визгом кинулись изучать. Как же — такое событие. Но довольно скоро начали бесследно пропадать люди, несколько человек погибли при непонятных обстоятельствах, а некоторые попросту сошли с ума. С руководством института мы пришли к соглашению, что всякие посещения Зеркального необходимо прекратить. Стоял вопрос и о ликвидации лаборатории, но ее решили пока оставить.

— Почему назвали Зеркальным? — Спросил я, внимательно рассматривая мертвый поселок.

— Сначала посчитали, что это какая-то зеркальная проекция населенного пункта, расположенного на территории нашей страны. Группа специалистов в течение нескольких лет пыталась найти его, но безрезультатно.

— Город 037ИС. Вы его ни когда бы не нашли. — Мастурадзе по-птичьи вывернул шею, всматриваясь в строения поселка. — В тридцать седьмом году на базе одного из учреждений ГУЛАГа создали «шарашку» по проектированию и разработке психотропного оружия, которая просуществовала до конца сталинской эпохи. Сначала здесь работали зэки, а с конца войны — военнопленные. Когда в них отпала необходимость, всех ликвидировали, как и часть персонала, показавшуюся ненадежной. При Хрущеве здесь возник режимный объект, всецело контролируемый КГБ. Разместили небольшую воинскую часть, которая прикрывала по легенде лабораторный комплекс, и, одновременно, осуществляла его охрану. В семидесятых годах произошло ЧП, в результате которого большинство находящихся там людей погибло, а выживших эвакуировали и судьба их мне, во всяком случае, не известна. Несколько раз специальные комиссии пытались разобраться в произошедшем, но каждый их приезд сопровождался чередой несчастных случаев и необъяснимых явлений. В конце концов, объект заблокировали под охраной специального подразделения КГБ и там находится небольшая исследовательская группа, пытающаяся разобраться в происходящем, но все слишком засекречено, чтобы в стране об этом что-нибудь знали. Спецслужбы провели большую работу по маскировке объекта от населения.

— Как?

— Закрытая зона, как результат неудачного проведения серии подземных ядерных взрывов. Помните компанию по повороту северных рек на юг для восстановления

среднеазиатских водоемов и наполнения рек целинного региона?

— А вы-то откуда знаете? — В голосе Инквизитора прозвучал заметный скептицизм.

— Год назад наш отдел был подключен к программе «Город 037ИС», и мы получили доступ к части, я обращаю внимание — к части, информации. Весной планировался выезд научной группы непосредственно к объекту. Кстати, — Мاستурадзе повернул голову в мою сторону, — для обеспечения безопасности экспедиции планировалось привлечение вашей группы.

Опа-на! Интересная новость. Сразу вспомнился последний разговор с шефом, ведь именно тогда, выходя из кабинета Свиягова, я впервые услышал это название.

— Будем живы — разберемся. — Я демонстративно, с преувеличенной внимательностью, оглядел окрестности мертвого городка. — Место для продолжительных бесед мы выбрали немного неудачно. Сначала нам необходимо определиться с ночлегом и обеспечить нашу безопасность. За спиной, возможно, продвигаются в нашу сторону вооруженные конкуренты, которым не имеет смысла нас оставлять в живых, впереди — непонятные строения, напоминающие ловушку. Ночевать в лесу — опасно. Какие наши действия? Ведь до наступления темноты осталось мало времени. — Я поднял глаза в сторону наливающегося на востоке чернотой неба. — Через полчаса наступит ночь, а для некоторых обитателей здешних мест она давно уже наступила.

Словно в подтверждение моих слов из глубины леса донесся протяжный вой, от которого волосы на голове встали дыбом. Светка испуганно прижалась ко мне, на лицах Дяди Арчила и Инквизитора проскочили гримасы беспокойства. Лишь Фелиция выгнулась по-звериному и издала гудящий, на грани слышимости, звук.

— Волки вышли на охоту. Они пока далеко и у них есть добыча. — Девушка-накки небрежным движением закинула груди на плечи и, покачивая бедрами, пересекла границу городка. Пройдя несколько шагов, она остановилась и, не поворачиваясь, громко произнесла. — Идите за мной. Я постараюсь найти безопасное место.

Городок, а точнее его можно назвать поселком городского типа, вблизи вызывал двоякое впечатление. Некоторые дома, не смотря на архаичность построек, казались новыми, как будто возведенные пару месяцев назад, другие — представляли собой ветхие состарившиеся строения, тронь рукой, и рассыплются в труху. Выложенные выщербленным кирпичом дорожки усеивали груды прелых листьев и мусора, но местами казались вычищенными, будто после работы добросовестного дворника. Большинство окон поблескивали стеклами, отражавшими побагровевшие лучи уходящего за горизонт солнца.

Фелиция вела нас вдоль фасадов жилых домов с обязательными скамейками у подъездов, но близко к распахнутым или покосившимся входным дверям не подходила. Она передвигалась неторопливо, постоянно задирая голову, словно прислушиваясь и принюхиваясь к мертвым строениям. Мы же послушно следовали за ней, не забывая при этом, озираясь по сторонам и держать оружие наготове. Мрачный вид заброшенного городка вызывал тревогу.

— Заночуем здесь. — Накки остановилась возле трехэтажного дома и направила палец в дверь ближайшего подъезда. — Я не ощущаю опасности.

— А эти куда пошли? — Настороженно спросил Мاستурадзе, мотнув головой в сторону видневшегося в конце улочки покосившегося бетонного забора.

— Колдуны? — Переспросила Фелиция и дождавшись утвердительного кивка тихо произнесла. — Скорее всего, в казармы, но я бы не рискнула наобум лезть туда. Слишком

сильная аура смерти.

— Я — первый. — Дядя Арчил взял наизготовку оружие и шагнул в подъезд, следом, озираясь по сторонам, двинулись остальные.

Для того чтобы подпереть изнутри не имеющую замка дверь, мне пришлось задержаться в поисках подходящей палки. Ничего путного рядом не оказалось, удаляться от дома желания не возникало, и пришлось выдирать из земли металлический остов сгнившей скамейки. Перед тем как запахнуть дверь, я огляделся и чуть не выпустил увесистую железяку себе на ноги. Напротив входа в подъезд сидела большая собака неопределенной породы, какая-то смесь сенбернара и среднеазиатской овчарки. Животное смотрело на меня почти человеческими глазами, но ни каких действий не предпринимало. Затем оно лениво зевнуло, распахнув пасть, усеянную двумя рядами крупных зубов, и отвернулось. Я, стараясь не шуметь, затворил дверь и быстро подпер ее металлической конструкцией, зафиксировав другим концом о нижнюю ступеньку, и лишь потом, судорожно вздохнув, понял, что все это время действовал затаив дыхание.

На площадке третьего этажа поджидал наш полковник и, ни чего не говоря, он показал на приоткрытую дверь, затем, пропустив меня, сразу же зашел в квартиру следом. Проходя по узкому коридору, я услышал за спиной скрежет закрываемых запоров. Дяде Арчилу ни чего объяснять не нужно — он знает, что делать и когда. Я в душе поаплодировал своему начальнику, который продемонстрировал, что он сам выполняет то, чему учил нас — осторожности и основательности.

Квартира оказалась не маленькой. Коридор, кухня, совмещенный санузел и две смежные комнаты по площади отличались от всем известных «хрущевок», которых понастроили в большинстве городов страны. Серые от пыли и подтеков стекла вкупе со стремительно наваливающейся на поселок ночью давали мало света, но спартанскую обстановку квартиры разглядеть можно.

Почему-то все собрались на кухне. Светка перебирала что-то в ящиках кухонного стола, а Инквизитор с Фелицией стояли у окна, пытаясь рассмотреть, что происходит за стенами дома.

— Так, — я немного повысил голос, чтобы привлечь внимание, — не будем тратить время. Отдыхают по двое, очередность — каждые четыре часа. Отдых — это, значит, сон. — Уточнил я, заметив, как лицо наkki мелькнуло выражение упрямства. — Я не хочу, чтобы завтра вы все выглядели словно с глубокого похмелья.

— Мне сон не нужен. — Фелиция качнула длинными грудями. — Только при температуре воды, близкой к замерзанию, я впадаю в спячку. В остальное время я не сплю. Оно мне не нужно. А вот восстановить чуток энергии мне необходимо. — Она плотоядно растянула губы и ее лицо сразу стало некрасивым.

— Мы с тобой отдыхаем сейчас и дежури́м вторую половину ночи. — Инквизитор приобнял наkki за плечи и со смущенной улыбкой добавил. — Все будет нормально, только мы займем дальнюю комнату.

Зеленые глаза Фелиции засветились в полумраке яркими светлячками, но Урманский, придерживая свою нелюдь за талию, увлек ее в темный коридор.

— Ты, — я повернулся к Светке, — отдыхаешь всю ночь. Такие приключения могут измотать не только слабую городскую девушку, но и крепкого мужика. К тому же, польза от твоих способностей зависит от твоего состояния. Мне бы хотелось видеть тебя утром бодрой и готовой ко всему.

Светка прижалась к моей груди и тихо прошептала:

— Мне одной будет страшно.

— Я все время буду находиться рядом, ни чего не бойся и спи.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Длинный диван стоящий вдоль стены большой комнаты оказался достаточно крепким и совершенно не скрипучим. Накрыв девушку каким-то пальто, найденным в шкафу и убедившись, что она заснула почти сразу, я окликнул Дядю Арчила:

— Товарищ полковник, без толку сидеть в коридоре, если двери заперты на замки. Лучше присоединяйтесь ко всем. Заодно есть о чем поговорить.

— Нет, лучше всего находиться в коридоре. — В распахнутой двери появился Мاستурадзе. — Отсюда можно контролировать вход, кухню и большую комнату.

Что ж, Дядя Арчил оказался прав. Не смотря на узость коридора, два стула там поместились, и, мы смогли даже вытянуть ноги, сев друг к другу спиной.

Даже через запертые окна и двери, за стенами дома ощущалась бурная жизнь. Шорохи, топот чьих-то ног, взвизги и звучащее на грани восприятия глухое рычание доносились до нас отчетливо. Мастурадзе несколько раз порывался подойти к окнам. Но каждый раз я его одергивал, шепча суеверную фразу: «Не буди лихо, пока оно спит». Мне казалось, что если кто-нибудь из нас выглянет в окно, то все твари, а в том, что за стенами дома гуляет опасная для человека нечисть или что-нибудь в этом роде сомнений не возникало, обязательно обратят на нас внимание.

Из малой комнаты доносились поскрипывание кровати и учащенные вздохи. В моем понимании такое проведение отдыха по восстановлению сил лишено смысла, но на мое замечание по этому поводу полковник совершенно серьезно спросил:

— Ты разве не понял, как такого рода нечисть запасается энергией? — Даже в темноте Мастурадзе уловил мое изумление. — Инкубы и суккубы, мавки и накки, энергетические вампиры и множество других существ получают основной запас внутренней энергии за счет чужих эмоций и отбирая у жертвы жизненную силу. Одним нужно много и они опустошают человека за считанные минуты. Для других достаточно той толики, какая содержится в сроке оргазма. Третьи кормятся страхами и другими негативными околошоковыми состояниями. Ведь адреналин, выпрыскиваемый в кровь, имеет свой запах, который многие существа и сущности ощущают так же, как акулы запах крови. К счастью, в нашем случае для этой грудастой парнокопытной твари нужно не так уж и много, хотя на здоровье главы местной инквизиции останется негативный след. Я не знаю, часто ли они трахаются, а секс является для накки главным способом накопления энергии и сил, но постоянные походы за так называемым омоложением организма и есть результат перекачки жизненных сил от человека к нелюди. Хотя, человек — это такая гнусная скотина, что я не удивлюсь возникновению симбиоза. Она качает энергию и силы из него, но она же помогает восстановить их и при этом создает иммунитет от ряда заболеваний и продлевает жизненный срок. Вот только боюсь, что когда-нибудь все это закончится плохо: либо она ошибется в дозировке отнятых сил, либо он не уложится в сроки новой процедуры омоложения.

Слушая тихие неторопливые рассуждения полковника, я поймал себя на мысли, что он владеет большой информацией обо всем происходящем в этом, якобы закрытом для всех, сообществе.

— Случившийся заговор против главы местного Ордена Инквизиции имеет две

причины, и одна из них, как раз, именно близкая связь с некоторыми представителями нелюди. Считается, что любая нелюдь и нечисть неконтролируемы или недостаточно контролируемые, а значит — их необходимо ликвидировать. К сожалению, уважаемый господин Урманский не всегда прислушивался к окружающим его людям и не смог своевременно загасить возникшие противоречия, что и послужило питательной средой для комплота.

Неожиданно полковник замолчал. Мне показалось, что в коридоре стало немного светлее, как будто что-то осветило одну из стен.

— Ни хрена себе! — В голосе полковника улавливались нотки удивления.

Одно из зеркал в прихожей засветилось словно телевизор. Затем там возникло изображение коридора в дневном свете. Молодая женщина с испуганным лицом суетливо упаковывала большой чемодан, рядом стояла, прижимая к груди большую тряпичную куклу, девочка дошкольного возраста и с тревогой смотрела на нее. Появилось изображение мужчины в военной форме, с капитанскими погонами на плечах. Офицер что-то нетерпеливо проговорил и на его лице возникло жесткое выражение. Он еще несколько раз произнес какие-то фразы, затем подхватил на руки девочку и выбежал на лестницу. Женщина, оставшись одна, растерянно посмотрела на раскрытый чемодан и, подхватив небольшую сумку, повернулась к двери. Изображение подернулось мелкой, еле уловимой, рябью и женщина начала медленно заваливаться на пол. Яркая вспышка, словно прожектор ударил в стекло и изображение начало тускнеть.

Несколько минут мы тупо смотрели на зеркало. Внутри неприятным холодком зарождалось чувство страха, только что увиденная нами трагедия позволила уловить весь ужас случившейся много лет назад катастрофы в отдаленном военном городке.

— Что ты на это скажешь? — Голос полковника прозвучал сдавленно, словно горло ему перетянули удавкой, но в этот миг зеркало засветилось вновь.

Тот же коридор, полураскрытый чемодан на тумбочке, тускло горящая лампа под потолком. Два человека в защитных противохимических костюмах и в противогазах проходят по коридору. На груди одного из них висит футляр прибора, похожего на рентгенометр. Они нагибаются и поднимают тело женщины. Ее лицо напоминает обтянутый синюшного цвета кожей череп. Едва они и то, что осталось от хозяйки квартиры, исчезают, как появляются еще два человека, одетых в химзащиту. Они внимательно прощупывают стены с помощью узкой трубки, похожей на миниатюрный зонд. Один из них остановился напротив зеркала и ткнул трубкой в стекло. Изображение резко подернулось рябью и погасло.

— Что ты скажешь? — Вновь повторил Мاستурадзе.

Я хмыкнул и на всякий случай немного отодвинулся от зеркала. С любыми зеркальными поверхностями шутить ни как нельзя. Никогда не знаешь, что там за блестящей поверхностью стекла: просто отражение или нечто другое, связанное с чуждым миром. Есть достаточно мало объяснимых случаев, когда люди становились жертвами таких связей.

Неприятное ощущение чужого взгляда буквально ударило по нервам. Привставший рядом Дядя Арчил замер в неудобной позе, как будто оцепенел. Не смотря на полную темноту, я почему-то смог это заметить. И еще кое-что.

Включенный фонарь мобильного высветил набухающую пузырем зеркальную поверхность. Короткая очередь, выпущенная из вскинутого «Бушмена» пришлась в центр растущей выпуклости. С глухим звоном, похожим на звук рвущейся басовой струны,

напичканные всевозможными составами иглы пробили искривившуюся стеклянную гладь. Ясно различимый вздох пронесся по коридору, и зеркало осыпалось мельчайшими кристаллами.

Я осторожно посветил на то место, где только что висело зеркало. В рассеянном свете фонаря ясно различалась прямоугольная рамка, внутри которой виднелась плохо заштукатуренная часть стены.

— Вот, блин, чуть не влипли. — Мاستурадзе разогнулся и осторожно провел стволом оружия по стене. — Еще бы немного и мы легли здесь покойниками. Спасибо, что сообразил выстрелить.

— Зеркальный человек? — предположил я.

— Возможно. — Дядя Арчил пожал плечами и в то же мгновение его настороженный взгляд переместился мне за спину.

— Это — я. — Донесся чарующий голосок Фелиции.

Накки, качая свесившимися до пояса грудями, бесшумно подошла к нам и, без стыда почесав между ног, посмотрела мне в лицо. Яркие зеленые глаза, казалось, фосфоризировали во мраке коридора. Я повернул мобильник светящимся лучом к ней и чуть не сделал шаг назад. Выражение лица водяной девы меня насторожило, оно совершенно не напоминало образ сексуальной светской львицы, каким обычно она представляла перед окружающими людьми. Не лицо, скорее — морда голодного хищника, вышедшего на охоту.

— Мне нужно выйти. — Нежный голосок, ну ни как не соответствовал звериному оскалу.

— Сергей, пропусти ее. — Спокойный голос Дяди Арчила подействовал на меня немного успокаивающе. — Ей действительно необходимо прогуляться.

— Душечка. — Мурлыкнула накки и прошествовала к двери. Отперев замки, она игриво помахала ладошкой и предупредила. — Я не надолго, но запоры замкните.

Едва водяная дева скрылась в почти абсолютной темноте лестничной площадки, Мاستурадзе со стуком захлопнул дверь и заскрежетал замками. Убедившись, что двери представляют собой хоть не особо надежную, но преграду для проникновения с другой стороны, он перевел дыхание и тихо произнес:

— Веселая подружка у нашего Инквизитора. Я даже не представляю, как он с нею справляется. Пойдем, проверим все ли нормально в комнатах.

И Светка, и Инквизитор тихо спали в своих комнатах. В том, что с ними все в порядке, можно легко определить по тихому спокойному дыханию. На всякий случай, я нагнулся над закутанной в пальто Светкой и в этот миг протяжный жалобный вой послышался с улицы.

— Сергей, посмотри. — От окна донесся голос Дяди Арчила. — Наша красавица вышла на тропу войны.

В призрачном свете луны я разглядел стоящую на середине дорожки, что пролежала между домов, Фелицию. С полтора десятка собак, настороженно задирая морды вверх, кружили вокруг нее, но, не атакуя, а будто чего-то ожидая. Накки раскинула руки и вновь издала вой. Собаки отпрянули и сели вокруг, повернувшись мордами в ее сторону.

— Порвут же... — пробормотал я, комментируя увиденное.

— Кто? — В голосе Мاستурадзе прозвучало удивление.

— Как кто? Собаки.

— Какие собаки? Где ты их видишь?

Я повернулся к Дяде Арчилу и постарался объяснить увиденное, но мои слова вызвали у

него еще большее удивление:

— Я кроме нашей дэушки ни кого не вижу. Стоит, воет, руками разводит. Будто колдует или кого-то приманивает.

Из комнаты, где отдыхал Урманский, послышались скрип кровати и шаги. Лицо появившегося Инквизитора не выглядело заспанным и несло печать небольшой усталости.

Молча кивнув, он подошел к окну и посмотрел на свою подругу, затем бросил взгляд на меня и спросил:

— Ты видишь, кто стоит вокруг нее?

Я утвердительно кивнул и добавил:

— Собаки. Больше десяти голов. Кстати, одну из них я видел еще вечером, когда мы заходили в дом.

— Я тебя поздравляю. Не многие могут разглядеть призрачных псов. Чаще всего это случается, когда кто-нибудь из них успеет вцепиться в горло, но это — последнее, что человек может увидеть в своей жизни.

— Призрачные псы? — Переспросил Мастурадзе.

— Они самые.

— Значит, где-то рядом находится их погонщик.

— Псарь. Так нужно называть его правильно.

— Но, откуда они здесь? Ведь...

— Они обитают в заброшенных городах и поселках. — Перебил Дядю Арчила Урманский. — Уходят люди, бросая собак. Животные сбиваются в стаи, а затем появляется Псарь. В Чернобыльской зоне мне известны четыре таких стаи, а в последнее время и на Северо-западе в заброшенных деревнях также стали появляться.

— За женщину свою не волнуетесь?

— Пока не появился Псарь — нисколько. Без него все эти собачки — вкусная дичь для Фелиции.

— А с Псарем? — Поинтересовался Мастурадзе, устраиваясь у окна поудобнее.

— Посмотрим. — Голос Инквизитора оставался равнодушно-спокойным. — Все зависит от действий Псаря. Может, подерутся, а может, разойдутся в разные стороны.

Я слышал много историй про стаи одичавших собак, которые, по сравнению с диким зверьем, абсолютно не боялись людей и включали их в свою пищевую цепочку. Но эти... даже с такого расстояния можно разглядеть, что они какие-то неправильные. Дядя Арчил их не видит, я вижу крупных, но тощих псов, а что видит Урманский — одному богу известно.

Фелиция чуть пригнулась и молниеносно метнулась к сидевшей напротив ее собаке. Что сделала накли с животным, я разглядеть не сумел, но создалось впечатление, что водяная дева попросту разорвала пса надвое голыми руками. Остальные собаки с испуганным визгом отпрянули назад, а подруга Инквизитора погрузила голову в обнажившуюся плоть.

— Надеюсь, что ей этого хватит. — Тихо пробормотал Урманский, не отрывая взгляда от окна.

— Людей тоже кушает? — Ехидно поинтересовался Мастурадзе. Видно полковник все-таки услышал и что-то понял.

— Фелиция — нет, но при встрече с дикой и очень голодной накли необходимо быть осторожным.

— Учтем.

Из-за угла дома появилась человеческая фигура в длинном темном плаще с накинутым на голову коническим капюшоном. При его виде собаки оживились и забегали вокруг Фелиции с негромким потягиванием, но водяная дева на них не обращала ни какого внимания. Она с глухим урчанием, доносящимся даже до нас, вгрызалась в собачью плоть.

Псарь неторопливо приблизился к накке и одним движением руки загнал собак себе за спину. Фелиция отбросила в сторону то, что осталось от туши животного, и повернулась к нему. Псаря и водяную деву разделяли несколько шагов. Когда фигура в капюшоне остановилась, за его спиной возбужденно залаяли собаки, но хватило легкого движения хозяйской руки, чтобы они замолкли и послушно сели. О чем говорили встретившиеся посреди улицы накке и псарь, я не услышал, но в том, что диалог состоялся, даже и догадываться не пришлось. Очень часто нелюдь и нежить могут общаться способами, недоступными для людей. Эмоции, колебания, не воспринимаемые обычными органами чувств, или еще что-нибудь в этом роде — нам дано лишь догадываться и предполагать. Нечто подобное происходило перед моими глазами.

Закончилось все благополучно, по моему мнению. Слегка покачивая головой, Псарь постоял перед Фелицией, которая что-то втолковывала ему, сопровождая слова непонятными жестами. Затем он повернулся к накке спиной и неторопливо пошел по дорожке в сопровождении своей притихшей стаи. Водяная дева дождалась, пока все они скроются из виду, потом резко развернулась и легким шагом побежала в другую сторону.

— Что она там сказала? — Мастурадзе задумчиво потер нос. — Призраку этому.

— Это — не призрак, а Псарь, — меланхолично уточнил Инквизитор, — он так же материален, как и его питомцы. Скорее всего, Фелиция откупилась.

— Словами?

— Нет. Навела на добычу, которая удовлетворит их.

— А если не удовлетворит? — Мне показалось, что Мастурадзе попросту поддразнивает Урманского своими вопросами.

— Тогда стая будет мстить, а скрыться от ее мести в нашем положении затруднительно. Мы не дома.

Светка тихо посапывала в кровати под ворохом теплой рухляди. Я, оставив Дядю Арчила и Инквизитора у окна, присел на краешек кровати. Девушка, ощутив мое присутствие, заворочалась и прижалась ко мне. Даже в темноте я увидел, как на ее лице возникло выражение умиротворенности и покоя.

Под тихое Светкино дыхание в голову лезли разные тревожащие мысли. Сложившаяся ситуация мне, конечно, не нравилась, но считать ее фатальной не стоило. Да, мы находимся невесть где. Да, опасностей вокруг хватает. Да, неизвестно, что нас ожидает через минуту, час, сутки, но бывали в моей биографии и более трудные моменты. В принципе, у нас сложилась команда, у которой есть взаимопонимание и конкретная цель, необходимая и желанная для всех, в одиночку ее добиться труднее. Даже при непонимании некоторых действий Инквизитора, наличии среди нас опасной нелюди Фелиции и возможной охоты со стороны заговорщиков и непонятной группировки, которой продался Хек, мы сможем вернуться домой. В родном доме и стены помогают. У Мастурадзе найдутся варианты силовой поддержки, у Урманского, наверняка, также остались какие-то козыри в рукаве. Анализируя последние события, я убедился, что основной причиной нашего временного поражения и бестолкового бегства стала обычная расслабленность в ожидании скорой победы и поспешность в некоторых действиях. Сейчас, главное — вернуться назад, а там

посмотрим, кто со щитом, а кто будет на щите. Беспокоило только одно слабое звено — Светка. Маленькая ведьмочка оказалась слишком дорога для меня, чтобы подвергать ее риску, а без него цели не достичь. Я осторожно нащупал руку девушки, ощущая идущее от нее тепло, но перед мысленным взором возник образ пленницы из зороастрийской деревни, той самой, которая являлась мне в последнее время. Девушка откинула хиджаб, и на меня взглянуло Светкино лицо, но ее глаза отливали не характерной для моей подруги зеленью. Отпустив руку, я открыл глаза.

— ... Сергей! Ты спишь что ли? Смотри сюда. — Голос Дяди Арчила казался немного испуганным и напряженным.

Луна спряталась за непроницаемые тучи, но за окнами не было той темноты, которая характерна для середины беспроглядной ночи. Казалось, что воздух немного светится сам, словно при рассеянном свете. Сам поселок казался накрытым светящимся прозрачным облаком. В полной тишине по дорожкам, проложенным между домами, двигались фигуры людей. Домохозяйки с авоськами и детьми неторопливо шествовали по тротуарам, иногда проявляя эмоции в виде объятий или жестикуляции при встречах, одетые в военную форму старого образца целенаправленно спешили мужчины, группа подростков в серых школьных костюмах деловито суежилась среди развалин детской площадки. И абсолютная тишина.

— Смотри. Второй подъезд слева. — Зашептал полковник.

Возле указанного подъезда стояло несколько женщин, что-то обсуждая. Я видел, как некоторые из них взмахивают руками, словно высказывая удивление, другие вертели головами, выискивая кого-то из проходящих людей, у перекосившейся скамейки деловито копошились трое детей младшего школьного возраста. Внезапно дверь подъезда резко распахнулась, как будто от сквозняка, оттуда метнулась черная тень, кажущаяся на общем фоне не просто темной, а антрацитно-черным сгустком тьмы. Тень подскочила к одной из женщин и, обхватив руками, больше напоминающими гибкие щупальца, резво утащила ее в подъезд, который казался из-за открытой двери бездонным черным провалом. Остальные люди, находившиеся там, не обратили ни какого внимания на исчезновение товарки, продолжая бурное обсуждение. Через несколько минут тень вновь выметнулась из мрака подъезда, уменьшив компанию еще на одного человека.

Что мы увидели, гадать было бесполезно. Я окинул происходящее за окнами многолюдье и чуть не присвистнул — похожие черные тени появлялись и среди идущих прохожих. Патруль из трех человек медленно продвигался по краю дорожки, как за спиной одного из патрульных возник черный силуэт с извивающимися конечностями. Резкий захват за плечи, тело дернулось и исчезло, словно растаяло, но уменьшившийся на одного человека патруль невозмутимо продолжал шествовать по краю тротуара.

Не прошло и много времени, как на улице остались единицы людей, но они стали передвигаться более быстро и осторожно. Однако, это им не помогало. Пару раз мужчины в форме пытались изобразить противодействие, но все напоминало схватку медленно движущегося слепца с более скоростным и зрячим противником.

— Вот так погибло население городка. — Голос полковника выдавал его задумчивость. — Когда спецотряд министерства прибыл туда, по докладам, у большинства людей не имелось ни каких признаков поражений. Инфаркт, инсульт, остановка дыхания — других диагнозов я не видел. Были и живые, но лучше смерть, чем такая жизнь. Полное отсутствие личности. Растение без корней. И все они очень быстро умерли, не взирая на медицинскую помощь. Печальный пример города 037ИС. А сколько еще таких же поселков

и городов, ожидающих подобное?

На опустевшей улице уже метались только черные тени. Их становилось все больше и больше, они появлялись из темных провалов окон и дверей. Внезапно словно порыв ветра пронесся по безлюдным улицам, заставляя тени колебаться, отрывая их от земли неся в сторону военного городка. Некоторым из них удавалось зацепиться за стены домов, и тогда они застывали черными кляксами на кирпичных и бетонных фасадах, постепенно становясь прозрачными и растворяясь в камне.

— Не нравится мне такое. — Дядя Арчил тревожно прижался к стеклу, высматривая что-то внизу.

Уточнить, что не нравится полковнику, я не успел. В углу комнаты часть стены показалась мне темнее, чем остальные ее участки. С тихим шорохом, сгустившийся комок тьмы отделился от выцветших обоев и начал принимать очертания человекоподобной фигуры. Резкий запах лилийшибанул в нос. Извивающаяся конечность потянулась к спине ни чего не подозревающего Мاستурадзе.

Я вскинул оружие, при этом понимая, что даже наши напичканные смертью иглы бесполезны против такого явления. Женская фигура в накинута на плечи платке появилась сбоку от чудовища. Лишенная оружия тонкая женская рука протянулась к щупальцу, которое почти достала до плеча полковника. Дядя Арчил видимо ощутил опасность и резко откинулся в сторону, пытаясь при этом развернуться лицом к возникшей угрозе. Несмотря на хрупкий внешний вид, сил в руках незнакомки оказалось больше, чем достаточно. Прихватив другой рукой еще одно щупальце, женщина без особых усилий скрутило появившуюся в комнате тварь в черный комок и, резко разведя руки в стороны, разорвала его словно гнилой мешок. Блеклые тени, вылетевшие из разорванного куска тьмы, ночными мотыльками метнулись к оконному стеклу и исчезли.

Женщина привычным жестом тряхнула руки, словно освобождая кожу от сухой неприятной черной пыли, и повернулась к нам. На ее лице возникла лукавая улыбка, и она шаловливо погрозила остолебеневшему полковнику пальчиком. Бесшумно ступая по рассохшемуся полу, она направилась в проем, соединяющий комнату, где отдыхал Инквизитор, но неожиданно остановилась, еще раз повернулась в нашу сторону и шевельнула губами, будто что-то произнесла. Затем рука женщины взялась за край хиджаба, и платок соскользнул с ее головы. Взмах тончайшей материи показался легким касанием ветерка.

Мастурадзе обалдело пялился в проем, где только что стояла незнакомка. Гамма чувств, от ужаса до восторга отразилась на его лице. Заговорил Дядя Арчил лишь спустя некоторое время, когда его эмоции немного улеглись.

— Ты видел это?! — Полу-вопрос полу-утверждение смешались в голосе полковника, но даже в полумраке я заметил, как хищно прищурились его глаза. — Очень напоминает мне описание странной пленницы, захваченной неким майором Рябовым и исчезнувшей при пересадке на подводную лодку. Но даже это не главное... — Он сделал паузу и заговорил менее эмоционально. — Знак Ахура-Мазда. Медальончик на груди. Тебе, майор, покровительствует очень могучая особа, почти божество, Амеша-Спента, кажется. Только такие создания ни чего просто так не делают — когда-нибудь придется платить, и цену назначают они сами. Да, влип ты по самую маковку. Я даже не знаю, что с тобой делать в дальнейшем.

— Увольте по служебному несоответствию.

— Ты прекрасно понимаешь, что из нашей конторы просто так не увольняют. Только по здоровью или дискредитации.

— Или по случаю смерти при выполнении задач по защите Отечества. — Неожиданно связвил я.

— Брось. — Мاستурадзе устало махнул рукой. — У меня и так голова кругом идет, а тут еще ты выпендриваешься. Ладно. — Полковник понизил голос до шепота. — Будем считать, что ни чего не произошло. Ты — не дурак, чтобы выпячивать такое знакомство, а я — не самоубийца, чтобы лезть с голой задницей на ежа, но приглядывать за тобой буду. К сожалению, у зороастрийцев все силы четко поделены на добрые и злые, а какую половинку представляет твоя знакомая, мне все-таки не ясно.

— Но она же спасла нас.

— Логика действий таких существ не подвластна человеческим представлениям о них. Но будь, что будет, надеюсь, что моя интуиция меня не подводит.

Едва Мастурадзе произнес не до конца понятную для меня фразу, как послышался негромкий стук в дверь. Не сговариваясь и стараясь не шуметь, мы, направились в коридор. Стук повторился, затем донесся негромкий женский голос:

— Это я — Фелиция. Откройте.

Я молча показал Мастурадзе на дверь и направил свет от фонаря мобильного на проход.

— Отойди на два шага назад и стой напротив двери. Я хочу убедиться, что это — ты. — Я произнес негромко, но в том, что накки меня услышала, не сомневался.

— Я отошла.

По моему кивку Дядя Арчил резко распахнул дверь, и тусклый луч от дисплея осветил стоящую на лестничной площадке водяную деву.

— Заходи быстро. — Я мотнул стволом оружия.

Девушка беззаботно улыбнулась, но с места не сдвинулась.

— Чего ждешь? — Нетерпеливо произнес Мастурадзе.

— Я не одна.

Фелиция повернула голову в сторону и тихо свистнула. В ответ послышался такой же свистящий звук, и на площадке появилась еще одна накки.

— Вас двое? — Поинтересовался я, не уверенный, что на лестнице не находятся еще какие-нибудь представители местной нечисти.

— Да.

— Может девушка подождет на лестнице? — Подал голос Дядя Арчил.

— Ей нужен Иннокентий Константинович. Обязательно. Вы не волнуйтесь, мы для вас опасности не представляем.

— Как для собачек во дворе. — Буркнул Мастурадзе, не снимая руки с пистолета-пулемета.

— Зато собачки эти представляли для нас всех реальную опасность. — Спокойным, даже ленивым голосом произнесла Фелиция и, не дожидаясь приглашения, шагнула в нашу сторону.

— Пропусти. — Упредил я полковника, вскидывающего оружие.

Мастурадзе что-то буркнул, но оружие опустил и посторонился, пропуская девиц-накки мимо себя. Как только они зашли в квартиру, неся с собой запах тины и застойной воды, Дядя Арчил мигом переместился им за спины и, не сводя с них подозрительного взгляда, вслепую задвигал запорами на двери.

Не обращая на нас ни какого внимания, Фелиция направилась в комнату, где отдыхал Инквизитор, но ее подружка осталась стоять в коридоре, застыв неподвижной статуей. Казалось, что она застыла, словно мраморное изваяние, но крупные ярко-зеленые глаза с интересом рассматривали нас.

— Сергей Иванович, — донесся из комнаты веселый голос Урманского, — пригласите даму.

«Дама», услышав эти слова, вздрогнула и словно робот двинулась к ожидающему ее Инквизитору. Я молча показал полковнику на дверь, тот понимающе кивнул и сразу же пристроился на скамеечке для обуви, а сам направился следом за накки.

— Сергей Иванович, нам сообщение от нашего общего знакомого.

Что хотел этим сказать Урманский, я сначала не понял, но даже в темноте он словно светился источаемым сарказмом. На фоне более светлого окна жест рукой в направлении неподвижно застывшей накки различить смог.

— Это — Клавдия. Ее послал для переговоров господин Гершвиц. — Инквизитор кратко хохотнул, затем тоном приказа произнес. — Повтори, слово в слово, что от нас хочет этот предатель.

— Не нужно войны. Возвращайтесь домой. В Питере встретимся и постараемся разрешить все недоразумения. Вячеслав — пешка в чужих руках. Женщину оставьте нам. С ней ни чего не случится. — Произнося короткие фразы, накки перешла на тональность мужского голоса. При всей неподвижности ее тела создавалось впечатление, что с нами говорит статуя. — Когда солнце войдет в зенит, вас здесь нет. Иначе — смерть.

Клавдия умолкла. Наверное, она ожидала получить немедленный ответ. Как там инструктировал водяную деву наш нынешний противник, но даже при ее почти абсолютной неподвижности мне стало не по себе. Какой фортель она выкинет при отказе от «просьбы»? На что способны эти милые сексапильные девочки, я убедился воочию. Ну, не «машина смерти», но сила и скорость движений впечатляли и заставляли относиться со всем уважением.

— Колдун знает слово подчинения для наших сестер, и не только для них. — Тихо заговорила Фелиция. — Он может бросить против нас многих моих сестер, которые попадут под его заклятье. Кроме того, там есть еще один колдун, который может вызывать различных демонов из других реальностей. Вместе — они большая сила.

— Зачем им нужна Света? — Поинтересовался я, уже догадываясь об ответе.

— Она должна стать помощницей и наложницей колдуна. Ее сила и способности станут хорошим подспорьем для него.

— Фиг вам — индейская национальная изба. Хрен вы ее получите! — Я в запале повысил голос и перебил попытавшегося что-то сказать Урманского. — Иди и передай, что я сам им кирдык сделаю, если что-нибудь со Светкой случится. И пусть не пугает смертью — мы всю жизнь под нею ходим. Все. Иди, откуда пришла.

— Сергей, твои слова для нее ни что. — Фелиция незаметно переместилась поближе к «землячке», но ее слова были обращены ко мне. — Клавдия сейчас под заклятием, она ждет ответа от Иннокентия Константиновича и среагирует только на его слова, его голос. Остальные, кто находятся здесь, для нее не больше, чем часть интерьера. Не горячись, смысла нет.

— Ни кто ни кому не собирается отдавать Светлану Геннадьевну. Об этом не может быть и речи. — Как-то чересчур спокойно и монотонно заговорил Инквизитор, словно и не

слышал нашей перепалки. — Какую бы силу колдуньишки не имели, в открытую против нас им не сладить. Да, могут они пакости кое-какие совершить или насрать что-нибудь на нас, но это — мелочи. Да и в Питере они не всеильны. Скорее всего, они либо сбегут куда-нибудь подальше, что наиболее вероятно, либо сдадутся Инквизиции, во что верится с трудом.

— Почему? — Дядя Арчил подал голос из коридора. — Если Орден возглавит другой человек, с которым можно договориться, то второй вариант предпочтительнее.

— Ваша правда. — Согласился Урманский и невозмутимо продолжил. — Сейчас наша цель — попасть обратно, домой. Проблема заключается в том, что нам неизвестен расклад по сложившейся обстановке. У арок и в лаборатории наверняка ждут личности, не желающие допустить нас домой. Нужно искать выход из сложившейся ситуации. К сожалению, не смотря что этот мир изучается не один год, нам о нем не известно почти ни чего.

— Опрос аборигенов, считается одним из способов получения информации. — Вставил я, показывая рукой на Клавдию.

— Рельеф дна, температура слоев воды, флора и фауна акватории, особенности участка водоема и состояние береговой линии. На другую информацию не рассчитывайте. Все равно, что поймать кролика и допрашивать его о вещах, которые не подвластны его разуму.

Фелиция возмущенно фыркнула. Инквизитор покачал головой:

— Ты родилась не в этом мире.

— Постойте. — Неясная мысль, возникшая у меня, начала обретать смысл. — Наша гостья человекообразна. Она местная. Вывод: здесь обитают люди или нечто похожее на них.

— Не обязательно. Эта реальность может быть отражением нашей или еще какой-нибудь, а может и не быть. Две различные реальности соприкасаются местами очень близко, и может возникнуть небольшое наложение одной из них на другую, что вполне укладывается в теорию множественности миров. В физике есть явление, называемое диффузией — проникновение двух различных веществ в структуру друг друга, конечно, это возникает при определенных условиях, но и здесь возможно подобное. Полоса сплава, где некоторые свойства, присущие каждому конкретному веществу, смешиваются, и получается нечто новое, имеющее свои индивидуальные особенности. Мы не можем применять стандарты нашего мира к этому, мы не знаем всех стандартов этой реальности, и не можем представить, что получилось в результате смешения. Лаборатория проводила исследования этого мира, но слишком ограниченно и лишь в определенных направлениях. Институт не хотел смешивать работу по заказам и свою исследовательскую деятельность в рамках частных программ. Узнай государство об этой реальности, здесь бы заправляли другие структуры, имеющие слишком высокую степень допуска. Не так ли, Арчил Филиппович?

— Уж, во всяком случае, не мы. — Донесся голос бдительного полковника. — Есть более крутые и приближенные к власти и очень большим деньгам конторы. Но сначала пошла бы большая резня.

— По-моему, она началась. Так что, нам нужно выжить и вернуться домой, а там своими способами отсечь настырных конкурентов. С вами, господин полковник, мы договоримся полюбовному, без обид и амбиций.

— Я согласен, — в дверном проеме шевельнулся силуэт Дяди Арчила, — но на эту тему поговорим, когда выживем.

— Вот и договорились.

За время всего разговора накки Клавдия, не шевельнулась. В темноте различить черты лица было трудновато, но у меня возникло стойкое впечатление, что она внимательно прислушивается к разговору. Я с отвлеченным видом включил дисплей телефона и вроде бы случайно переместил светящийся экран так, чтобы увидеть лицо посланницы. Веки с длинными пушистыми ресницами дрогнули, когда ей в глаза ударил яркий свет. Одной из рук Клавдия резко прикрыла лицо, но перед тем, как выключить освещение, я заметил, что чуть заостренные к верху ушки оказались немного вывернуты в сторону говоривших людей.

— Подслушивать не хорошо. — Я шутливо погрозил пальцем и во время отдернул руку, когда накки резко подалась вперед и угрожающе щелкнула зубами.

— Вы так больше не шутите. — Фелиция укоризненно покачала головой и, прижавшись грудью к плечу соплеменницы, начала тихо насвистывать ей на ухо.

— Сережа. — Донесся голос Светки. — Отойди от нее.

Моя ведьмочка уже не спала. Высунувшись из-под вороха наброшенной на кровать рухляди, она делала какие-то движения руками. То ли звала, то ли приколдовывала. Маленький инцидент прервал разговор между Урманским и Мастурадзе, и все смотрели на меня. Даже в темноте я ощущал их недоуменные взгляды.

— Сергей, подойди.

Я осторожно отступил к кровати и присел. Светка прижалась к моей спине и обхватила меня руками.

— Ты рисковал, мотая руками перед ее лицом. — Зашептала она, обдавая жарким дыханием мою шею. — Эта особь еще не прошла посвящение и не может правильно реагировать на человеческие поступки.

Это я и так понял. Если сравнить дикое и одомашненное животное, зачастую их реакция не совпадает. Аналогия мне не очень понравилась, но что есть, то есть. Поглаживая горячую руку девушки, я посмотрел на накки. Фелиция продолжала насвистывать на ушко подруги, но от себя ее не отпускала. Клавдия опять застыла статуей и, казалось, что она совершенно абстрагировалась от окружающего мира.

— Что решим?

Полковник и Инквизитор снова начали обсуждение проблемы, но пауза, возникшая после вопроса, дала возможность сосредоточиться и переключиться на реальность.

— Сергей Иванович, вы ведь профессионал. Ваше мнение очень интересует.

Слова Урманского были обращены ко мне. Мое мнение? Что-то до этого мига о моем мнении мало кто интересовался. Да, что со мной? Злость и обида, неожиданно накатившие на меня, стали столь очевидны, что я попросту приподнял руки в жесте ожидания и начал делать дыхательные упражнения для восстановления спокойствия. Испуганно ойкнула Светка и быстро отодвинулась, зарываясь в тряпье. Очень скоро пришло ощущение спокойствия и мысли приняли нужный ход.

— Ни каких соглашений. — Я мельком бросил взгляд на затихшую Светку. Хрен этим уродам в одно место, а не моя девушка. — Нам нет смысла преследовать двух человек на незнакомой местности и в непонятной обстановке. У них своих проблем по выживаемости выше крыши, а парламентар — это попросту отвлечение и попытка раздробления нас на более мелкие группы. Что касается наших дальнейших действий, то лишних попрошу удалиться. — Я выразительно посмотрел на накки. — Мне вообще не понятно, зачем ее послали сюда, ведь можно было предусмотреть, предвидеть или как там еще, что мы на эту

шнягу не поведемся.

— Фелиция, она все поняла? — Голос Инквизитора показался мне подозрительно спокойным для данной ситуации, а я насколько понял, за маской утонченной аристократичности и высокой интеллигентности, скрывалась личность, не просто способная на ПОСТУПОК, а совершавшая их постоянно. Несмотря на временные неудачи, господин Урманский оставался еще тем человеком, который всегда станет делать то, что он должен делать.

— Иннокентий Константинович, она сможет передать все, что здесь слышала, как записывающее устройство, но что ей передать конкретно?

— Ничего. Пусть уходит.

Фелиция приблизила губы к уху Клавдии и издала несколько свистящих трелей. Когда она, закончив объяснения, повернула посланницу в сторону коридора, та развернулась в мою сторону и указала, вооруженным острым ногтем, пальцем мне за спину:

— Женщину. — В голосе накки нетерпение. — Отдайте женщину.

— Нет! — По-моему и я, и Светка, и Фелиция вскрикнули одновременно.

Поднырнув под руку бросившейся наперерез Фелиции, Клавдия сделала почти неуловимый для глаз шаг вперед, но мои рефлексy сработали быстрее. Кисть выдернула оружие, висевшее у бедра, а палец мгновенно нашел спусковую скобу.

Стрельба «по-македонски» в нашей группе считалась не только обязательным элементом подготовки, но и предметом соревновательной практики. В ближнем бою зачастую времени на прицеливание не хватает, чрезмерная трата боеприпасов, запас которых ограничен тем, что имеется в обойме, чревата летальным исходом, и такому методу ведения стрельбы мне приходилось натаскивать бойцов и параллельно тренироваться самому. Что не раз спасало жизнь, что не подвело и сейчас.

Пять выстрелов за половину секунды — техническая и боевая, в данный промежуток времени, скорострельность моего «Бушмена». Выброшенные давлением сжатого воздуха иглы вошли в лицо накки и остановили ее в начальной стадии прыжка. Лишенное равновесия тело со стуком упало на пол.

За спиной испуганно ойкнула Светка, что-то зло прошипела Фелиция, и в завершении послышался комментарий Инквизитора:

— Зря. Она бы ни чего не сделала.

В наступившей тишине я соскочил с кровати и, не сводя оружия с валявшегося тела накки, свободной рукой включил мобильник. Не знаю, какой дрянью шпиговали иглы, но эффект их действия был на лицо, точнее — на лице Клавдии. Оно чернело на глазах, при этом кожа с головы отваливалась лохмотьями вместе с прядями волос. В нос шибанула вонь гниющего мяса.

— Теперь придется менять дислокацию. На такой аромат сбежится много желающих и голодных. — Инквизитор демонстративно фыркнул носом и подошел к Фелиции. — У тебя все в порядке?

— Относительно. — Водяная дева нагнулась над телом и провела рукой над разлагающимся лицом. — Иди с миром, сестра. Теперь ты свободна.

Затем она встала, обвела всех взглядом блестящих изумрудных глаз и произнесла:

— Она нашла покой, а нам нужно уходить.

Поиски места для дальнейшего ночлега много времени не заняли. Фелиция, казавшаяся ни чуть не удрученной смертью Клавдии, во всяком случае, на мой взгляд, в ее повадках ни

чего нового не появилось, уверенно вывела нас в соседний подъезд и показала на одну из приоткрытых дверей на втором этаже:

— До утра мы сможем здесь находиться, но с восходом солнца лучше уйти.

— А чего так? — мимоходом поинтересовался Дядя Арчил, с помощью мобильного фонарика разглядывавший короткий коридор квартиры.

— Могут вернуться хозяева.

— Кто? — Я отодвинул замершего полковника и, держа в готовности оружие. Заглянул в единственную комнату.

— Мы их называем — кулеши. Иногда они в солнечное время отсиживаются здесь.

До рассвета, навскидку, оставалось несколько часов, да и кулеши мне не казались чем-то уж очень опасным. Пару раз приходилось сталкиваться с этими заложными покойниками, и большого впечатления они на меня не произвели. Они чем-то напоминали проказливых, но совершенно лишенных какого-либо самосознания, маленьких существ. Что-то вроде расшалившихся домовых.

— Нужно немного поспать. — Я внимательно осмотрел продавленную оттоманку, демонстративно зевнул и присел. — Два-три часа спокойного сна хватит, чтобы немного восстановиться. Иннокентий Константинович, Фелиция, ваша смена сторожить.

Можно спать лежа, сидя, даже стоя, лишь бы нагрузка на позвоночник свелась к минимуму. Я закрыл глаза и заснул сразу.

Даже во сне какая-то часть мозга бодрствовала, усталость усталостью, но бравировать пофигизмом равносильно самоубийству. Органы чувств все равно отслеживали обстановку вокруг, давая сигналы клеткам головного мозга. Любое изменение обстановки, будь то громкий звук, новый запах или движение, предупреждало об опасности, но побудка произошла неожиданно.

Сон. Вот чего-чего, а сновидения в экстремальных условиях мне неприятны. Говорят, много открытий произошли во сне. Обычно приводят в пример Менделеева с его периодической таблицей химических элементов или какого-нибудь другого деятеля науки и искусства, но по мне такой сон лишает полноценного отдыха. Как можно отдыхать, если в твоих извилинах продолжается процесс анализа обстановки или вылезают подсознательные мысли? Это не отдых, а психоз какой-то, но что-то в последнее время мне начали слишком часто сниться сны.

Я понимаю, что сплю, что даже в коей мере могу изменить сценарий сновидения, но мне интересно и страшно. Джунгли. Некоторые характерные детали позволяют определить, что это — не южно-американская сельва, не дебри Центральной Африки и даже не Индокитай. Субтропический лес, характерный для некоторых районов, прилегающих к Индостану. В редких просветах зелени мелькают голубые окна неба. Тропа, явно звериная, вьется среди деревьев, на которых виднеются следы когтей. Тигр или медведь, другого мнения нет. Впереди легко, словно летит над самой землей, едва касаясь кончиками босых ступней переплетенной узловатыми корнями земли, движется молодая женщина в серо-зеленой накидке. Я знаю, кто она. Все ее называют богиней, может оно и так, но когда она поворачивает в мою сторону голову и призывно машет рукой, я вижу ту пленницу, что вывез из зороастрийской деревни и которая слишком часто помогает мне в очень неприятных ситуациях. Женщина улыбается и что-то говорит, но голос ее не слышен. Пробую догнать ее, но дистанция в десять-пятнадцать шагов сохраняется, не смотря ни на что. Я пробую ее окликнуть. Ведь очень хочется знать, почему получилось так, что она слишком часто

присутствует в моей жизни, и осознаю, что ответа не будет. Из-за дерева появляется тигр. Зверь остановился, перегораживая тропу. Желтые глаза спокойно, даже с небольшой ленцой, скользнули по мне. Хищник не голоден, не агрессивен — я для него не соперник, но дальше вглубь своей территории он меня не пропустит. Это понятно лишь по одному недолгому взгляду зверя. Исчезает среди деревьев силуэт женщины. По хребту зверя пробегает дрожь, кончик хвоста яростно забил по тонким стволам деревьев окаймляющих тропу. Пасть распахнулась, беззвучно обнажая желтые клыки. Что последует потом мне известно. Бросок и удар.

Не придя в себя от первобытного ужаса, который охватывает любого человека, столкнувшегося с атакующим хищником, я мгновенно проснулся. Дядя Арчил, прикорнувший рядом, недоуменно хрюкнул во сне, а прижавшаяся с другой стороны Светка испуганно распахнула глаза.

Фу, блин, приснится же такое. Сна ни в одном глазу и я, почти мгновенно переходя в боевой режим и сгоняя остатки кошмара, выскользнул из-под Светкиной руки. Мои движения пробудили сторожко спящего полковника.

— Подъем? — почему-то шепотом спросил Мастурадзе и поднялся следом за мной с оттоманки.

Я посмотрел на начинающий сереть за окном воздух и молча кивнул.

— Вы уже не спите? — Из коридора высунулась голова Урманского.

— И вам того же желаю. — Я помог встать Светке и спросил. — Фелиция здесь?

— На кухне. Пытается приготовить завтрак.

— Какой завтрак? — Я ощутил, как предательски заурчало в желудке.

— В кладовке керосинку нашли и макароны. Скоро будут готовы.

— Тогда поедим и в — путь. — Подал голос Дядя Арчил. — Я помогу побыстрее приготовить.

— Арчил Филиппович, пять минут. Не более. Не успеем, все равно уходим. — Неприятное предчувствие торопило меня, но донесшийся из кухни запах вынуждал немного притормозить. — Если что, заберем еду с собой.

— Что-то происходит? — Инквизитор, пропустив Дядю Арчила на кухню, приблизился поближе.

— Еще нет. Но что-то мне подсказывает, нужно уходить. Можете назвать это бзиком, психозом, еще чем, но ощущение опасности меня ни еще когда не подводило. — Постарался озвучить свои страхи, и подошел к окну.

До восхода солнца оставалось достаточно времени, но в утренних сумерках уже отчетливо прорисовывались детали пейзажа. Ночная мгла потихоньку рассеивалась, невесть откуда появившиеся клочья тумана белесой пеленой выплывали из-за домов и, сплетаясь, вместе с сумерками подчеркивали нереальность окружающей обстановки.

— Красиво и страшно. — Светка прижалась ко мне со спины и положила подбородок на плечо. — Стены дома, как убежище, создают иллюзию защищенности, а за дверями нас ждет чужой мир, полный опасностей, о которых мы не знаем.

— Светик, ты чего? Разве можно думать о плохом? Ведь страхи и дурные мысли имеют привычку материализовываться. Давай уберем слово «страшно» и оставим только красоту. — Я осторожно прижал девушку к себе. — Представь. Раннее утро, люди еще спят, но рассвет очень скоро вскинет оранжевое солнце над горизонтом, воздух станет чистым и прозрачным. Зазвенят первые трамваи, зашоркают метлами по асфальту дворники, и ранние

пешеходы, изумлено глядя на такую красоту, выйдут по своим делам, а...

— Да, я, конечно, дико извиняюсь, но, господин поэт, нас ждут дальнейшие дела. — Голос Дяди Арчила вернул к действительности. — Пару минут назад, кто-то очень сильно нас торопил и не собирался мечтать у окна.

Язвительный голос полковника вернул к действительности. И, в самом деле, пора сматываться, хотя на душе стало чуть поспокойнее.

— Кто будет кушать? — Из кухни послышался голос Фелиции. — Как сказал Иннокентий Константинович, получился постный кулеш.

— А что еще могло получиться в гнезде кулешей, только кулеш. Угощайтесь. — Прокомментировал сказанное Инквизитор, появляясь с тарелкой в руках.

Эти слова снова вызвали неприятные ощущения. Кулеша. Небольшие сущности, которых можно отнести к демонам или мелкой нечисти. Такие могут напасть втихаря, за спиной, оставаясь при этом в стороне.

— Все. Собираемся, кушаем на ходу и срочно уходим. — Я забрал предложенную тарелку, сунул ее в руки Светке и по привычке проверил оружие. — Через минуту жду всех на выходе.

Несмотря на мои опасения, на лестнице стояла тишина и ни кто нас не ожидал. Дверь, ведущая на улицу, оставалась закрытой и подпертой куском перил. Я прислушался, но за ней ни каких настораживающих звуков не ощущалось.

— Мы готовы. — Мастурадзе шепнул мне в спину, но шаги четырех человек, не умеющих передвигаться тихо, я услышал и так.

Осторожно убрав деревянную рейку, которая когда-то служила частью перил, я медленно приоткрыл дверь, выставляя ствол «Бушмена» в образовавшийся проем. Тихо. Какая-то неестественная тишина, непривычная, словно в вакууме. Полупрозрачный туман полосами струился над асфальтовыми дорожками и запущенными газонами, что вкупе с отсутствием любых звуков вызывало чувство тревоги.

Немного выждав, я первым шагнул на улицу, огляделся — тихо. Взмахнул рукой, подзывая остальных, как сверху послышалось взбаламошенное хлопанье крыльев. Оружие взметнулось раньше, чем я вскинул взгляд. Короткая очередь заставила изменить траекторию полета падающей на меня черной, похожей на курицу-переростка, птицы. Усеянный острыми зубами клюв кланул возле уха, но удар прикладом откинул тварь в сторону. Хриплый многоголосый стон разнесся сверху. Со всей силы опуская ногу на шею корчившейся на асфальте твари, я посмотрел вверх. Еще несколько подобных существ, словно стервятники, сидели по краю крыши и, издавая протяжные вопли, расправляли крылья.

— Не подпускайте их к себе! — Заорала накри. — Черная стая!

Выскочившая следом за мной, Фелиция, не целясь, выпустила длинную очередь. Ни одна игла цели не достигла, но птицеобразная нечисть, хлопая крыльями скрылась из виду.

— Уходим к лесу! — Я показал направление. — Все бегом, не отставать!

Мы двигались быстро. От дома неслись раздраженные крики тварей, которых Фелиция назвала черной стаей, но преследовать нас они не стали.

Опушка леса тонула в сгустившемся тумане. Я резко остановился и огляделся. Остальные, тяжело дыша, столпились за моей спиной. Крики со стороны городка утихли, но брошенные дома, словно скалы, точащие из белесой мглы, к себе не манили, даже, если бы возникло желание вновь использовать их в качестве убежища. Мрачный полутемный лес,

стоящий в десятке шагов, казался не менее опасным.

— Пока стоим здесь. — Я указал Дяде Арчилу и Инквизитору сектора наблюдения и приблизился к накки.

— Ну, ошиблась, с кем не бывает. — В голосе Фелиции прозвучали интонации маленькой школьницы, уверенной, что за совершенные проказы ее сильно не накажут. — Мне показалось, что в доме обитают коргоруши. Вон, даже Иннокентий Константинович не смог догадаться.

— Да причем здесь пернатые. — Я демонстративно пожал плечами и тотчас поинтересовался. — А о чем ты говорила с погонщиком собак?

— Погонщиком? — Недоуменно переспросила водяная дева.

— Чью собачку ты съела.

— А-а, с Псарем? Мне пришлось откупиться. Сделка прошла удачно, раз нас не встретила свора у дверей дома. В ином случае, проблем стало бы больше.

— Чем, или кем откупились?

— Сначала я им предложила колдунов, что ушли в военный городок, но Псарь даже не захотел слушать. Потом я подумала, что те люди у лаборатории и арки нас, наверняка, еще ждут и предложила в качестве искупления их. — Немного наивным голосом, словно не так давно не отправила стаю хищных тварей на поиск людей, ответила она. — Ведь эти люди — наши враги?

— Но они — люди, а ты на них нечисть оправила.

— Сергей Иванович. — Не поворачивая головы, подал голос Урманский. — Цель оправдывает средства. Либо они нас, либо мы их, — другого не дано. Мы для них представляем помеху, которую можно устранить одним способом. Наша смерть им во благо, ибо тогда руки будут развязаны. Что они хотели для нас, то получат сами.

— А вы кровожадный человек. — Криво усмехнулся я.

— А чего вы хотели? Бог с ней, с властью, она мне не в радость, но есть долг. Долг перед людьми, перед всем миром. Я же говорил вам, что запретные знания в руках недоумков или чересчур амбициозных людей приведут к слишком опасным потрясениям. Даже то, с чем мы столкнулись сейчас — это всего лишь верхушка айсберга, а некоторые знания и умения могут быть фатально опасны для всего нашего мира. Люди, которые переступают через жизни других, преследуя свои цели, не могут быть допущены к ним. Вспомните череду революций, от Великой Французской до Октябрьской. Они сделали мир лучше, добрее, правильнее? Ради фальшивого лозунга о счастливом будущем, уничтожали всех, кто не вписывался в это будущее, кто не хотел рушить устоявшиеся традиции. Подменили одну религию другой. Вместо рая коммунизм, вместо церкви райком, святые апостолы Маркс и Энгельс, и Ленин вместо Христа. Говорили, что религия оболванивает и закабаляет человека, что инквизиция уничтожила тысячи невинных людей, а сами ввели диктатуру пролетариата и создали НКВД. Нынешние властители страны не чуть не лучше предыдущих. Лозунги, пиар, вседозволенность имущих, выпячивание новых лидеров, тотальный обман народа — ни чего не изменилось. Вот и сейчас, кто-то хочет хапнуть кусочек власти больше, чем имеет. Ведь власть — это деньги, это удовлетворение прихотей и амбиций. Прикрываясь красивыми словами о долге перед Родиной, перед народом, некоторые руководители посылают своих подчиненных убивать и умирать. Им не Орден нужен, не целебное озеро, а все, что их окружает. Ну, подомнут Орден под себя или тихо его разгонят, да так, что памяти не останется, а кому это нужно? Какому-нибудь нуворишу,

чтобы получить еще один рычажок власти? Есть люди, которые хотят себя ощущать чуть ли не богами. Вот только в душе у них нет ни веры, ни совести, ни чести.

— А где же Церковь? Или Инквизиция существует отдельно от нее?

— И да, и нет. Однако позвольте закончить нашу дискуссию, ведь в глубине души вы со мной согласны. Хотя бы на настоящий промежуток времени.

— Да, цель оправдывает средства, да только эти средства определяем мы сами, и как бы расплата за них не стала еще более тяжким бременем на совести.

— Сергей, ты что-то вообще расклеился. — Мастурадзе обернулся в мою сторону и укоризненно покачал головой. — Наша задача на данный момент выжить и вернуться домой, а что будет завтра, завтра и разберемся. Философствующий солдат на поле боя не выживает, ты сам не раз говорил это.

Встречать утреннюю зарю, пожалуй, романтично. И будь мы в другой обстановке, на пикнике, к примеру, восторгов бы хватило, но, к сожалению, пикником тут не пахло.

Неторопливо вываливающийся из-за кромки леса огненный шар поднимался слишком медленно. Шли минуты, казавшиеся часами, а мы все торчали на открытом месте, выставив три ствола в разные стороны и вглядываясь в островки тумана, которые медленно двигались, подгоняемые почти незаметным ветерком. Мои ожидания, что солнечное тепло быстро рассеет туман, и мы сможем войти в лес, затягивались. Появился краешек диска, обрамленный оранжевым сиянием, вроде бы приподнялся еще, еще чуток, но как медленно. В темном мрачном лесу начиналась дневная жизнь, засуетились какие-то птицы, невидимый за деревьями и туманом зверь ломился сквозь подлесок, издавая треск и прерывистое сопение. Слава богу, что не по наши души. Мне представился кабан, в которого мы стреляем, но все иглы застревают в плотном слое подкожного сала, но Фелиция, уловив движение ствола моего оружия, отрицательно качнула головой:

— Дикий зверь нас учуял и уходит вглубь леса. Он нам не опасен.

— Кабан? — поинтересовался я, не отводя ствола от границы леса.

— Нет, большой барсук.

— Барсучий жир очень полезен при ряде простудных заболеваний. — Подал голос Дядя Арчил.

— Барсуки кончились, а наблюдение продолжается. — Неуклюжей шуткой постарался немного сбить излишнее напряжение у людей. Все-таки они не профессионалы в ведении боевых действий. Невооруженным взглядом можно заметить, что полковник, не смотря на то, что кимарнул часа три, держится только на остатках азарта и самолюбии. У Инквизитора вообще ряд навыков, столь необходимых для выживания в сложной обстановке, отсутствуют или находятся в зачаточном состоянии, так как, выйдя из пещер, человек на всем своем развитии этими умениями не пользовался. Для, выросшей в уютных домашних условиях, Светки, такой «турпоход» вообще на грани шока, но девчонка — молодец, держится и не стонет по пустякам. О водяной деве можно и не тревожиться, не смотря на внешнюю женственность и чрезмерную сексапильность, она не уступит ни кому из нас и даже кое в чем превзойдет. Она здесь своя, а мы — чужаки, незванные и враждебные чужаки.

Из облачка тумана неслышно выступила фигура человека в плаще с капюшоном. Я чертыхнулся, а нечего отвлекаться на посторонние мысли при ведении наблюдения, и палец лег на курок в готовности встретить очередью смертоносных игл замершего в нескольких шагах незнакомца.

— погоди. — Накки предупредительно коснулась моего плеча и сделала шаг вперед. —

Он — ко мне.

Они приблизились и остановились в двух шагах друг от друга. Я смог спокойно разглядеть незнакомца. Из-под капюшона длинного промокшего плаща, на нас взглянуло румяное юношеское лицо, обрамленное русыми кудрями. Вот только взгляд его показался неправильным. Такие глаза встречаются у людей, отсидевших на зоне, трудно объяснить, но увидев раз, запомнишь надолго. Он больше напоминает взгляд зверя, заключенного в клетку.

— Я взял предложенную жертву. — Тихим шелестящим голосом произнес незнакомец. — Стая сыта, но там осталось еще несколько... — он замялся, — из предложенного нам.

— Когда мы уйдем, если они останутся, можете забрать и их. — Так же тихо ответила Фелиция.

— Вам не пройти, они ждут вас за стенами маленького дома, что у реки. У них есть оружие, которое убивает на расстоянии. Два пса так и не добрались до добычи.

— Я и не говорила, что жертва сама упадет в пасть.

— Я помню, но хочу тебя предупредить, наша следующая встреча пройдет по-другому. Моя стая помнит, кто убил одну из них. Прощай.

Псарь сделал шаг назад и исчез, словно растворился в воздухе.

— Что ж, пора уходить к аркам. — Инквизитор озвучил общую мысль. — Солдаты отсиживаются в лаборатории, а мы можем попытаться незаметно пройти к аркам и вернуться в Накки-ярви.

Я внимательно осмотрелся по сторонам, туман стал вроде бы попрозрачнее, и, прислушиваясь к доносящимся из леса звукам, перехватил пистолет-пулемет:

— Начинаем движение. Я — первый, товарищ полковник — держит тыл.

Глава 9. Из осени в зиму

Пусть назовут мое состояние маниакальным, но обступающий лес давил. Солнце приподнялось над горизонтом, загоняя остатки тумана в мрачные ельники и болотистые низинки, верхушки деревьев вызолотились на фоне еще бледного, но набирающего синеву, неба, восторженное щебетание птиц и деловитое жужжание насекомых настраивали на беспечность, но подсознание выдавало совершенно другой настрой. Слишком хорошо все получалось, а такого не может быть, потому, что не может быть вообще.

Асфальтовая дорога с растрескавшимся покрытием плавно заворачивала в сторону, и по моим прикидкам до места, где она переходила в обычную грунтовку, оставалось около полукилометра, я остановился. Неутомимая Фелиция, челноком курсирующая по обочинам дороги, удивленно посмотрела на меня и замерла в тени большого раскидистого дерева, вознесшегося на краю асфальтовой полосы.

— Сергей, что там?

Я мельком посмотрел на Урманского, который, не смотря на мои предупреждения, все-таки заговорил, и предупреждающе поднял руку. По этой команде все послушно заняли позиции на обочине дороги. Наконец-то что-то стало получаться. Пусть неуклюже, пусть порой неправильно, но уже организованнее и быстрее. Каждый держит свой сектор наблюдения, не выпячиваясь и в готовности применить оружие, если это потребуется. Мне пришлось несколько раз останавливать движение, чтобы наш маленький отряд принял хоть какое-то подобие боевой единицы, и чем ближе мы подходили к излучине реки, где располагалась лаборатория, тем слаженнее получались действия.

К словам Псаря я отнесся не достаточно доверчиво. Уж чего-чего, но если в лаборатории сидят бойцы одной из военизированных государственных структур, которой наше существование очень мешало, значит, все равно стоит ожидать засаду, а идущие по дороги люди представляют собой идеальные мишени. Другой вариант — засада у арок, с подобным уже приходилось встречаться по возвращению от озера пару дней назад, но там нам повезло. Как гласит старая армейская поговорка: лучше перебдеть, чем недобдеть.

Показав Фелиции взглядом на дальнюю обочину, я медленно выдвинулся к повороту и осмотрелся. За изгибом дороги, пролегал относительно прямой участок, который упирался в полянку, где заканчивался асфальт. С обеих сторон густые заросли колючего кустарника, захватившего придорожные кюветы. — идеальное место для засады.

Там, где кустарник заканчивался, уступая место поляне, стояло несколько людей. Открыто, совершенно не скрываясь. Да и одежда на них ни как не соответствовала униформе спецподразделений.

На мой жест, наkki понятно кивнула и беззвучно нырнула в придорожный кустарник. Я подался назад и показал Инквизитору, где они должны находиться. Вроде бы все поняли.

Острые жесткие колючки цепляли за одежду, но я постарался приблизиться к стоящим посередине дороги людям незаметно, но как можно ближе. С каждым метрам продвижения странности этих людей все больше и больше настораживали.

Две женщины с маленькими детьми на руках, подросток и солдатик в форме старого образца. Все одеты так, словно на минуту выскочили из дома, не озаботясь, что могут задержаться на более долгое время. Женщина, что постарше, а на вид ей можно дать лет так под сорок, в легком плаще из-под которого виднелись полы выцветшего хлопчатобумажного

халата, с растрепанными темно-русыми волосами прижимала к груди карапуза лет пяти, другая, значительно моложе, качала на руках завернутого в байковое одеяло младенца. Подросток был одет в школьный костюмчик серого цвета с пионерским галстуком на шее. Все они молча смотрели в сторону поляны, стоя у края асфальтовой дороги, лишь солдатик, по худобе и мешковатости формы легко понять, что в армию его призвали не больше месяца назад, удивленно крутил головой по сторонам.

— Я своего мужа почти не вижу. Целыми днями пропадает на службе. — Донесся голос одной из женщин.

— А как ты хочешь, милочка, чтобы лейтенант, да и не пахал с солдатами? От этого и складывается карьера военного человека. — С покровительными интонациями произнесла другая. — Вон мой, пока не стал начальником, я его также только в отпусках и видела. Такова судьба у офицерских жен. Хочешь стать женой генерала, так хлебни лейтенантского лиха.

Я осторожно вылез из кустов и уже собрался сделать шаг на асфальт, как разглядел, что то, что я сначала принял за лежащие у их ног мешки, на самом деле являлись скрюченными человеческими телами в сером камуфляже и нарукавными знаками спецназа ГРУ. Солдатик повернул голову в мою сторону, и неприятный холодок пробежал по позвоночнику — белые, без зрачков, глаза уставились на меня. Женщины прекратили свой разговор и медленно повернулись в мою сторону. Несколько пар глаз, в которых даже не было намека на зрачки, скрестили взгляды на моей персоне. Точно такие же глаза имелись и у детей.

— Молодой человек, вы не поможете нам выйти отсюда? — Вкрадчиво, почти не раскрывая рта, произнесла женщина с маленьким ребенком на руках. — Мы заблудились.

Они синхронно сделали шаг вперед, и я заметил, что их ноги почти не касаются влажного потрескавшегося асфальта. На полянке, за их спинами, появилась Фелиция. Водяная дева суматошно замахала руками, открывая рот в беззвучном крике. От пронизывающего холода, словно очутился в зимней проруби, начало сводить мышцы ног. Колыхаясь от легких дуновений слабого, почти незаметного, ветерка вся группа приблизилась ко мне. Ощущение тоски и безысходности накатило с такой силой, что я не мог не принять решения и пошевелиться.

— Выведи нас. — Подросток протянул узкую ладонь к моей руке.

Что-то быстрое, сильное и тяжелое ударило меня в бок и снесло в кусты. Сквозь треск ломающихся ветвей я услышал разочарованный вой тварей, оставшихся на дороге.

— Не вздумай даже и приближаться к асфальту. — Зашептала Фелиция, слезая с меня. — Неприкаянные души привязаны к этой дороге и с нее сойти не могут.

Накки привычным жестом закинула груди через плечи и вышла к стоящим у обочины существам. При появлении водяной девы они закружились вокруг нее, словно мотыльки возле лампы. На Фелицию их гипнотические взгляды не действовали, во всяком случае, она спокойно обогнула старшую женщину, протягивающую к ней руки, и, грубо отпихнув в сторону подростка, тело которого заколыхалось словно слабонадутый воздушный шарик, побежала в сторону, где ждали остальные участники нашего предприятия. Стоило накки исчезнуть за поворотом, как те, кого она назвала неприкаянными душами, прекратили свой хоровод, и до меня донеслись их голоса:

— Для пеленочек очень хорош портяночный материал. Мой муж каждый год получает его со склада, целый рулон.

— Да что ты, милочка, из него можно шить красивые летние костюмы. Вон Лизка сама

выкроила и сшила себе потрясающее платье, как в одном из журналов, что зампотыл из Германии привез.

— А в военторг завезли импортные детские костюмчики, так я...

Извиваясь, как червяк, я пролез через кусты и, когда голоса стихли, встал на ноги. Густая листва закрывала дорогу, но даже в полумраке, создаваемом густыми кронами деревьев, на душе стало чуть спокойнее. Фелиция, наверняка, предупредит остальных и выведет их сюда, минуя дорогу, в этом я не сомневался. Оставалось дожидаться и привести мысли в нужное русло.

Что мы имеем на данный момент? Несколько опасных существ на дороге, но их можно обойти. Патруль или засада, которых направили сюда наши противники, опасности не представляют, заодно выяснилась их принадлежность. О том, что ГРУ кроме основных функций занимается делами, сходными с деятельностью нашего отдела, я убедился на последней операции, и жесткая конкуренция перешла в настоящую тайную войну. Но почему они стали «работать» на территории страны? Если за рубежом, где мы изредка пересекались, находится их главное поле деятельности, то чем их заинтересовал этот Светкин НИИЧАВО? Или они здесь, поскольку постольку, и лишь выполняют чей-то заказ. Все-таки спецназ — подразделение специфическое, а у «летучих мышей» после последней заварухи у Белого Дома воинских частей почти не осталось. Когда правительство хотело бросить пару бригад в Москву для разгона взбунтовавшегося населения, там произошел тихий саботаж со стороны офицеров этих частей. Большинство взводных и ротных командиров резко ушли в запой или сели на гауптвахту за хулиганские поступки в близлежащих населенных пунктах, и негласный приказ Верховного Главнокомандующего о переброске элитных сил спецназа оказался сорванным напрочь. Как реакция руководства страны, эти бригады расформировали, якобы по договору о сокращении стратегических вооружений, а, в самом деле, из-за недоверия и боязни правителей, для которых реальная и непредсказуемая сила стала опасностью для их власти.

Два трупа здесь, кого-то порвала стая Псаря, кто-то наверняка сидит в лаборатории, а в то, что против нас использовано много людей не верится. Скорее, какая-нибудь дежурная группа, поднятая по тревоге и действующая негласно, как та, что привез с собой Дядя Арчил. Война войной, но все-таки — Новый Год. Наверняка, располагая небольшим количеством людей, нашими врагами под контроль взяты узловые точки маршрута от лаборатории до арок. Лабораторию можно обойти, до арок добраться скрытно, а вот там...

Слух уловил треск валежника, усеивавшего траву под деревьями. С таким шумом могут идти только люди, привыкшие жить в городе и ходить по вычищенным дворниками тротуарам. Это еще одна предстоящая проблема: подобраться к аркам незаметно. Даже человеческий, отнюдь не чуткий, слух засечет нас метров за пятьдесят, если не дальше.

— Сережа! — Светка выскочила из-за спины Фелиции, возглавлявшей маленький отряд, и прижалась ко мне.

— Чего вы так переполошились? — Я мягко отстранил девушку и укоризненно посмотрел на подошедших людей.

— Она сказала, что на тебя напали ларвы. — Светка мотнула головой в сторону накки.

— Так ведь — живой.

— Заметно. Живее всех живых. — Съязвил Мاستурадзе, рассматривая мое расцарапанное колючками лицо. — Запах крови живого человека очень привлекателен для хищников и для активной нежити.

— Выйдем к реке, помоюсь.

— Тогда — пошли. — Дядя Арчил перевел взгляд на Фелицию. — Веди к реке самым коротким маршрутом.

Водяная дева подняла голову и принялась. Ее ноздри заметно затрепетали, словно загоняя молекулы воздуха на нервные окончания в носу. Она несколько раз повернулась из стороны в сторону, затем резко выдохнула и ткнула рукой вглубь леса:

— Нам — туда!

Путь вдоль извилистой реки с каменистыми берегами, местами заросшими непроходимыми зарослями кустов, напоминавших ивняк, отнял много времени и сил. Все выдохлись за исключением Фелиции, которая вблизи воды, казалось, получила дополнительный заряд энергии, водяная дева все-таки. Два небольших привала, объявленные мною в укромных местах, позволили сохранить подобие сил слабейшим, то есть Светке, Урманскому и Мاستурадзе, и все-таки, когда Накки показала на ельник, темным массивом приблизившийся к берегу, заметив, что арки находятся за ним, все мои попутчики расслабленно опустили на траву.

— Пока Фелиция проведет маленькую рекогносцировку дальнейшего маршрута, можете отдыхать. Рекомендую полежать, подняв ноги. — Я оценивающе посмотрел на потрепанное воинство. Даже у меня, опытного и тренированного человека, этот участок пути отнял много сил, да и чувство голода играло свою роль в качестве дополнительного негативного психологического фактора. Привальчик бы устроить часа на два с горячим питанием и массажем нижних конечностей, но солнце, взобравшееся в зенит, показывало, что времени у нас осталось не так уж и много. Слова о том, что время здесь идет не так, как дома, и сутки длиннее, и время года не то, из памяти не пропали. Сколько там, в Накки-ярви прошло времени, с нашего ухода? Здесь мы около суток. А сколько суток или часов прошло там? Любой запас времени играет на руку нашим конкурентам и противникам.

Я пошарил по карманам жилета в поисках чего-нибудь съестного, но кроме принадлежностей, которые кажутся незаменимыми перед любым походом и обычно не используются в самом походе, там ни чего не оказалось. Ну, ничего страшного. По моим прикидкам до поляны с арками оставалось идти около километра. Дойдем, лишь бы там нас не ожидал «комитет по встрече» из конкурирующей фирмы. Впрочем, в глубине сознания росла уверенность, что мы вернемся в наш мир без серьезных проблем.

Для Светки последний участок пути по камням, через кусты и заболоченные участки берега стал самым трудным. Моя маленькая ведьмочка, неуклюже задрав ноги на мшистый валун, откинулась на спину, и ее взгляд выражал бессильную злость. Немногим лучше выглядели остальные, но они ловили минуты отдыха с присущим им прагматизмом и не тратили силы на излишние переживания.

— Сними обувь. — Я подошел к Светке и присел рядом.

— Ноги, как деревянные. — Девушка перекосила рот, словно попыталась изобразить улыбку, но это ей не удалось. — Стоптала по самое некуда.

— Ерунда. — Я помог ей освободиться от башмаков и начал массировать ступни, постепенно передвигаясь выше. — Сейчас приведем твои конечности в нормальное состояние, и ты почувствуешь себя лучше.

Мастурадзе и Урманский, глядя на нас, в меру своих возможностей попытались сами размять икроножные мышцы. Скрывая усмешку — для экстрима эти два немолодых мужика оказались все-таки не готовы, я продолжил массаж, стараясь не отвлекаться на Светкины

ноги. Конечно, они божественно сексуальны, но наступившая тишина заставляла быть настороже.

Аккуратно надев и зашнуровав Светке обувь, я подложил ей под голову куртку. Все, пора немного подзаняться собой. Взгляд заскользил по берегу, чтобы найти удобное место, но какая-то несуразица, уловленная краем глаза, заставила вскинуть голову к верхушкам елей. На фоне темно-зеленой хвои колыхались мутноватые пятна. Все напоминало кусочки полиэтилена, кружащиеся под легким воздействием ветра. Именно — ветра, но у реки ни какого движения воздуха не ощущалось.

Оружие, казалось, само прыгнуло в руки. Слух уловил звуки движения за спиной, тихий мат Дяди Арчила, вопросительный шепот Инквизитора, но без всяких раздумий палец лег на спусковую скобу и короткая очередь, сопровождаемая легким шипением сжатого воздуха, отправила несколько игл к цели. Институтская разработка в очередной раз оказалась на высоте. Пронзаемые иглами мутные образования с громким хлопаньем резко уменьшались в объеме и, сморщившись, легкими бесформенными тряпками падали на землю.

— Что случилось? — Подошедший со спины, Мастурадзе, подслеповато шурясь, вертел головой. — Ты что-то увидел?

Вот тебе и номер. Что он, ни чего не видит? Я молча показал на валяющиеся поверх опавшей хвои останки мутных белесых пузырей. Дядя Арчил медленно приблизился к указанному месту, удивленно посмотрел на меня, и уже было открыл рот, чтобы что-то сказать, а по его лицу стало сразу ясно, что он ни черта не видит. В этот миг коричневая от засохшей хвои земля почернела, и резкий неприятный запах сероводорода разнесся по всему участку берега.

— Что за гадость? — Прикрывая рукавом лицо, Мастурадзе пошевелил носком ботинка разлагающиеся на глазах останки пузырей.

— Осторожнее, Филиппыч! — Ощущая предстоящие неприятности, успел воскликнуть я, но опоздал.

Там, где нос ботинка соприкоснулся с разлагающимися останками пузырей, кожаная поверхность обуви стала покрываться черной рябью.

— Снимай быстрее — ногу загубишь! — заорал я, нутром ощущая, что может случиться нечто непоправимое.

Подстегнутый мой воплем, Дядя Арчил не стал тратить время на расшнуровку обуви. Одним движением, словно опытный хирург, он рассек выхваченным из кармана жилета ножом все шнурки и, встряхнув ногой, сбросил ботинок.

— Ну-ка, покажи. — Незаметно приблизившийся Урманский склонился на ногу полковника.

— Да все нормально. — Вымучено улыбнулся Мастурадзе. — Успел скинуть. И что это за гадость такая?

— А хрен ее знает. — Откровенно ответил Инквизитор и, посмотрев на меня, спросил. — Скажи мне, что ты заметил, когда начал стрелять?

Поглядывая за подступающими к реке деревьями, я постарался объяснить увиденное. Мои объяснения все выслушали и признались, что сами не видели ни чего.

— Этот мир практически не изведен. Вся информация, что у нас имеется, составляет сотые доли процента от реальности. Что-то можно почерпнуть из различных эзотерических источников, что-то — из мифологии, кое-чего — из уже проведенных исследований, но, по сути дела, мы так ни чего толком об этом мире не знаем. — Заговорил Урманский. — Чаше

всего мы думаем, что что-нибудь знаем, но, в самом деле, не знаем ни чего. Мы даже толком Землю нашу не изучили, где нас ждут девственные залежи и пласты знаний. И вот эта, как вы выразились, Арчил Филиппович, гадость. О таком я ни когда не слыхал, а информации у меня имеется очень много, и бывал я в этом мире не раз, но приходится констатировать, что ни хрена я не знаю.

— Да и бог с ним. Будет время — будет пища. Осмысливать данности будем потом, да и только в том случае, если удачно выберемся домой. — Подвел итог Дядя Арчил, засовывая «освободившуюся» ногу в оторванный от куртки рукав. Затем он посмотрел на свое творение и оценил. — Похоже на гибрид чуней с мокасинами.

Тихой тенью из леса появилась Фелиция. Бесшумно ступая, ну ни как не могу понять, почему копыта не издают ни какого звука при ходьбе по сухим веткам, она приблизилась к нам и с интересом осмотрела на у чиненное Дядей Арчилом «безобразие».

— С пухликами нужно быть поосторожнее. — Проговорила она, старательно обходя почерневшие пятна. — Они разбрызгивают желудочный сок с ферментами, а потом прилипают к жертве и высасывают из нее жизнь, питаюсь болью.

— Так ты знаешь, что это такое? — На лице Дяди Арчила возникло азартное выражение.

— Арчил Филиппович, вы же сами сказали, потом разберемся. — Я взял под локоть полковника и прошептал ему в ухо. — Если живыми останемся.

— Ладно, ладно. — Сварливо пробормотал Мастурадзе, с сожалением окидывая опушку взглядом. — Я понимаю, что нам уже надо идти?

— Вы правы. Время играет не на нас. — Накки повернулась в мою сторону и добавила. — До арок сейчас можно пройти без больших трудностей, но только — сейчас.

Новый бросок через лес. Островки ельника казались непроходимыми и затрудняли обзор, который и так ограничен. Оплетенные высокой травой ветки валежника путались под ногами, пронзительно треща. Нас, наверняка, слышно метров за сто, а то и более, но Фелиция нас вела по одной ей известному маршруту и в таком темпе, что приходилось просто не обращать внимания на подобную «мелочь».

Там, где наш путь пересекала сплошная полоса елей, наkki остановилась и предупреждающе подняла руку.

— Ждите здесь. — Она бесшумно скользнула между нависающими еловыми лапами и пропала из вида.

— Сережа, мне как-то не по себе. — Светка прижалась ко мне. — Какое-то нехорошее предчувствие, будто я вижу впереди смерть.

К словам ведьмы нужно прислушиваться всегда, но не обязательно их воспринимать буквально. Слишком много смертей произошло на наших глазах за последние двое суток. Наверняка что-нибудь случится еще, но такова жизнь. Даже выбравшись в свой мир, нас ожидает множество проблем, и некоторые из них придется решать силовым методом.

— Сергей, подойди сюда. — Донесшийся из ельника голос Фелиции заставил Светку вздрогнуть.

— Все нормально. — Я отстранил девушку от себя и нырнул под колючий полог.

Возле полянки, на которой располагались арки лежало несколько неподвижных тел. Даже на расстоянии мне стало ясно, что жизни в них не осталось. Крупные черные вороны неторопливо топтались возле них и с недовольным карканьем били громадными клювами по головам и бронежилетам. На наше появление стервятники среагировали лениво. Не

расправляя крыльев, они в перевалку побрели к противоположному краю полянки и там остановились, поглядывая на нас искоса.

Да, этим ребятам не повезло. Объединенные конечности, лица, разорванные горла. Кто-то попиrowал здесь на славу, но добыча оказала достойное сопротивление. Россыпи гильз, окровавленные ножи, пятна крови на них — все говорило о яростной схватке, которая произошла не так уж и давно. Странно, но мы ни какой стрельбы не слышали... если только все произошло ночью, когда мы отсиживались в Зеркальном.

— Ты мне это хотела показать? — я с недовольным видом повернулся к наkki.

Водяная дева, молча, покачала головой и мотнула подбородком в сторону нашей арки. Едва заметный бугорок сбоку от взметнувшихся полукружьем ветвей зашевелился и от него донесся слабый голос:

— Подойди сюда. Не бойся, я уже ни чего тебе сделать не смогу.

Живой. Что ж, посмотрим, кто хотел нас здесь встретить. Слова словами, но ствол оружия направлен в замершего человека — на любое движение сразу же прозвучит выстрел.

Подойдя, опускаю оружие. Точно — ни чего сделать не сможет, если только гранату под себя не подложил. Не жилец, с первого взгляда ясно. Одной кисти нет, другая без пальцев, разорванная щека висит лоскутом. Как он говорить может?

— Здравствуй, Сергей. — Шевельнулись бледные губы. — Не думал, что увижу тебя здесь.

— Что случилось? — Одновременно приходит узнавание. Васька Крюков. Несколько раз выступали в единой команде по троеборью. А представлял он спортклуб МВД. Интересно, а что здесь менты делают?

— Вижу, узнал. — Крюков скривил лицо. — Твари напали, на собак похожие, но очень странные. — Здесь все странное и только идиоты или абсолютные придурки могут считать, что в этом мире прекрасно. — Они появлялись прямо из воздуха и, нанеся укус, сразу же исчезали. Хватали точно и избирательно: лицо, руки, горло. Мы успели, правда, несколько штук подстрелить, но больше ни чего сделать не смогли. Жаль... жаль, что с деньгами кинут. Вся моя группа полегла, а контракт с наемниками устный. Кинет заказчик, и семьям ни чего не достанется.

— Погоди, я тебя перевяжу, инъекцию сделаю.

— Брось. Я — не жилец. Слишком много крови потерял, да и держусь только на адреналине. Ждал кого-нибудь из наших, но пришел ты. Они, наверное, тоже погибли. Мы должны были захватить всех, кто появится здесь и тихо доставить заказчику. Значит тебя. Что ж, закономерно.

— Кто заказал? — Речь Крюкова становилась тише. — Ну, скажи не молчи.

— Ваши и заказали. Вояки. Они сами на нас несколько дней назад вышли и предложили. Дали задание, аванс и уточнили место и сроки. Подстава, блин. Если встретишься, намекни, что надо семьям заплатить.

— Знать бы кого. — Вопросительно протягиваю фразу. А ведь не гэрэушники. Кто-то третий или, даже, четвертая сила втянулась в борьбу за этот мирок. Сколько их там еще на очереди стоит? И все через кровь и смерть хотят к цели прийти.

— Он нам представился Петром Конст... — Крюков неожиданно замолк, затем прошептал совсем тихо. — Он сам не жилец, у него на лице печать смерти.

Внезапно он привстал, изогнулся и упал на траву. Машинально проверяю на шее пульс, сам прекрасно понимаю — все, кончился Вася Крюков, царство ему небесное, но на войне,

как на войне. Прикрыв ему веки, поворачиваюсь на звуки шагов. А вот и наша «компания».

Мастурадзе и Урманский замедлили шаг, с брезгливым любопытством озирая место боя, а Светка испуганно прикрыла рот, понимаю, как ей нехорошо. Лишь Фелиция невозмутимо шествовала среди обгрызенных тел и ноздри ее заметно раздувались, придавая лицу хищное выражение. Ну, чего с нее взять — нежить, она и есть нежить, хотя и выглядит хорошо.

— И кто тут так постарался? — Дядя Арчил мотнул головой.

— Призрачные Псы. Псарь принял нашу сделку. — Бесстрастно проговорила накки и, неожиданно крутанувшись, задрала голову. — Нужно срочно уходить.

— Людей похоронить надо или на базу оттранспортировать. — Обозлясь выпалил я. Да что такое? Нервы начинают срываться, что ли?

— Тогда ляжем рядом. — Таким же бесцветным голосом сказала Фелиция. — С тем, кто сюда идет, нам не совладать. Запах крови разнесся далеко и сейчас придет тот, кого он заинтересовал больше всех.

— Кто?

— У него нет имени.

— Хорошо. — Я окинул взглядом полянку. — Быстро собрали содержимое карманов и жетоны, если они есть. — И сам начал обшаривать тело Крюкова.

Я и не надеялся, но к моему удивлению у всех погибших имелись документы и личные жетоны. Распихал по карманам покрытые кровавыми пятнами удостоверения и другую мелочь, как накатило чувство тревоги. Остальные, за исключением Фелиции, с вымученной деловитостью, укладывали тела около арки, но аромат цветущих лилий уже коснулся моих ноздрей.

— Бегом отсюда. — Если я и шепнул, но шепнул так, что все замерли и удивленно посмотрели на меня.

Наверное, лицо у меня было слишком выразительным. Урманский кивком головы направил накки в зеленый проход и шагнул следом. Я подхватил под руку Светку и показал Дяде Арчилу на арку:

— Быстрее, Арчил Филиппович.

Полковник передернул затвор оружия и ввалился в проход следом за Инквизитором. Подталкивая Светку, которая все еще находилась в каком-то ступоре, я шагнул вдохнувший удушливой влагой проход.

Туннель среди колючих зарослей показался коротким. Вроде бы сделал несколько десятков шагов, и вот уже — вывалился на тропинку у края бассейна.

Большое помещение, где размещалась чаша бассейна, встретило меня полумраком и тишиной. Наверху, под потолком, горели в полнакала небольшие лампы, одетые в цветные плафоны, предназначенные, по мнению владельцев базы, для создания какого-то интима. Меня ж данная ситуация устраивала — резкий переход из темноты прохода на ярко освещенное место давал преимущество любому противнику, если бы он ожидал моего появления, но полумрак сводил это к минимуму.

Мгновенно откатившись вправо, что при прицеливании давало запас в полсекунды для того, кто оказывался в положении дичи, замираю. Тишина. Да и остальные чувства тревожных звонков не дают. Медленно приподнявшись из-за скамейки, принимаю. Ассоциировать опасность с запахом цветущих лилий приходилось почти все последние дни, и мысль об этом почему-то вызвала неприятные ощущения. Обоняние страха, опасности,

грядущей неприятности — разве такое можно считать профессионализмом? Такое восприятие больше соответствует женскому разуму, а я — солдат.

Сравнительные ассоциации мгновенно ушли прочь, как только до слуха донесся легкий всплеск из чаши бассейна. Кнопка предохранителя пистолета-пулемета под нажимом пальца мягко вошла в паз, освобождая спусковой механизм от стопора.

— Сергей, это я — Фелиция. — Над лесенкой, ведущей к воде, показалась голова накки.

Водяная дева взобралась на бортик бассейна и встряхнула по-собачьи всем телом, обдав меня и листья кустарника каплями воды.

— Иннокентий Константинович и твои друзья ждут у выхода. — Накки махнула рукой в сторону дверей. — В аквапарке кроме нас ни кого нет, но на базе все по-старому.

Я двинулся следом за водяной девой, стараясь не отвлекаться на виляющие аппетитные бедра. Почему-то там, за проходом, в другом мире, все «прелести» Фелиции не особо тревожили, а тут они выглядят как-то слишком волнующе.

— Ты бы оделась, а то за стенами стоит зима. Да и люди имеются в наличии.

На мое замечание накки вызывающе хмыкнула и, чуть повернув голову, заметила:

— Я в принципе и по природе не люблю одеваться. Те тряпки, которыми вы, люди, драпируете свои тела, только уродуют вас. К тому же, большинство материала, используемого для одежды, служит источником многих заболеваний.

— Особенно — простудных. — Со смешком вставил я.

— И их тоже. — Невозмутимо согласилась накки. — Но я понимаю традиции людей, так как живу среди них. Моя одежда находится у Иннокентия Константиновича. Там, кстати, и твоя куртка.

— А что такая тишина? Наверняка нас должны были ждать. — Поинтересовался я, еще раз окидывая взглядом большое помещение аквапарка.

— Уже не ждут. — Фелиция мотнула головой в сторону бассейна, где на дне виднелись два тела, одетых в камуфляж.

В свете фар стоящие по обочине деревья образовывали колоннообразный коридор. Припорошенная рыхлым свежим снегом колея едва угадывалась перед капотом машины. Чемоданообразный «Караван» почти беззвучно нес нас от базы отдыха в направлении Питера. Уставшая после приключений в другом мире Светка доверчиво прижалась к моему плечу и тихо сопела простуженным носом, погружаясь в дремоту. На переднем сидении напряженно вглядывались в ночь Дядя Арчил и Инквизитор. Сидеть вдвоем на правом сидении было не очень то и удобно, но они захотели так. На месте водителя громоздился хийси, которому Урманский необъяснимым способом придал свой облик. То есть со спины они различались без труда, но если смотреть спереди, то они напоминали двух братьев близнецов. Фелиция и еще одна накки неподвижно застыли на другом боковом сидении и бесстыдно рассматривали нас в упор.

Наш уход с «Накки-ярви» напоминал бегство. Раздумывать о странных парадоксах времени было некогда. Мы отсутствовали больше суток, а в столовой продолжался праздник, как будто минуло не больше пары часов. Сквозь окна виднелись снующие между столиками официантки, доносилась веселая музыка, заглушаемая радостными выкриками, у входа красными огоньками выделялась группа курильщиков — праздник продолжался. На фоне веселья абсолютно безжизненным выглядела вся остальная территория базы, ни случайных зевак из числа отдыхающих, ни обслуги из числа хийси и накки, ни кого. К удивлению,

кроме погибших в бассейне аквапарка спецназовцев из ГРУ, возможных противников ни где не наблюдалось. Странности на этом не исчерпывались. Отсутствовали и средства передвижения. Не на ковре ж самолете они прибыли сюда? Подсознание вопило: «Сматывайся поскорее!», внутренний напряг не отпускал — ожидание пакостной неприятности давило на нервы. Предложение Инквизитора присоединиться к отдыхающим и раствориться, прислушиваясь к крамольным высказываниям, не прошло. Оно смогло бы пройти в другой обстановке, когда нет противодействия «конкурентов», а внутренние вопросы на чистоту помыслов коллег имело смысл оставить на потом. Еще одну настороженность вызвало состояние техники. Все наши УАЗы почили в бозе, а точнее оказались неисправны. Аккуратно простреленные радиаторы и аккумуляторы превратили внедорожных монстров отечественного автомобилестроения в бесполезные для оперативного использования конструкции. Та же участь постигла и большинство машин стоящих на площадке. Единственным средством передвижения, способным тронуться с места и перемещаться по дорогам, стал микроавтобус Инквизитора. Проверка, насколько возможно ее провести, наличия взрывных устройств и маячков не выявила, но желания грузиться в комфортабельный автомобиль, чтобы покинуть ставшее опасным место, у меня не возникало. Ощущение ловушки при взгляде на распахнутые двери «Каравана» ни как не оставляло меня. Даже когда без всяких препятствий мы выехали за пределы базы отдыха, это ощущение стало сильнее.

В чем подвох с якобы случайно оставленной исправной машиной? Если бы мне пришлось действовать в составе группы противника, зачем бы я оставил такой подарок врагу?

Кстати, свежих следов на дороге нет. Два возможных вывода напрашиваются сами. Или группа спецназа прибыла в Накки-ярви раньше нас и отсиживалась там, схоронившись от посторонних глаз до получения команды, либо пришла другим путем, на снегоходах через лес, к примеру. Но такие версии не «шли», слишком оперативно сработала конкурирующая фирма. И вообще, что за уровень руководства, задействовавший элитные подразделения в качестве наемников? Вопросов больше, чем ответов, но на мои полувопросы-полунамёки Урманский только досадливо пожимал плечами, а полковник молча отводил глаза. Точнее не молчал, а отговаривался общими фразами с перлами народной мудрости, типа «паны дерутся, а у холопов чубы трещат».

Когда автомобиль перевалил через заезженный мелкий кювет и выкатил на шоссе, первым желанием стало скомандовать поворот налево и двинуться в сторону, противоположную от Питера. Лишь в последний момент сдержался, доверяя Урманскому, все-таки здесь его вотчина.

Пустынная трасса позволяла гнать машину без опаски, но сидевший за рулем хийси не торопился. Стрелка спидометра прочно засела в районе цифры шестьдесят. Да, такими темпами ехать часа четыре до города, не меньше.

— Может, лучше я сяду за руль. — Поинтересовался я у Урманского, но лидер местной Инквизиции молча покачал головой, не отрывая взгляда от пустынной дороги.

Там, где дорога подходила почти вплотную к Ладоге, и, отделяясь от замершего озера россыпью припорошенных снегом валунов, фары высветили ссутулившуюся фигуру в тулупе. У обочины, почти сливаясь с заснеженным кустарником стояла легковая машина. Полосатый жезл уверенно указал на обочину.

— Тормози. — Приказал водителю Инквизитор.

Машина послушно вильнула в сторону и мягко остановилась около гаишника.

Конечно, наша доблестная милиция не предсказуема, но ставить пост посреди пустынной трассы в новогоднюю ночь, это выходит за всякие рамки реальности. Как там говорили древние? Этого не может быть, потому что такого не бывает. Хотя, почему не бывает? Странности событий последнего времени показывают обратное.

— Сержант Кривоконь. — Небрежно бросив руку к краю шапки, произнес милиционер. — Всем выйти из машины и представить документы.

Щекочущий аромат лилий разнесся по салону автомобиля. Не гаишники это, а обычная засада. Запах опасности, другой формулировки не подобрать, принуждал к действию.

— Это — не менты. Срочно уезжаем. — Склонившись к переднему сидению шепнул я в затылок Инквизитору.

Словно ниоткуда в руке мнимого сержанта возник пистолет с характерным набалдашником глушителя.

— Гони, быстрее! — Ору, не сдерживая голоса, но мы безнадежно опаздываем.

В боковом стекле возникает аккуратное отверстие, а сидящий за рулем хийси, дернувшись всем телом, начал заваливаться на рулевое колесо. От второго выстрела стекло странным образом защитило, но в нем образовался выпуклый пузырь, грозящий осыпаться в любой момент. Еще выстрел, еще один, и образовалась дыра размером с кулак.

Ствол с цилиндрическим набалдашником просунулся в салон. Дважды дернулся, выбрасывая пули и литры пороховых газов, но все выстрелы оказались направленными на пассажиров переднего сидения. Краем глаза успеваю заметить, как заваливаются Инквизитор и полковник, отпихиваю вниз Светку и успеваю всадить из своей пневматики заряд точно в руку, поворачивающую пистолет в нашу сторону.

Рука мнимого сержанта дергается и насаживается на острые отломки стекла, пистолет выпадает в салон. Почти сразу же доносится вскрик, но мне этот псевдосержант уже не интересен. Ударом по ручке распахиваю дверь и выбрасываю свое тело из салона машины. Вовремя. Второй псевдо-мент уже на подходе. Увидев меня, он срывает с плеча небольшой автомат, похожий на «мини-Узи», но с такого расстояния успеваю всадить по глазам очередь из игл первым. Вот теперь повоюем.

Двери милицейской машины распахнулись и оттуда, передергивая затворы, уже автоматов, выскочили двое. Ну, кто ж так воюет? Два выстрела — два глаза. Один падает сразу и беззвучно, но второй успевает дать очередь по нашей машине. Длинная очередь рвет весь борт автомобиля наискосок. Выстрел во второй глаз заставляет этого неумного стрелка выпустить оружие и схватиться за лицо. Бросаю взгляд на автомобиль, из которого выскочили автоматчики. Через затемненные стекла ни кого не видно. Подхватываю валяющийся на снегу «мини-Узи», в несколько прыжков приближаюсь к машине и в упор выпускаю очередь в борт на уровне сидений. Разворачиваюсь кругом, ощутив за спиной движение, но моей помощи не нужно. Фелиция и вторая наkki молча выкручивали руки псевдо-сержанту.

— Не убивать! — Успеваю крикнуть, разглядев плотоядные ухмылки нелюди, затем быстро собираю оружие и забрасываю подальше в лес, в нагромождение сугробов.

Связать ошалевших от скорой расправы и потерявших зрение нападавших. Засунуть их в салон машины, где к моему счастью не оказалось больше ни кого. Вырвать из гнезда гарнитуру рации. Выкинуть подальше в лесные сугробы ключи зажигания. Вроде бы все. Пора заняться псевдо-сержантом.

— Девчата, займитесь ранеными, а я побеседую с этим. — Киваю на скрюченного на снегу буквой «зю» мнимого милиционера.

Фелиция зло зыкнула глазами, но послушно отошла к машине. Вторая накки, имя которой я так и не успел узнать, последовала за нею.

— Ты — покойник. — Выплевывая слова вместе с кровью от разбитых губ, произнес назвавшийся сержантом Кривоконем.

— Да ну? — притворно удивился я, оттаскивая его за машину, чтобы с дороги нас не разглядел случайный проезжающий. Скорее этот «Кривоконь» — покойник, хотя... почему-то яд от игл еще не подействовал.

— Ваше общество давно у нас на заметке. Все равно вас всех в скором будущем ожидает либо смерть, либо плотное сотрудничество.

— С кем же?

— С нами.

— С бандитами?

— Придурок. — Разбитые губы псевдо-сержанта исказила гримаса. — Нам бандюганы побоку. Бери выше. Наша структура действует в рамках правоохранительных органов. Точнее, и МВД — нам не указ, наша система надгосударственная.

— Масоны, что ли?

— Посмотри документы в моем внутреннем кармане.

— Я их все посмотрю. — Буркнул я, понимая, что начинать «разговор» с псевдо-ментом нужно было именно после проверки содержимого его карманов.

Пачка удостоверений различных ведомств и организаций оказалась увесистой: ФСБ, МВД, особый отдел Минобороны, МЧС, ФАПСИ — почти все военизированные государственные структуры. Вот только фамилии на всех значились разные.

— Сергей! — Голос Фелиции отвлек меня от рассматривания документов. — Подойди сюда.

Ударом в лоб вырубаю псевдо-сержанта и подхожу к машине.

— Беда. — Возле трех уложенных тел возле автомобиля сустились накки и Светка. — Иннокентий Константинович умирает.

Отстраняю беспомощно присевшую на утопанный снег Фелицию и склоняюсь над Инквизитором. Плохо. Даже не то, что плохо, а полный кирдык. Пуля попала в лицо. Видно в последний миг Урманский попытался отклониться от направленного в упор выстрела, но полностью этого сделать не смог. Девятимиллиметровая смерть ударила по касательной, задев оба глаза и разворотив переносицу. Плюс болевой шок.

— Света, обыщи машину и карманы этих. — Я киваю на милицейскую машину. — Если есть оранжевая коробочка, тащи ее сюда. Если не найдешь, хватай аптечку и быстро тащи ее ко мне. — Поворачиваюсь к безымянной накки. — Подстрахуй ее.

Девушки бросились к припорошенной инеем машине.

— Фелиция, тащи сюда аптечку из нашей машины.

Девица-накки молча полезла в салон.

Нашему полковнику повезло — пуля ударила его в лоб по касательной. Кровью залило все лицо, оглушило, но жить будет. Легче всего «отделался» водитель-хийси: две дырки в голове, и ни капли крови. Точно — деревянный, как Буратино, хотя и признаков жизни ни каких. Вылезшая из машины с красной коробкой-аптечкой в руках Фелиция на мой вопросительный взгляд беспечно махнула рукой и сказала:

— Этим дубоголовым ни чего не будет, просто нужно провести ритуал с заклинанием, но я его не знаю.

— Ладно. — Я взял аптечку и, раскрыв, присвистнул: ее содержимое отличалось от стандартного набора, как крестьянская телега от гоночного автомобиля. Где же такое комплектуют? С таким набором медикаментов хоть на войну иди. Противошоковые шприц-тюбики находились в отдельном гнезде с краткой инструкцией по применению, такие же наклейки по применению имелись на каждом из более полутора десятков медикаментов, дожидających своей очереди.

Дело всего-то нескольких минут, и все раненые получили минимум первой помощи. Оглядываясь в сторону милицейской машины, что-то девицы притормозились.

Словно ощутив мое внимание, из-за автомобиля появилась Светка, ее лицо казалось бледнее, чем окружающий снег. Пошатываясь, она приблизилась ко мне, сжимая в руках коробочку автоаптечки. Хлопнув багажником, следом показалась на глаза наки. На лице водяной девы ни какого потрясения не наблюдалось.

Да, это моей ведьмочке приходится тяжело. Кровь, трупы, раненые, предательство людей, которым можно верить — нелегкое испытание для молодой девушки, прожившей почти всю короткую жизнь в нормальном окружении и не сталкивавшейся с грязной стороной человеческих отношений. В иных ситуациях она показывала себя неплохо, где-то я старался ее сберечь от излишней эмоциональной перегрузки, но все равно когда-нибудь ступор должен прийти. К сожалению это произошло сейчас, когда мы и так находимся в жесточайшем цейтноте.

— Ты их всех убил? — Дрожащим голосом поинтересовалась Светка, глядя на меня расширенными глазами.

— Нет, они живы, но пошевелиться смогут не скоро. — Я честно гляжу в глаза девушке, и тут же протягиваю плоскую флягу с коньяком, которую прихватил из машины на случай дополнительных противошоковых и дезинфекционных мероприятий. — На, попей немного, сразу лучше станет.

Светка схватилась за флягу и, поднеся ко рту, сделала большой глоток. Ее лицо приняло испуганно-удивленное выражение, а щеки почти мгновенно порозовели.

— Фу-у, гадость. — восстановив дыхание и морща губами, девушка с трудом проговорила два слова.

— Лекарство. — Отвечаю, как можно доброжелательнее. — Сделай еще пару глотков и заешь чистым снегом.

Ведьмочка приложилась к фляге и почти сразу же отвела ее от рта.

— Коньяк? — Сдавленным голосом поинтересовалась она и с шумом втянула ртом воздух.

— Скорее всего — бренди. Но, в любом случае, тебе хватит. — Я отобрал у Светки флягу и завернул крышку. — А теперь — говори.

— Они все холодные и мертвые. Я проверила пульс.

— Они давно мертвы. — Ходившая вместе со Светкой, наки вынырнула из-за спины девушки и указала длинным пальцем на милицейскую машину. — Точнее, они не живые и не мертвые. Как люди, они уже ими не являются, но, как магические создания, они вполне трудоспособны. Вы их называете — зомби.

— Зомби — живые люди с запрограммированным сознанием и отсутствием любой личностной мотивации.

— Значит, это — не такие зомби.

Спорить о классификации живых мертвецов я не стал. Не время, да и не место. К появлению подобных созданий прикладывают шаловливые руки не только колдуны Вуду и их последователи. В мире существует несколько методик создания бездушных рабов или оживления трупов. В данный момент у нас другие, более насущные проблемы: смертельно раненым Инквизитором и простреленной машиной здесь не отделаться. В любое мгновение можно ожидать появления врага, о котором я знаю слишком мало, а в том, что с минуты на минуту они появятся здесь, сомнений не возникло.

Качающееся пятно света возникло в районе поворота дороги. Случайная машина или очередная группа врагов? Размышлять некогда.

— Быстро прячьтесь! Вон, за те камни. — Я махнул девушкам рукой в направлении нескольких крупных валунов недалеко от обочины. — Сидите за ними и без моей команды не появляться.

Фелиция понятливо кивнула и, подхватив Светку за руку, потащила ее к указанному укрытию. Я ж подхватил пистолет этого псевдо-Коня и присел, прикрываясь распахнутой дверкой «Каравана».

Бело-синий микроавтобус, пару раз мигнув фарами, мягко остановился возле нашей машины. Из салона выскочило двое бойцов в бронежилетах и сферических шлемах, на груди и спинах ярко различимые буквы — СОБР. Это — серьезно. Такие парни сначала обездвиживают путем нанесения серьезных травм или пулевых отверстий в организме, а потом разбираются: кто есть кто. Ни кто из собровцев не бросился к нашей или милицейской машине, бойцы слаженно заняли позиции с разных сторон микроавтобуса, укрываясь, наверняка, за бронированными бортами. Из салона выдвинулся узнаваемый ствол «винтореза», который уставился на «Караван». Да, против таких ребят особо и не попрешь, а ведь внутри еще как минимум двое, но их пока не видно.

Заворочался мнимый Кривоконь и, неожиданно выкатившись из-под машины, заорал:

— Он за дверкой...

Сухой треск частей затвора, и голова этого неудачника раскололась пополам, разбрасывая кровь и мозги на притоптанный снег. Все-таки, на таком расстоянии убойность винтовки слишком велика для ее нормального применения. А теперь наступает и мой черед, в таких стычках пленных не бывает.

— Сергей Иванович, попрошу положить оружие и, подняв руки, медленно выйти из-за машины. — Громко прозвучал почему-то очень знакомый голос. — Пожалуйста, не делайте глупостей, нам не нужны новые жертвы.

Опа-на, что это за знакомец? Еще один перевертыш? Что-то их слишком много появилось в моем окружении.

— Майор Рябов, блин! Не тупи! Все закончилось. — Приоткрылась дверь кабины и оттуда спрыгнула на снег плотная фигура в серо-голубой генеральской шинели. — Это я — генерал Свиягов. В самом деле, майор, все позади.

— Пусть снайпер выйдет, но без оружия. Тогда — поверю. — Выкрикнул в ответ, стараясь контролировать все возможные перемещения в микроавтобусе и около него.

— Геннадий, выходи. — Свиягов спокойно кивнул сидящему в салоне стрелку.

Снайпер почти сразу же выбрался наружу и сорвал с лица маску.

— Сергей, все нормально. — Произнес, улыбаясь, как любили шутить в отряде, на ширину приклада, Ходуля. — Мы прибыли тебе помочь.

Я демонстративно отбросил пистолет в сторону и неторопливо, хотя это и давалось с трудом, вышел на освещенное фарами пространство. Спрятанный в рукаве нож придавал немного уверенности в том, что если меня выманили, чтобы убить, кого-нибудь на тот свет я утащу с собой.

— Молодец, майор. — Свиягов приблизился ко мне и жестко всмотрелся в глаза. Затем, словно увидел что-то нужное, облегченно выдохнул. Его лицо немного расслабилось, и он протянул мне руку. — Здравствуй. И спасибо.

— Товарищ генерал. — Я пожал потянутую руку. — Тут слишком...

— Все потом. — Резко прервал меня шеф. — Подробный рапорт представишь завтра утром. Лично. Где полковник?

— Ранен. — Я махнул рукой в сторону «Каравана». Двоим необходима срочная медицинская помощь.

— Ходков, быстро перегрузить всех раненых в машину. — Сразу же отреагировал генерал. — Что еще?

— Еще попутчицы. — Я призывно махнул рукой. — И куча непонятных ментов. Вон — в той машине.

— Прошкин, разберитесь! — Громко скомандовал Свиягов, повернув голову в сторону микроавтобуса.

Из салона выкатился Паук и, весело мне подмигнув, показал застывшим возле микроавтобуса спецназовцам на милицейскую машину:

— Все содержимое — на землю.

— Это — наши, или? — я кивнул в сторону пробегающих бойцов.

— Теперь наши. — Улыбаясь ответил майор, обмениваясь рукопожатием. Внезапно его взгляд упал мне за спину, и его лицо изменилось. — Ходков, к оружию!

С необъяснимой для его комплекции ловкостью, Паук отпихнул меня в сторону и в длинном прыжке сбил Свиягова на снег, наваливаясь на него сверху. Почти бесшумно летящая по встречной полосе черная иномарка резко затормозила, и из приоткрывшегося окна высунулся укороченный автоматный ствол. Длинная очередь прошла веером по стоящим у обочины машинам. Затем застучал, судя по звуку, пистолет-пулемет. Разбрасывая свинцовую смерть по заматавшимся у камней девушкам.

Понимая, что не успеть, я прыгнул к валяющемуся у машины пистолету, но в этот миг зазвучал «винторез». Девять выстрелов в считанные секунды разворотили борт иномарки и стрелков, находящихся за тонкими дверками машины. Уже на земле ощутил резкую боль в боку, как будто ударили палкой.

— Товарищ генерал, вы целы? — Донесся встревоженный голос Паука, но он звучал вне сознания. Взгляд зафиксировал распластанную у камней Светку и склонившуюся над ней Фелицию. От предчувствия непоправимого в голове образовалась пустота, и, ни чего не слыша, я рванул к ним.

Дыхание девушки было хриплым и клокочущим. Два расползающихся красных пятна отмечали попадания пуль.

— Аптечку из нашей машины, сюда, быстро! — Проорал я Фелиции, разрывая одежду на Светке.

Ранения были из категории тех, что считаются погаными: проникающее в грудь и сквозное в живот. Любое из них может привести к смерти в считанные минуты из-за повреждения крупных кровеносных сосудов, плюс пневмоторакс.

— Потерпи родненькая, не шевелись. Я тебе сейчас помогу. Не умирай. — Я шептал слова, понимая, что жить девушке оставались считанные секунды, но сдаваться не собирался.

Запах лилий я уловил, когда ухоженная женская рука накрыла раны на груди и животе тонким платком-хиджабом. Затем женщина склонилась над Светкой и стала дуть ей в губы. Лицо моей маленькой ведьмочки начало розоветь, ее глаза открылись, и тогда незнакомка поцеловала ее в губы.

— Теперь все будет хорошо. — Прошелестел нежный голос и женщина, обратившись белой чайкой, взмыла в ночное небо.

Я глядел на возникшее у Светланы чуть ниже шеи украшение. Знак Ахура Мадза. Золотая пластинка с изображением крылатого существа, точь в точь, как та, что приснилась мне в квартире Инквизитора. От нее веяло теплом, которое распространялось во все стороны. Кровь из ран почти перестала течь.

— Держи. — Фелиция протянула открытую аптечку.

— Промедол давай. — Я разорвал пакет с бинтом и наложил тампоны на раны. К сожалению, оболочка пакета для герметизации не годилась, но признаков пневмоторакса не наблюдалось. На всякий случай, заизолировал наложенный тампон куском полиэтиленовой обертки от дыхательной маски, которая почему-то тоже имелась в аптечке, и продолжил перевязку.

Управившись со второй раной, я, наконец, поднял голову и огляделся. Генерал, облокотившись на машину, говорил по сотовому телефону, рядом настороженной тенью маячил Паук, а двое спецназовцев под руководством Ходули что-то загружали в салон микроавтобуса. А почему раненых не грузят? В душе всепоглощающим пожаром вспыхнула злость. И почти сразу же исчезла: легкий аромат цветущих лилий разнесся в морозном воздухе.

— Сережа, помоги мне укрыться. Холодно вато что-то и больно. — Охрипший Светкин голос вернул меня к действительности.

Такого быть не может, потому что этого не может быть. Глаза девушки с укоризной смотрели на меня. После двух тяжелых, почти смертельных ранений и лошадиной дозы противошокового препарата девушка находилась в сознании и могла разговаривать. Скинув с себя куртку, я осторожно укрыл Светку и медленно поднял на руки. Тело девушки мне показалось неестественно тяжелым, но помешать мне донести ее до машины не могло ни чего.

Двадцать шагов до микроавтобуса я сделал как во сне. Как в тумане передо мной возникло встревожено-удивленное лицо Ходули, до слуха донесся, словно из-под воды, глухой голос Свягова. Чьи-то руки подхватили Светкино тело, и черное небо стремительно рухнуло на меня.

Глава 10. Право выбора

— А вы везунчик, майор. — Голова в хирургической маске склонилась над моим животом. — Пару сантиметров правее, и все — моя помощь бы не понадобилась.

В боку защипало, но все было терпимо. Затем тугая повязка стянула живот, и врач с нотками удовлетворения в голосе произнес:

— Через неделю-полторы вы сможете совершать нормальные пешие прогулки, а чуть позднее — и занятия физкультурой. Завтра сниму повязку, и на этом моя помощь закончится. Петр Константинович, — врач повернул голову в сторону дверей, где маячил Паук, — проследите, чтобы молодой человек не спешил с физическими нагрузками. Хотя регенерирующие способности у него фантастические, но ранение — есть ранение. Все эти ваши шпионские игры не могут позитивно влиять на процесс выздоровления. Лежал бы сейчас в госпитале в нормальных условиях и под надлежащим надзором... — Он резко замолчал и раздраженно махнул рукой.

— Выздоровлявай. — Паук подмигнул и повел врача в прихожую.

Почти неделю я маялся, как больной, а точнее — раненый. Все-таки на милицейском посту меня угораздило поймать пулю в бок. Ранение — так себе, не очень серьезное. Ни чего важного не задело, но кровушки потерял много. Тогда, в горячке короткой схватки и из-за Светкиного состояния, я и не осознал, что ранен, и лишь большая кровопотеря заставила в последний миг потерять сознание. Мне-то что, и не с такими ранами выкарабкивался, а вот Светке повезло. Если судить по рассказам Альбины и Паука, которые навещали меня по несколько раз каждый день и почти поселились в моей квартире, все медики госпиталя, куда той ночью отвезли девушку, просто ошалели от данного случая. Моя ведьмочка не только выжила, но и выздоравливала слишком быстро, говорят, что через неделю-полторы ее выпишут домой.

Здоровье здоровьем, но за дни вынужденного безделья для того, чтобы ясно осознать сложившуюся ситуацию времени хватало с избытком. И чем я больше анализировал прошедшие события, тем больше они мне не нравились. Десятки убитых и раненых, жесточайшая конкуренция силовых структур, странный НИИЧАВО и ощущение обмана — при каждом звонке в дверь будешь невольно настораживаться в ожидании следователя, конвоя, киллера или другой неприятности, а тут еще и недостаток информации. Паук и Альбина на мои вопросы отвечали уклончиво, ссылаясь на распоряжения Свиягова, а сам шеф на следующий день после моего ранения укатил в Москву, оставив заминать последствия всей нашей деятельности Прошкину.

— Иваныч. — Из-за приоткрытой двери показалась физиономия Паука. — Завтра уезжаем в первопрестольную.

— Я в отпуске. — Столь неожиданное сообщение немного выбило из задумчивого состояния. — К тому же, больной.

— В том-то и дело. — Прошкин вошел в комнату и присел на стоящий около кровати стул. — Меня отзывают в институт, и обеспечивать твою безопасность будет некому.

— То есть, я под следствием?

— Нет. — Усмехнулся Паук. — В этом вопросе все отрегулировано. Перед законом ты чист, твоя фамилия не проходит ни по одному эпизоду, алиби у тебя железное, но кроме правоохранительных структур имеются и другие конторы, которые копают под институт, где

работает твоя подруга. Есть организации, имеющие интерес к наследству Инквизитора.

— А я здесь при чем?

— Слишком много знаешь.

— Да ладно. — Я успокаивающе махнул рукой. — В дела Урманского я не лез, и лезть не хочу.

— Пол часа назад Инквизитора застрелили прямо на больничной койке. Начинается борьба за его наследство. А ты, мой милый друг, в последнее время зафиксировался, как его лучший друг и соратник.

— Жалко мужика. — Протянул я, лихорадочно обдумывая новость. — Все-таки один из немногих порядочных людей, что привелось встретить в этом гадюшнике.

— Это — не все. — Голос Паука стал жестче что ли. — На нашего человека в его окружении также была совершена попытка покушения.

— Иван?

— Он самый. К счастью мы успели ликвидировать киллера в самый последний момент. Не секрет, что Иван является одним из претендентов на место главы питерского филиала Ордена. К тому же, фискальные органы опечатали офис Инквизитора и арестовали все финансовые счета.

— Во, блин, заварилось. — Я, стараясь не тревожить раненый бок, слез с кровати начал одеваться.

— Ты куда собрался? Самолет только завтра.

— А я не на самолет. Хочу до Светы съездить, в госпиталь.

— Реакция прогнозируемая. — Хмыкнул Прошкин. — Только ехать туда не нужно.

— Почему? — Даже выработанная годами службы «покладистость» вступила в противоречие с тревогой за девушку. — Я не на службе, а мешать мне встретиться с дорогим для меня человеком ты не имеешь права. Да и не сможешь.

— Ты создаешь проблемы не только себе, но и всем. На тебя, возможно, готовится покушение, мои люди задействованы для других дел, обеспечить твою безопасность не кому, а ты игнорируешь мои рекомендации.

Вот урод. Да плевал я на эти рекомендации с Эйфелевой башни. Пускай сам себе рекомендует. Внезапная злость взбодрила, но рассудительности не потерял.

— Я сам себе обеспечу безопасность. Или вообще в Москву не поеду, пока не буду убежден, что со Светкой ни чего не случится.

— А что с ней может случиться? Она вообще не при делах. — Какая-то фальшивая нотка прозвучала в голосе майора. — Тебе о себе самом нужно беспокоиться, а женщина твоя в полной безопасности. Госпиталь под контролем.

— Урманский тоже в госпитале лежал? — Паук молча кивнул. — Засунь такой контроль себе в жопу. Хочу лично убедиться в Светкиной безопасности. Тем более, чего бояться за меня. Я не лежащая мишень. Делов-то, сметаюсь туда, а потом обратно, и буду ждать самолета.

— Нет, один не поедешь.

— Поехали вместе.

Прошкин на несколько секунд задумался и мотнул головой:

— Я сейчас не могу, но с тобой поедет Альбина.

— Женщина — антикиллер? — я усмехнулся.

— Она — один из самых опытных специалистов оперативной части.

— Вызывай ее, и поехали.

— Минут через тридцать. Устроит?

— Конечно. И еще, машина будет или такси вызывать?

— Тогда через час.

— Вот и ладушки. — Не обращая внимания на недовольную физиономию Паука, я потянул его к двери. — Жду ровно час, а потом вызываю такси.

Выпроводив Прошкина из квартиры, я критически осмотрел свой гардероб: что-то маловато осталось приличной одежды. Еще пара-тройка таких приключений и надеть будет нечего. Хотя, живы будем — не помрем. Будет время, куплю что-нибудь серьезное или пошью.

Телефонный звонок оторвал меня от процесса глажки в самый кульминационный момент. А именно при отпаривании стрелок на брюках. Еще с курсантских времен въедливые сержанты приучили возводить рутинный в принципе процесс в некотором роде искусство.

— Сережа? — Женский голос в телефонной трубке звучал знакомо. — Это я — Светина мама.

— Добрый день, Елена Тойвовна. Я вас очень внимательно слушаю. — В том, что Светку ранили, ее мать меня не винила, но, разговаривая с ней, я ощущал дикое чувство вины за то, что не смог уберечь ее дочь. Каждый раз, когда в телефоне я слышал ее голос, в душе возникало ощущение вины.

— Сережа, вы сейчас поедете Светлану навестить? — Я издал утвердительный звук. — Будьте осторожны. Вам угрожает большая опасность. Опасайтесь человека за вашей спиной. Вы меня слышите? И обязательно заберите Свету из больницы.

— Из госпиталя. — Машинально поправил я.

— Какая разница. Ей обязательно нужно быть сегодня дома.

— К чему такая спешка? — Поинтересовался я, хотя со словами женщины согласился на все сто. — Там квалифицированные врачи, хороший уход и, к тому же, все бесплатно.

— Там ей угрожает опасность. Я знаю. И только дома я смогу ее защитить от чего угодно.

— С чего вы это взяли? — Спрашивая, я почему-то подумал, что сам стал напоминать Паука с его «умными» советами и вопросами.

— Я все-таки ведьма, если это вас не шокирует. Мне ведомо многое и в том числе, что может случиться очень скоро. Ладно, вы меня поняли?

— Конечно. Для Светы я сделаю все, что в моих силах. Будьте уверены.

— Вот и хорошо. — Голос в трубке смягчился. — Я догадываюсь во что вы вляпались с моей дочей, но все сейчас зависит только от тебя. Поэтому будь осторожен и привези Свету домой. Ну, все. Успехов тебе, герой.

И это, возможно, моя будущая теща? Я отключил трубку. Такое впечатление, что все мои мысли, намеренья и поступки на виду у всех. Странно это.

Не прошло обещанного Пауком часа, как от двери донесся стук.

— Товарищ майор, это я — Альбина. — Прапорщица куталась в пуховик, поправляя марлевую маску на лице. — Прошу извинить, я немного простудилась. ОРЗ или ОРВИ, не лучше перестраховаться.

— Проходи. — Я дождался, когда войдет, и, захлопнув дверь, поинтересовался. — Машина где стоит?

— Возле дома, но за рулем сидеть буду я. — Альбина помахала связкой ключей. — Чего тянуть? Поехали.

Корпуса окружного военного госпиталя находились не так уж и далеко от Московского вокзала, занимая почти целый квартал. В отсутствие пробок от дома туда ехать не больше получаса, ну, а с учетом заторов, немногим больше такого же времени. Не смотря на множество приказов самого высокого начальства пропускной режим в госпитале оказался слабеньким. Удостоверения личности хватило, чтобы спокойно пройти на территорию. Прапорщица Альбина немного растерянно по сторонам последовала за мной. Мне ж расположение хирургического корпуса известно давно, еще по курсантским временам.

Несколько палат находились в самом конце коридора. Там же на скамеечке сидел одетый в белый халат парень, в котором я узнал одного из новоиспеченных бойцов из нашей конторы. Правда, со мной он на боевые операции не ходил, но оно и верно — ко мне в отряд попадали только опытные бойцы, а ему еще до такого статуса пахать и пахать. Увидев меня, он привстал и, поздоровавшись, молча мотнул головой в сторону последней двери.

Уже заходя в палату, я ощутил сильный порыв жаркого ветра со сладким ароматом лилий. Тело само сработало на ставший в последнее время узнаваемым запах опасности. Рефлекторно развернувшись в падении на колени, я краем глаза уловил удлинённый ствол пистолета и сразу же ударил по держащей его руке. Оружие со стуком упало на пол, но, продолжая движение, мои пальцы захватили кисть и резко вывернули ее, надежно зафиксировав руку нападавшего. Взметнувшийся из-под ног рой синих искр закружился вокруг нас. Задевая мою кожу, они отскакивали с легким щекотанием, но каждое их соприкосновение с руками и незакрытыми частями лица противника вызывало у него судорожные сотрясения всего тела. У Альбины против меня шансов не существовало. Не смотря на не до конца зажившую рану в боку, скрутить отчаянно сопротивляющуюся прапорщицу труда не представило. Не сильным, но точным ударом в определенную точку организма я отключил возможную убийцу на некоторое время и замер, прислушиваясь к тому, что происходит вокруг.

Схватка длилась считанные секунды, но Светка успела вскочить с койки и запахнуться в куцый госпитальный халат. Прижав палец к губам и призывая этим жестом к молчанию, я осторожно защелкнул задвижку на двери и только после этого шагнул навстречу девушке.

— Подожди, — Светка удивленно посмотрела за мою спину, — кто это?

Бросив настороженный взгляд на обездвиженную прапорщицу, я машинально потер глаза. Из-под сдвинутой во время схватки вязаной шапочки виднелась короткая стрижка ежиком. Отстранив девушку нагнулся и сорвал марлевую маску. Знакомые все лица! Это ж тот самый гэрэушник, что сопровождал господина Гершвица во время моей последней операции в Азию. И как я его схомутал? Наверное, помощь свыше. Последнюю фразу, по моему, произнес в слух, так как почти сразу услышал голос Светки:

— Амеша Спента. Она нам сегодня покровительствовала, как делала это в последнее время постоянно.

— Ладно, потом поговорим. — В какой-то миг мне показалось, что у девушки цвет глаз изменился на изумрудный, но думать об этом времени не было.

Показав Светке, где она должна стоять, я осторожно приоткрыл дверь, готовый к любым неожиданностям, но в коридоре царили тишина и покой. Особенно покой касался бойца,

который стоял на охране, точнее — вечный покой. Из его горла торчала рукоять метательного ножа, пригвоздившая незадачливого охранника к стене. Своей смертью боец спас меня. Киллер, понадеявшись на пистолет и мое чуть приторможенное предстоящей встречей с подругой состояние, оставил нож в первой жертве. Если б у него нож оставался в руках, у меня шансов выжить оказалось бы на порядок меньше.

— Как это понимать? — Генерал раздраженно плюхнулся в кресло, не отводя сверлящего взгляда с моего лица. — После тебя остаются только трупы людей находящихся на государственной службе. Ты понимаешь, какой шум стоит в верхах? Ответственные лица уже вспотели придумывать отмазки для прокуратуры, прессы и долбанных депутатов. Министр обороны, хоть и «пиджак», но и ему никакой огласки не нужно.

— Зато у него есть повод и дальше гробить свое министерство. — Не удержался я. — Чем не новый повод для череды непонятных реорганизаций?

— Заткнитесь, майор. — Лицо Свиягова побагровело, но тотчас он взял себя в руки и ровным голосом продолжил разнос, хотя взгляд остался таким же буравящим. — Мы разворошили такой гадюшник, что вы и не представляете. Полетят не только погоны, но и головы. Лизоблюды и доброхоты впереди своего визга полетят докладывать министру о подробностях нашей службы, а некоторые проституты с большими погонами захотят надеть белые одежды обличителей и борцов за демократию. — Последнее слова генерал не произнес, а выплюнул. Столько яда было в его интонации. — Если вы считаете, что все эти руководящие телодвижения вас не коснутся, то за вашу жизнь я не отдам и ломаного гроша. Да и за свою, тоже. Слишком много высокопоставленных чиновников оказалось замазанными во всей той заварухе, что закрутилась вокруг нас, а в первую очередь — вокруг личности майора Рябова.

Шеф скользнул взглядом по сувенирам развешанным на стене и опять посмотрел в мое лицо, но злости в его глазах уже не наблюдалось.

— Поймите, мой юный друг, сейчас идет передел власти на самом высшем уровне. МВД, УИН, Минобороны, ФСБ и прочие структуры, имеющие реальную силу, резко окунулись в пучину громких скандалов. Народу доводятся факты беспредела и вопиющего безобразия, якобы творимого работниками низшего и среднего звена. Создается, так называемое, общественное мнение. Большая часть имевшихся случаев была создана искусственно и соответственно отредактирована. К примеру, тот милицкий майор, который устроил бойню в одном из московских супермаркетов, являлся подставленным козлом отпущения. Его умело подвели к совершению преступления. Или смерть адвоката в следственном изоляторе, которую также запрограммировали заранее. Затем идут чистки, реорганизации, перестановки руководящих лиц, большие денежные вливания на оргмероприятия и, в следствии, появление новых лиц на политическом и финансовом небосклоне. Жизни отдельных людей приносятся в жертву большим целям. Вся эта заваруха вокруг Питерского НИИ и Накки-ярви, всего-навсего хороший повод поймать крупные дивиденды одной из группировок во власти. Такие виновники, как вы, уважаемый Сергей Иванович, живут очень мало. Максимум до суда, и то, если суд нужен, как бесплатное шоу для народных масс. Жертву приводят в соответствующее состояние, чтобы она случайно ни чего не вякнула не по делу, продажные борзописцы и прикормленные репортеры, пафос, негодование и торжество правосудия, а чуть позднее нелепая смерть на этапе. Схема отработана еще во времена Берии и ни когда сбоя не давала. Другой вариант, он более прост, виновник погибает раньше и вместо надгробных речей неожиданно вскрываются

нелицеприятные факты. Вот ты в своей квартире хранишь компромат на наш отдел?

— В смысле? — Рассказанное генералом вполне укладывалось в череду «странных вещей», случившихся в последнее время, но вопрос немного застал меня врасплох.

— Без смысла. — Свиягов качнул подбородком. — Выйдешь ты сейчас на улицу, тебя случайно собьет автомобиль. Личность твою установят, потом здесь появится милицкий наряд, которому придется зайти в квартиру, так как дверь почему-то окажется не закрытой. Рутинный осмотр жилья и случайно найденная папка с очень опасным компроматом. У одного из честных служителей правопорядка окажется бывший одноклассник-журналист, и так далее и тому подобное.

— И что же теперь? Занимать глухую оборону и ждать, когда меня подловят?

— Немножко не так. — Шеф мельком посмотрел на часы. — Через два часа тебя отвезут во Ржевку, а оттуда самолетом в Москву. Отпуск у тебя прекращен в связи со срочным выездом в командировку. В длительную командировку. Месяца на три-четыре.

— А...

— На все сборы тебе два часа. Если не уедешь, то быстро превратишься в покойника. Я лично заеду за тобой, а кому придется расхлебывать заварившуюся здесь кашу, тебя не касается. Вопросы?

Я молча покачал головой. В том, что генерал своих людей ни когда не бросал, в отделе знали все, но уверенности, в том, что все закончилось хорошо, не было.

— За девушку свою не беспокойся, она будет под надежным присмотром. — Добавил Свиягов, поворачиваясь к двери. — Собирайся сам, время не ждет.

Закрыв дверь я задумался, пытаюсь разобраться в последних событиях. Когда сразу же после неудавшегося покушения я позвонил генералу, тот приказал немедленно ехать домой и ждать его самого. Через три часа его злая физиономия нарисовалась перед моей дверью. Тут и ежу понятно, что приехал он не из Москвы, а откуда-то поближе. Хотя Паук и говорил, что для отдела наступили тяжелые времена и почти открытым текстом намекал, что армейские реформы могут коснуться и нашей структуры, Свиягов продолжал быть где угодно, но только не в первопрестольной. По всей видимости Светкин НИИЧАВО оказался на стольком лакомом кусочком, что московские подковерные игры отошли на второй план. Уж в чем-чем, а в отсутствии умения держать нос по ветру генерала не обвинишь, а значит, именно здесь, в Питере, закрутилась основная интрига, в которую окунулся он. Вроде бы и меня надо держать рядом, как наиболее информированного человека, но отправка в командировку, это тоже какой-то ход. Как не нравится ни чего не понимать, но в свои замыслы руководство меня пока не посвящает.

За час до назначенного Свияговым времени, загудел мобильник.

— Майор. — Голос генерала прорвался через какой-то треск, похожий на помехи. — Ржевка ждет. Хватай свою подругу и бегом в аэропорт. Машина за тобой на подходе. Если по дороге возникнут проблемы, то добирайтесь самостоятельно, но уже другим транспортом. В этом случае, буду ждать тебя в отделе. По прибытии, сразу ко мне.

— Так точно. — Ни чего не ясно, но что-то произошло. Если шеф срочно гонит, значит и в самом деле положение аховое.

— Прошкин сейчас принесет тебе все самое необходимое, а дальше действуй по обстановке.

Генерал отключился и почти сразу зазвенел дверной звонок. Неужто Паук? Оперативно, очень оперативно. Прошкин топтался за дверью, но в зоне обзора виднелась еще чья-то тень.

— Кто там?

На мой вопрос Паук недовольно нахмурился, но ответил сразу же.

— Да я это, я.

— Если ты, то ответь, чье резюме висело у тебя на двери год назад.

— Слушай, ты, Павлик Морозов, мне сейчас не до приколов.

— А кто рядом с тобой стоит?

— Серега, это — я. — Голос Ходули убедил, что это не очередная подстава с фальшивыми сотрудниками и сотрудницами.

Взьерошено-злой Прошкин прошмыгнул в квартиру и протянул ключи от машины:

— Внизу стоит «шестерка», в багажнике сумка с оружием и снаряжением. Ходков будет тебя сопровождать и, если что, прикроет. Пока, герой.

— А что с Альбиной?

— Что-что? В госпитале, говорят, выживет. Черепно-мозговая. Хорошо, что вовремя заметила соседка, когда из магазина возвращалась. Я ж ее к тебе отправил, да не дошла. — Прошкин горестно вздохнул. — Обложили нас со всех сторон, даже не знаешь откуда очередная пакость вылезет. Ладно, забирай свою подругу, и езжайте. Глядишь, без вас поспокойнее будет.

Площадкой ниже уже ждала Светка, рядом с которой стояла ее мать. Женщина печально посмотрела на меня и тихо пошептала:

— Береги Светочку, Сережа. Вместе у вас все получится. А будете врозь, беды не миновать. — Затем она повернулась к маячившему за моей спиной Ходуле. — А ты, молодой человек, берегись зеркал и темных коридоров.

— Не понял. — Удивленно произнес Ходуля. — Каких зеркал?

— Любых. От этого будет зависеть твое будущее.

— А мне ни чего не предскажете? — С кривоватой улыбкой поинтересовался Паук.

— А смысл тебе говорить, ты же все равно не веришь. — Светланина мама повернулась к Прошкину и злым голосом заговорила. — Я тебя предупреждала, что твоей женщине беда грозит? Ты только посмеялся. Где твоя женщина? Был ты Фомою не верящим, им и остался. Я скажу тебе, что смерть твоя в шапке полосатой ходит, да не поверишь ты. Лучше уезжай домой, там, глядишь, и смерть тебя не найдет.

— Накаркаешь.

— Нет, я тебя предупредила, а дальше сам думай.

Во Ржевку мы добрались по Питерским меркам очень быстро. То ли удачно сложилась ситуация на улицах, то ли просто повезло не попасть в пробки, но через тридцать минут наша машина уже подруливала к аэропорту.

Фигура генерала маячила возле трапа транспортника со знаками принадлежности к ВВС. Одетый в летную куртку, он почти не отличался от членов экипажа, которые с озабоченным видом стояли около открытой аппарели. Увидев подлетающую к самолету «жучку», он призывно махнул рукой и показал на корму самолета.

Ходуля притормозил рядом со Свяговым и с ухмылкой произнес:

— Станция Березай, кому надо — вылезай. — Повернувшись, добавил. — Вам на трап, а я пока эту лайбу в самолет закачу.

Стечение обстоятельств, или другое что, но, на сей раз, мне сильно повезло. Прав я или

не прав, и, все-таки, встреча с работниками прокуратуры для меня оказалась бы полным крахом. В таких ситуациях огласка ни когда не нужна. Расследование деятельности ложной Альбины и смерти охранника потянуло бы за собой часть цепочки предшествующих событий, что ни кому из высокопоставленных лиц, замешанных во всей череде акций вокруг Светкиного НИИ и Накки-ярви, не захотелось бы светиться. Прогнозируемо, что в таком случае все свидетели начнут резво умирать по различным «естественным» причинам. А первыми в этом списке значились бы я и Светка.

Такой расклад еще в самолете мне разъяснил генерал. А по прибытию в Москву почти сразу я предстал перед руководством отдела.

Мой подробнейший доклад продолжался до вечера. Генерала и Дядю Арчила, который еще не снял нашлапки с лица и повязку с головы, интересовали все детали, даже, на первый взгляд, не имеющие ни какого отношения к произошедшему. Рассказывая, я периодически бросал взгляд на большие настенные часы, отмечая про себя, что нахожусь здесь достаточно много времени, и Светка, наверняка, уже беспокоится. Теперь она дожидалась, сидя у телевизора в моей служебной квартире.

— Сергей Иванович, — голос Свягова вернул меня к действительности, — я, конечно, мог бы извиниться, но сейчас даже личные вопросы могут значительно повлиять на состояние дел. Об эвакуации вашей подруги в Москву решение принял я, а оно далось мне после больших сомнений. Все-таки работник института, вокруг которого творится очень много непонятного, да и сама она относится к контингенту, имеющему для нашего отдела определенный интерес. Хотелось бы определиться в качестве статуса Светланы Геннадьевны.

Лицо Свягова оставалось невозмутимым, лишь присутствовала какая-то непонятность во взгляде. Сбоку хищной птицей подался вперед Дядя Арчил.

— Она моя невеста, товарищ генерал. — Мне стало наплевать на мнение начальства, и желание отстоять Светку, что бы это не стоило, придало решимости. — И она не контингент, как вы выразились. Если вы считаете, что моя личная жизнь должна вписываться только в выполнение служебного долга, то я готов хоть сейчас написать рапорт на увольнение из армии. Можете не волноваться, я ни куда не побегу делиться информацией о службе в отделе. Для этого здесь другие люди имеются.

— На счет увольнения решать вам. — Саркастически усмехнулся генерал. — Ваш полк расформируют, он попал в программу сокращения Вооруженных Сил. У вас есть реальный шанс попасть под сокращение, учитывая, что количество специалистов по физической подготовке и спорту в войсках уменьшается более чем в десять раз. На счет бак о нашей работе, то публичные высказывания о ней нам не страшны, прослывете пустозвоном и встанете на учет в психиатрический диспансер. Вы сами в праве выбирать судьбу, но есть достаточно много других вариантов дальнейшей жизни. Некоторые связаны со службой в армии или в нашей системе, есть интересные проекты в сфере наших интересов, но без обязательного ношения погон. Решайте сами. А что касается вашей невесты, это ваш выбор и ничего тут не посоветуешь, хотя, вы сами должны понимать, что последствия Питерских событий могут коснуться не только вас, но и ее. Все понятно?

Конечно, понятно, не дурак. Я молча кивнул и вскинул голову в ожидании указания покинуть начальственный кабинет.

— В строевой части получите необходимые документы и выедете в Архангельск на расчет с полком. По возвращении доложите о принятии решения по дальнейшей службе

или увольнению. В вашу часть я позвонил и все вопросы, связанные с увольнением, в любом случае буду решать только я. Вопросы? Ну, если их нет, до завтра свободны.

Я молча встал, переваривая полученную информацию, и направился к выходу. Стоило подойти к двери, как меня окликнул Мастурадзе:

— Майор, пока будешь думать и решать свои вопросы, будь вдвойне внимателен и осторожен. И Светлана Геннадьевна тоже. Вне стен института мы не всегда сможем тебя защитить.

На пару секунд замерев, давая понять, что все услышал и понял, я вышел.

Намеки, намеки, намеки. Где-то грубые, где-то завуалированные, но все — намеки, сплошная недосказанность.

В маленькой комнате на первом этаже, которую использовали в качестве курилки, стояла тишина. Рабочий день давно закончился, все разошлись по домам, и можно спокойно обдумать, что нам грядущий день готовит. Об увольнении из армии раньше и думать не приходилось, устраивало все. Конечно, далеких перспектив себе не строил, но именно служба давало какую-то гарантию на будущее. Несколько лет еще послужить в отделе, затем на какую-нибудь штабную должность и в сорок пять на пенсию. Такие общие планы меня устраивали. В полковники или генералы стремиться с моим дипломом бессмысленно, тянуть лямку в качестве начфиза воинской части глупо, да и военная реформа практически ликвидировала такую должность. Уйти на «гражданку»? Еще не поздно начать все с нуля, но как-то жалко заработанной выслуги.

Скрипнув, приоткрылась дверь и в курилку заглянул Паук. Увидев меня, Прошкин криво улыбнулся и приветственно взмахнул рукой, будто мы не виделись давно.

— Ты слышал? — шепотом произнес он, доставая сигарету, — Петрович сукой оказался. Продался падла ГРУшникам. Меня, гадина, подставил.

— Ну-у-у... — неопределенно протянул я, пытаюсь не показать своей неосведомленности. Петрович являлся прямым начальником Паука и возглавлял оперативную часть. Лощеный, всегда холодно вежливый, он не пользовался любовью и уважением подчиненных, но большинство боевых операций и различных акций за пределами страны разрабатывал лично и безукоризненно. Настоящий штабной аристократ. Обладая аналитическим складом ума, плюс выраженной во всех поступках педантичностью, он, по общему мнению, соответствовал более высокой должности, но почему-то карьеру делать не спешил.

— Ты представь, — начал распаляться Прошкин, — слил инфу по Питерским делам и взял группу наемников от моего имени. Слава богу, что генерал разобрался, а то мне кранты мигом настали бы.

— И где он сейчас? — поинтересовался я.

— Петрович? В ГРУ перешел. В обед пришел приказ, подписанный начальником Генерального Штаба, а через час он уже убыл к новому месту службы.

— Оперативно сработано. Хрен достанешь его теперь.

— Достану. — Лицо Прошкина побагровело от злости. — Сколько ребят полегло из-за этой падлы.

— Остынь. Ничего ты ему сделать не сможешь. Сам должен понимать, что в секретных акциях все идет по сценариям, написанным вверху, и отдельно взятая личность ни чего не добьется, ища правды и справедливости. К тому же, тебя можно поздравить с повышением, ведь со стороны на эту должность ни кого ставить не будут.

— Нужна ли она мне после всего случившегося. — Паук махнул рукой. — Эта головная боль, а не должность. Теперь здесь работы непочатый край. Ведь все действующие и планируемые разработки придется перелопачивать, чтобы эта сука не смогла их себе присвоить.

— Вот, видишь? — Я понимающе улыбнулся майору. — Ты уже начал работать и у тебя должно все получиться.

— Если весь наш отдел не расформируют. — Буркнул в ответ Прошкин. — Чует мое сердце, что кадровые реформы дотянутся до нас, а в свете последних событий, может, даже очень скоро.

— Пожует — увидим. — Я пожал плечами и быстро попрощался с майором, пока он не загрузил меня еще какой-нибудь бредовой идеей.

Хотя... на счет бредовых идей я, возможно, поторопился. Все может быть, и выводы Прошкина — наверняка не простые эмоции, а анализ сложившейся обстановки. Только у меня свои проблемы, которые необходимо решать.

Узнав о предстоящей поездке в Архангельск, Светка сначала загрустила, но вскоре на ее лице возникла улыбка:

— Поедем вместе. Домой мне пока ехать нельзя, твой генерал, еще в самолете, настойчиво рекомендовал посидеть с недельку в Москве, но скучать в одиночестве мне не хочется.

— Светик, сама подумай. Это не прогулка при луне. Поездом туда и обратно, малознакомый город, я буду занят. Не таскать же тебя по территории полка, пока я буду подписывать обходной лист. И вообще, здесь для тебя безопасней. — Я постарался аргументировать свое решение о поездке в одиночку.

— Мне с тобой будет спокойнее, а на счет безопасности можешь не волноваться. Я тебя никому в обиду не дам.

Вот тебе и на. Я чуть не поперхнулся чаем, выслушав такое заявление, но Светка, приблизив свое лицо, проникновенным голосом добавила:

— Я все-таки ведьма, и могу иногда предугадывать будущее. Пока ты ходил на службу, я попробовала погадать. Конечно, всего необходимого в твоём доме не нашлось, но даже простого гадания с зеркалом и свечами хватило, чтобы почувствовать неприятности, которые могут возникнуть в дороге. Я чувствую, что мои способности стали намного сильнее, наверное, это случилось после ранения. Что-то изменилось во мне, иногда я начинаю ощущать в себе способность совершать сложные магические действия, о которых раньше имела только смутное представление. А сны? Почти каждую ночь мне снится подземная пещера, где меня встречает одетая по-восточному женщина, и она учит меня чародейству. Именно — чародейству, другим словом это не назвать. Я сначала думала, что немного схожу с ума, но, проснувшись, понимаю, что многое приснившееся я могу выполнять и в самом деле. Эта женщина, словно сидит во мне, но страха нет, наоборот, как мудрая мать она помогает мне и в чем-то — тебе. Когда я гадала, именно ее силуэт возник в глубине зеркала, и именно ее голос прозвучал в моей голове с пожеланием не расставаться с тобой. Хотя, я и без нее не хочу тебя терять.

Глаза Светки подозрительно заблестели, и она уткнулась лицом в мое плечо. Нежно придерживая девушку, я поцеловал ее в мокрую щеку, а в голове вился рой мыслей. Та божественная зороастрийская суть, что я невольно вывез из разгромленной деревни, и помогавшая мне в некоторых сложных ситуациях теперь взяла под свою плотную опеку мою

девушку. Мое желание спасти Светку, когда она умирала от тяжелых ранений, богиня исполнила. Но что станет платой за это ее воздействие на ставшего мне близким человека? Чем это чревато для нас?

Словно услышав мои мысли, Светка неожиданно подняла голову и тихо произнесла:

— Не волнуйся, все будет хорошо. Она не принесет нам зла. У нас теперь есть своя берегиня, которая станет хранить наше благополучие, для того, чтобы мы помогали ей бороться со злом. — Глаза девушки налились изумрудным цветом. — Делай, что делаешь, и случится то, что суждено. Твоя жизнь, твоя работа, твои мысли — все соответствует целям Амеша Спента. Именно такие люди, как вы, а не твердолобые фанатики, стоят на передней линии борьбы со злом.

По-видимому, на моем лице возникло изумленное выражение. Светка испуганно ойкнула и извиняясь прошептала:

— Даже не знаю, чего это меня понесло...

— Все нормально. — Я коснулся губами ее губ и долгим поцелуем исключил возможность дальнейшего разговора.

Вся поездка заняла несколько дней. Даже в тронутom безалаберностью расформировывающемся полку все вопросы с подписанием нужных документов решились в два дня. Сев на обратный поезд в Москву, я ощутил смесь удовлетворения быстрым расчетом и беспокойства от слишком легкого расставания с, пусть даже формальным, местом службы. Армейский опыт подразумевал бесконечное толкание в тыловых службах для оформления всяких ордеров, ведомостей, денежных компенсаций и прочих «радостей» бытия. А тут? Как по накатанной колее. Даже в финансовой службе компенсационные деньги выдали в течение нескольких минут без задержек и ссылок на отсутствие средств. Но, что сделано, то сделано, и остался всего лишь один «пустячок»: думать, что же делать дальше. Свиягов слишком щепетилен, чтобы не выслушать по возвращению моего решения о дальнейшей службе.

Заснеженные деревья проплывали мимо гроыхающего поезда, но Светка, не отрываясь от окна, любовалась северной тайгой. Убогие деревушки и полустанки дымили трубами печей, и поезд пролетал мимо, как мираж другой жизни. В вагоне слышался обычный для таких поездов шум: приглушенные разговоры, топот ног и звяканье стаканов, но к моему удивлению все происходило как-то пристойно. Почти все места оказались заняты офицерами из архангельского гарнизона, направляющимися в Подмосковье на знаменитые курсы «Выстрел». Такой нехитрый вывод можно было сделать, вслушиваясь в разговоры в задымленном сигаретным дымом тамбуре. Мелькнуло даже несколько лиц, замеченных мною в переформировываемом полку. Ни чего необычного, учитывая систему продажи билетов через военную железнодорожную кассу, и все-таки... что-то ненатуральное казалось в такой ситуации.

— Не волнуйся, все будет в порядке. — От непонятных тревожных мыслей меня отвлек голос Светланы, которая оторвалась от созерцания бегущего мимо окна леса и посмотрела на меня.

— А с чего ты взяла, что я волнуюсь? — Я постарался улыбнуться, как можно беззаботнее.

— Во-первых, это у тебя на лице написано, во-вторых, после ранения я стала ощущать не только твои эмоции, но и твое состояние на более высоком уровне, ну... — Светка

наморщила лоб, словно пытаясь подобрать слова, — как это бывает у близнецов, которые даже на большом расстоянии ощущают радости и невзгоды друг друга. А в-третьих, я гадала, и ни чего плохого, ни карты, ни поверхность воды не показали.

Входная дверь сдвинулась, и в образовавшемся проеме появился наш сосед по купе, представившийся Виктором. В дорогом деловом костюме, он казался совершенно не похожим на военного.

— Я извиняюсь, но все-таки мы где-то встречались. — Чуть заплетающимся языком произнес он и совершенно трезвым взглядом окинул все купе.

— Возможно, но навряд ли. — Я отодвинул лежащий на столике журнал, показывая, что готов выслушать случайного попутчика.

— Все возможно. — Вяло махнул рукой Виктор, и присаживаясь на свое место добавил. — Армия — это такая организация, где все когда-нибудь пересекаются или имеют общих знакомых почти во всех гарнизонах. У меня, к примеру, уже пять мест службы поменялось. С Запада на Восток, с Юга на Север... так и узнаешь воочию, как велика страна. Теперь в Москву, и кто знает, куда дальше пошлют.

— В рекламе штатовских Вооруженных Сил имеются слова: «Служа в армии, вы сможете повидать мир», но их мир не намного больше нашего. — Поддержал разговор я, включаясь в традиционные вагонные разговоры, которые по своей откровенности намного превосходят обмен мнениями среди друзей или знакомых. Какая-то грань российского менталитета дает возможность высказать наиболее болезненное или похвастаться перед незнакомыми людьми о том, что даже близким доверить не сможешь. В западных странах такое обычно является признаком плохого тона, но у нас широкая славянская душа плевала с высокой колокольни на трагикомизм подобного общения. Посидели, поболтали, излили душу и на сердце стало полегче, а потом расстались, будто ни когда и не встречались. Плевать, что жуликов в поездах много, но спокойный разговор под перестук колес и покачивание вагона, несущегося сквозь ночную тьму, да еще сдобренный стаканчиком водки, да под общую закуску...

— Юсовцы — придурки. — Виктор поднял перед собою палец. — Для них служба в армии — работа, но не защита своей Отчизны. Наемные рабочие, которые будут выполнять свои функции за деньги и в определенных контрактом бытовых условиях. Если что не так, начнут судиться, бороться за права и требовать от государства их выполнения. Дебилы. Еще ни один вражеский танк не разнес их дом, намотав на гусеницы кишки мирных жителей, еще ни один житель этой долбанной страны не ощутил на себе всех прелестей военного вторжения, а ведь учат других как жить. Не хочешь жить по ихнему, на — получи боеприпас с обедненным ураном на свой дом, не хочешь признавать великие общечеловеческие ценности, на которых зиждется американский мир, на — подымай с голоду. Зажравшиеся ублюдки. Слово такое придумали — политкорректность. Сейчас у них президент негр, а завтра вообще станет непонятное существо нетрадиционной ориентации. И опять будут пытаться учить остальной мир жить по их подобию.

— А что ты хотел от страны, не имеющей истории?

— Честно? — Виктор расплылся в ухмылке. — Чтобы они заткнули свою великую американскую мечту себе в одно место и не учили ни кого жить. У себя мы разберемся сами, и соседи наши разберутся, и другие страны, где еще не профукали такие понятия, как честь, традиции предков и чувство собственного достоинства.

— А если они все-таки добра хотят для других стран, где жизнь труднее и тяжелее? —

неожиданно спросила Светка.

Вы в самом деле в это верите? — Повернувшись к Светке, Виктор изобразил на лице удивление. — Большинству американцев по барабану, что происходит за порогом его дома. Они индивидуалисты, для которых достаточно считать, что если ими уплачены налоги, они свой долг стране отдали, и пусть теперь государство защищает их. То, что мы называем общественным мнением, это практические действия по принятию какого-то политического или экономического решения. Они, как малые дети, верят телевизору, газетам и Интернету. Да ну их. — Виктор повернулся ко мне и, заговорщицки подмигнув, предложил. — Пойдем, покурим?

По тамбуру стелился такой табачный дым, что в пору топор вешать. Двое крепких на вид молодых человека, не выпуская изо рта сигарет, вполголоса обсуждали какую-то Маню, строящую из себя недотрогу. На нас, занявших другую половину маленького отсека для курения, они особого внимания не обратили.

— Мужики, вы хоть бы дверку приоткрыли. Задохнетесь. — Добродушно улыбаясь, произнес Виктор, чуть повернув голову в сторону курильщиков.

— Да мы уже все. — Ответил один из них и, приоткрыв дверь прохода, закинул окурок в грохочущий железом полумрак.

Только мы остались вдвоем, как послышалась мелодия мобильного. Виктор досадливо поморщился и извлек из кармана телефон.

— Да? Погоди. — Он прихлопнул спиной дверку перехода. — Говорите... В Котласе?... Зачем?... Ну, надо, так — надо. Все, отбой связи.

Помолчав минуту, затем, убрав телефон в карман, Виктор с каким-то странным выражением лица посмотрел на меня и негромко произнес:

— Придется скоро выходить. Появились срочные дела.

— Да ты ж вроде в Москву ехал. — Что-то в голове не складывалось.

— Я же говорю — дела. — Он неопределенно взмахнул рукой и неожиданно сказал. — Вообще-то, я — сотрудник особого отдела ФСБ по Архангельскому гарнизону и оказался в одном с вами вагоне не случайно. Просто мне необходимо вас предупредить о некоторых вещах, да и присмотреть, чтобы с вами в дороге ни чего не случилось. Погодите. — Видно Виктор что-то уловил в моем взгляде. — Ваша контора всегда была у нас на виду. Не знаю, обратили ли вы, что в такой серьезной организации, как ваш институт, не имелось штатных представителей нашей службы.

Я неопределенно пожал плечами, одновременно прикидывая, к чему этот разговор. Вербовка? Попытка организации «стукачества» на какого-нибудь сослуживца? Переманивание в свою контору?

— Наша служба негласно курирует все организации, которые занимаются деятельностью подобной вашей. Нам по сути дела плевать на исполнение законности, так как интересы государства выше законов, принятых напыщенными депутатами. К вам с нашей стороны претензий нет, даже не смотря на кучу трупов в Накки-ярви. Они заслужили такую участь, но сейчас речь о другом. Как нам стало известно, ваш отдел расформируют, а институт переподчинят, как и все подобные научные организации, новому руководству, которое станет заниматься только чистой наукой и новыми технологиями. Естественно, что из подчинения министерства обороны их выведут. Что из этого получится? То же самое, что везде и всегда в нашей стране. Надеюсь, пояснять не нужно. Конечно, некоторые перспективные направления мы возьмем под свой контроль, но только те, что представляют

интерес в вопросах безопасности страны. Проект «Накки-ярви» относится к таковым, но наша контора не может напрямую вмешиваться в деятельность различных общественных организаций и структур из-за сложившейся обстановки в стране, хотя ряд мер принимается. Есть мнение, что самым лучшим способом решения проблем, связанных с такой деятельностью, является подбор на ключевые посты честных и порядочных людей, для которых слово Отчизна не пустой звук, которые смогут правильно применить свои силы и умения для того, чтобы государство не захлебнулось в возможном потоке хаоса.

— Это напоминает обычную вербовку. — Я ощутил, как мое лицо расплылось в хищной ухмылке.

— Отнюдь, я с вами откровенен, как молодая прихожанка на первой исповеди. Вас вербовать бесполезно и глупо. Вы нужны таким, как вы есть сейчас. Не мне, не нашей конторе, а государству. Пусть звучит выпендрено, но мы стараемся опираться в работе на нормальных и адекватных людей. И чем их будет больше на различных должностях, постах и в ключевых местах, нам будет проще заниматься именно своими функциями. Не надо ни чего говорить, просто задумайтесь о том, что вы еще не сделали для своей Родины. И еще, мой маленький совет: увольняйтесь из армии пока не поздно, иначе вас просто сожрут или уберут с жизненного горизонта, как носителя многих интересных для различных властных группировок секретов. — Виктор мельком взглянул на часы. — Через полчаса я схожу. Говорить: «до встречи», не буду, но запомните, что я очень рад нашему сегодняшнему знакомству. Кстати, в купе вы до Москвы доедете без соседей — незачем иметь в попутчиках непонятных посторонних пассажиров. И будьте осторожны. Любой передел важной собственности всегда сопровождается чередой внезапных смертей. Удачи.

Фээсбэшник вышел, а я остался в тамбуре обдумывая услышанное. Не маленький тревожный звоночек, а бой тяжелых колоколов. Получается, что почти все силовые структуры нацелились на паранормальные явления, и что самое интересное — не независимо друг от друга. Вроде бы ревнители государственных интересов, но как-то сами по себе, словно противоборствующие банды. А самое поганое, что во всех их действиях люди — не более, чем расходный материал. Самая свара почему-то идет в родном министерстве обороны, но, по всей видимости, и в других структурах взаимоотношения не лучше. Уволиться из армии и стать вольным стрелком, перспектива утопичная. Тут Виктор намекнул правильно, говоря о носителях интересных секретов. Остаться на службе? Но если отдел расформируют, переходить непонятно куда и в чье подчинение, вопрос еще тот. Вернуться в войска? Большого желания нет. Ну, найдут должность начфиза или поставят командиром роты, а дальше? С той дуристикой, что творится в линейных частях, где показуха является самым важным показателем служебной деятельности, даже мельком соприкоснуться не хочется. Ладно, приеду в Москву, а там решу.

В купе Виктор спокойно собирал сумку, а Светка сидела в уголке, уткнувшись в толстый журнал. Увидев меня, она встрепелулась и с укоризной сказала:

— Долго куришь, я уже соскучиться успела.

— До свидания, счастливого пути. — Виктор махнул ладонью и вышел из купе, а через несколько минут поезд начал торможение.

— Он не собирался ехать до Москвы. — Спокойным будничным голосом произнесла Светка, и, внимательно посмотрев на меня, спросила. — О чем вы говорили в тамбуре?

— Да так, — я придал лицу безразличное выражение, — в общем-то, ни о чем. О перспективах военной службы, о королях и капусте, а также об общей обстановке в стране.

Ни чего такого, на чем стоит заострять внимание.

— Ну-ну. — Протянула с непонятной усмешкой девушка и, отвернувшись к окну, почти сразу воскликнула. — Смотри!

По перрону в сопровождении нескольких человек шел Виктор. Повернув голову в нашу сторону, он приветливо помахал рукой, затем резко повернулся и направился к большой черной машине, стоявшей возле въезда на платформы.

Поезд мчал сквозь темную зимнюю ночь, но в вагоне не спали. Та умиротворенность, когда под общей крышей люди выпадают из обыденности в объятья Морфея, не наступала. Шорох шагов по коридору, хлопанье дверей, приглушенные разговоры касались слуха на грани восприимчивости, и сквозь шум вагонных колес, призванный стереть живые звуки в качающийся усыпляющий ритм, слышалась песня. Под гитарный перебор сквозь какофонию дорожного шума доносились слова.

Всхрапнет рысак, разбрасывая снег,
Стук сапожков на мерзлом тротуаре
И девушек румяных звонкий смех...
Еще зима, еще февраль в разгаре
И на дворе стоит галантный век.

Кавалергарды в блеске эполет,
В глазах рябит от пестроты мундиров.
Когда оркестр играет менуэт
Кружатся в танце дочки командиров
И тысячи свечей бросают свет.

В хрусталь, искрясь, шампанское течет
И чей-то взгляд восторженно лучится.
И вот рысак куда-то вдаль несет
По улицам завьюженной столицы.
Кто знает, что там в будущем грядет.

Раскинет небо звездную постель
И ночь навесит аромат желаний.
Нет больше грусти будущих потерь
И ожиданья грустных увяданий,
Как в ясный день не верится в метель.

Всхрапнет рысак, разбрасывая снег
И нежных губ касается дыханье.
И только время продолжает бег
Не веря, что бывают расставанья,
Ведь на дворе стоит галантный век.

— Да ты, Семеныч, романтик. — Донесся чей-то голос. — На дворе уже двадцать

первый век, а тебя все на былое величие России тянет. Нет, я не говорю, что песня плохая, но сейчас немного настроение не такое. Давай что-нибудь наше.

— Без проблем. — Я узнал голос одного из кутивших в тамбуре, когда мы туда выходили с Виктором. — Но это последняя. Потом — спать.

Негромко звякнула гитара, будто ее неудачно перехватили за гриф, и зазвучала песня.

Мы непонятно все-таки прожили,
Вся наша жизнь — лишь яркое сейчас.
Нам не узнать, что будет после нас
И суть не в том, какими раньше были.

Мы видим только то, что рядом есть:
Своих друзей, соседей по квартире.
И грустно прозябаем в этом мире,
Не веря, что других миров не счесть.

Но иногда найдутся чудаки,
Что рвут привычек прежних паутину,
Меняют всем привычную картину
Движением решительным руки.

Пинают плесневелое «всегда»,
Пытаются взглянуть, что завтра будет,
И судят, что за давностью не судят,
И даже побеждают иногда.

Они привычный мир перевернут
И устремятся в даль к чужим мирам.
Будь это рай или черная дыра,
Но все равно они туда придут.

Мы ж временные гости в этом мире,
Но все же, сколько в жизни тех миров
И сколько в них различных чудаков,
Которым тесно в маленькой квартире.

Москва встретила нас легким морозцем и обычной суетой на перроне. Не отягощенные
скарбом, мы без задержек покинули вагон и, не заходя в сам вокзал, стали обходить его в
сторону метро.

— А, золотой мой, давай погадаю, судьбу расскажу. — Вынырнувшая из-за угла группка
закутанных в цветастые платки цыганок целеустремленно направилась в нашу сторону. При
всем моем нормальном отношении ко всем национальностям, проживающим в нашей
стране, да и во многих других государствах тоже, эти настырные, пестро одетые,
представители не отягощенного федеральными законами народа всегда вызывали чувство

настороженности. Даже дело не в том, что они все профессиональные мошенники и кидалы, умеющие выдрать из кошелька обычного человека всю наличность, а именно в способности воздействовать на жертву психологически, с помощью чар, не поддающихся рациональному объяснению. Конечно, годы советской власти и значительные социальные и культурологические изменения в последнее время оказали влияние на жизнь, в общем-то, закрытого от посторонних людей народа, что и сказалось на их возможностях и религиозных пристрастиях, но основные методы получения денежных средств остались прежними.

Я, подхватив Светку под руку, ускорил шаг, но моя ведьмочка неожиданно остановилась.

— Погоди, Сережа. — Она с любопытством посмотрела на приблизившихся цыганок, и ее рука выскользнула из-под моей. В какой-то момент мне показалось, что Светкины глаза позеленели, но девушка уже повернулась в сторону внезапно замолкших гадалок.

Наглые, шумные, достаточно агрессивные в толпе женщины замерли в двух шагах от нас, не предпринимая ни каких попыток приблизиться. На их лицах застыло удивление вперемешку с испугом.

— Ну? Что вы хотели сказать? — В голосе Светки почудились странные модуляции, напомнившие голос зороастрийской богини, которая стала для нас своеобразным ангелом-хранителем.

— Мы... — Начала говорить самая старая цыганка, опуская лицо, но ее прервал представительный смуглый мужчина, одетый в дорожную, тонко выделанную, дубленку, который внезапно появился откуда-то сбоку.

— Что такое? — Он широко улыбнулся всеми тридцатью двумя золотыми зубами и, сохраняя веселое выражение лица, переспросил еще раз, внимательно всматриваясь почему-то в меня. — У вас что-то случилось?

Я было открыл рот, чтобы подступнее послать всю эту шайку-лейку подальше и еще дальше, как ощутил легкое касание Светкиной руки и последующее предупреждающее пожатие, типа — помолчи.

— Ты! — Моя ведьмочка резко развернулась к подошедшему, который, по всей видимости, и был тем самым цыганским бароном, что определяют жизнь в своих общинах. Ее черты лица неуловимо изменились, все больше напоминая то воплощение богини Амеша Спента, а глаза, аж, полыхали зеленым огнем. На груди сквозь одежду появилось светящееся изображение человекоголовой птицы Ахура Мазда. — Хочешь нового проклятия на все ваше племя?

Барон рухнул на колени, и вместе с ним грохнулись на утоптаный снег остальные представители кочевого народа. Редкие прохожие замедляли шаг, чтобы понять происходящее, но, определив в коленопреклоненных людях цыган, сразу же ускоряли ход, стараясь покинуть это место.

— Встаньте. — В Светкином голосе ощутилась неодолимая сила, которой сопротивляться невозможно. Цыгане робко поднялись и замерли. — Вы что-то хотели мне сказать?

Самая старая из цыганок с выражением обреченности сделала шаг вперед и, не отрывая взгляда от Светки, сдавленно пробормотала:

— Прости нас, неразумных детей. Мы ни словом и ни делом ни как не хотели нарушить покой богини. Просто многие давно уже не верят в то, что боги есть. Вся наша жизнь, которой мы гордимся, и весь наш жизненный уклад, который основан на свободе от чужих

помыслов, некоторыми глупцами понимается, как презрение к образу жизни других людей. Не гневись, богиня, мы ведь тоже твои дети, хотя и не очень послушные и разумные.

— Хорошо. — С этими словами на Светкиной груди погасло золотистое сияние Ахура Мазда, а ее внешность приняла обычное выражение. — Идите своею дорогой.

Заметное напряжение на лицах цыган сменилось радостными улыбками. Однако незримую дистанцию в два шага от нас они не нарушили, но и уходить не собирались. Старая цыганка приблизилась к Светке и в поклоне проговорила:

— Изволь погадать твоему кавалеру. Глядишь, и старуха Земфира чем-то поможет, об опасности какой предупредит.

— По руке? — В глазах девушки заиграли бесенята.

— Конечно, ведь на ладони вся судьба записана.

Я не то чтобы не верил в хиромантию, но большого доверия к ней не испытывал. Дело не в правильности результата, а в умении толковать увиденное. Сами линии, бугорки и другие метки на ладони дают только поверхностный слой знаний, исходя из которых можно сделать общие выводы. Тысячи дилетантов с умным видом «определяют» судьбу по размерам складок кожи и зачастую потом удивляются отсутствию правильного результата, придумывая сходу новые толкования. В принципе, это касается всех видов гадания. Только обладающие экстраординарными возможностями люди могут не просто прочесть увиденные знаки, но и связать их с десятком параметров выходящих за рамки обычного восприятия. Взять, к примеру, нервные окончания, выходящие к коже, кроме осязательных и болевых сигналов они дают информацию о происходящем в глубине организма, они воздействуют на состояние ауры человека и именно они являются той сенсорной системой, которая служит одним из способов связи с тонким миром. А ладонь можно сравнить с радаром, но ограниченного действия.

Цыганка осторожно развернула мою кисть к своему лицу и, чуть подслеповато щурясь, начала подушечками пальцев водить по линиям ладони, словно сканируя ее. Местами казалось щекотно, иногда ощущалось легкое жжение, а на некоторых участках кожи возникало чувство тепла и горячие волны порою достигали плеча. Делала все старуха молча, лишь иногда тяжелый сиплый выдох вырывался из ее горла, будто она тащила на себе неподъемную тяжесть. Светка и обступившие нас цыганки внимательно смотрели на действия Земфиры, в глазах некоторых отчетливо читалось изумление, но у большинства на лице застыл благоговейный ужас.

— Твоя работа трудна и очень опасна. — Заговорила тихим голосом цыганка, прижав свою ладонь к моей, и упершись невидящим взглядом в лицо. — Да только нравится она тебе. Без нее тебе жить будет тяжело, а жить тебе предстоит долго. Впереди будет очень много опасностей, которых не преодолеть без поддержки Ахура Мазда и воинства Амеш-Спента. Но стоит тебе предать ее, как вся твоя жизнь может превратиться в ад. Ты — воин, и твоя цель жизни должна быть служением богине. — Цыганка на несколько мгновений замолкла, словно прислушиваясь к чему-то, затем заговорила вновь. — Очень скоро в твоей жизни произойдут большие изменения, от которых зависит вся твоя дальнейшая судьба. Через несколько дней ты должен уехать домой и там начнешь новую жизнь, в которой тебя поведет богиня с изумрудными глазами.

Она оттолкнула мою ладонь, и в ее глазах появилось осмысленное выражение. Чуть подслеповато щурясь, цыганка посмотрела на меня, словно увидела в первый раз, и глухо произнесла:

— Берегись тех, кто сейчас решает, что тебе делать дальше. Не верь тем, кто дожидается тебя в зеркалах.

Маленькими шажками старуха отошла к своим соплеменницам и оттуда сипло прошипела:

— Береги свою богиню!

Странно, при всей своей недоверчивости к этому племени, я ощутил какую-то уверенность в правильности произнесенных слов. Как будто перед глазами чуть-чуть приподняли тяжелый непрозрачный занавес, и на мгновение открылся неизвестный опасный, но в то же время и прекрасный мир.

Нежное прикосновение к локтю и Светкин голос:

— Сережа, что она тебе сказала?

— А ты что, не слышала? — Я удивленно посмотрел по сторонам, но ни каких цыган вблизи не увидел. — А где они?

— Ромалы? — В глазах девушки мелькнули зеленые огоньки. — Да уже, наверно, к перрону подходят.

Ни чего себе! Я в раздумье потер подбородок, затем хлопнул по карману. Бумажник на месте, кейс с документами при мне. Станные какие-то цыгане.

— Так что она тебе сказала?

Я постарался повторить услышанное от старухи. К своему удивлению, смог это сделать почти дословно, и даже повторив интонации, которые уловил в голосе Земфиры. Глядя, как удивленно открывается Светкин рот, я переспросил:

— Ты ни чего не слышала?

— А что я могла услышать? Старуха взяла тебя за руку, и так молча простояли, смотря друг на друга. Я уж подумала, что что-то не так. Особенно, когда старая Земфира ушла, а ты остался стоять неподвижно. Хорошо, ощутила, что с тобой все в порядке, а то я им устроила бы аутодафе. — Светка хищно улыбнулась, но ее глаза лучились весельем.

— Беречь тебя наказывала. — Произнес я, подхватывая девушку под руку. — Поехали домой, там поподробнее расскажу, а то здесь обстановка не очень...

Я оборвал фразу, поняв, что, и в самом деле, в воздухе повисла какая-то напряженность. Стараясь не выдавать своей настороженности, незаметно огляделся. Вроде бы все нормально, но своим чувствам и ощущениям я всегда доверяю. Любая мелочь, любое несоответствие обстановке — все складывается в подсознании, вызывая ощущение тревоги или дискомфорта. Еще не выявлен источник опасности, ее направление или степень угрозы, а тело готово к действию на рефлексх, органы чувств заработали в предельном режиме, сканируя все вокруг. Именно такая способность дает возможность выживать в самой сложной обстановке, но сами собой такие инстинкты у человека давно размыты и частично утрачены в поколениях относительно спокойной жизни. Нужны годы тренировок и экстремальной практики, чтобы уметь так реагировать. Да, я сейчас не на боевой операции, но и в Москве, да и не только в ней, порою от человека требуются иной раз запредельные способности для выживания.

— Ты что? — Светка ощутила мое состояние, и в ее голосе почувствовалось небольшое напряжение.

— Не нравится мне здесь. — Я отеснил девушку поближе к стене и, прикрывая собой со стороны открытого пространства, быстро повел в сторону улицы, ведущей к метро. Слишком пусто на этом участке у вокзала, где мы представляем идеальную мишень для кого

бы то ни было. В толпе укрыться проще.

Моя ведьмочка согласно кивнула и прибавила ходу. Ее глаза угрожающе позеленели. Ставший за последнее время привычным, аромат цветущих лилий разнесся в морозном воздухе. За мусорными баками, стоящими в закутке впереди нас, раздалось громкое айканье. Затем между ними мелькнула человеческая фигура, и на заснеженный асфальт упало черное долгополое пальто. Через мгновение из него выскочил здоровенный рыжий котяра, который оглашая окрестности протяжным мяуканьем, переходящим в утробный вой, большими скачками понесся к ближайшему жилому дому. Всего две или три секунды, и этого мохнатого недоразумения простыл и след.

— Кошак. — прокомментировал я случившееся, явно ощущая, что гнетущее чувство тревоги пропало.

— Не простой кошак. — Светка подошла к мусорным бачкам и ногой пошевелила брошенное на снег пальто. — Разве могут простые киски, даже такие упитанные, разгуливать в одежде?

— Киски — нет. — Я уже представил, что скажет моя подруга, и не ошибся.

— В институте мне приходилось видеть оборотней. Да и в «Гнезде дракона» тоже. Мне кажется, что сейчас мы видели такого же представителя нечисти. — Она зацепила ногой за воротник пальто и немного его потянула на себя. Стали видны торчащие из-под полы брючины. — Интересный комплект для выбрасывания на помойку.

Сбоку нарисовалась фигура бомжа. В том, что этот представитель хомо сапиенс и является оным, стало ясным с одного взгляда. Одежда, запах, выражение бородатого немывтого лица — все признаки низшего социального сословия человеческого рода, не желающего переходить из последней стадии деградации к нормальному образу жизни.

— Оставь для убогого. — Скрипящим голосом проговорило это существо, только по антропологическим признакам считающееся человеком. — Тебе, дамочка, такая обнова ни к чему, а мне пригодится.

Светка брезгливо сморщила рот и инстинктивно отступила назад, почти прижавшись ко мне. Бомж сноровисто подхватил одежду, свернул и быстро упаковал в извлеченный из кармана пакет. При этом он успел обшарить карманы пальто. Содержимое карманов вызвало у него недовольное восклицание. Несколько красочных визитных карточек и небольшой моток шерсти оранжевого цвета и больше ни чего.

— Жмотье! — В раздражении бомж бросил «трофеи» на снег и быстро удалился, скользнув в приоткрытое окошко вокзального подвала.

— Сережа, смотри. — Светка отвлекла меня от брезгливой оторопи, вызванной появлением этого персонажа российской жизни. Девушка ковырнула носком брошенные визитки, одна из них перевернулась, и даже стоя я смог прочитать надпись на одной из них: «Добро пожаловать в Накки-ярви!».

— Пойдем отсюда. — Я подхватил Светку под локоть и потащил ее в сторону метро. Девушка не возражала, но на ее лице отчетливо отразился какой-то мысленный процесс. Да и замолчала почему-то сразу же после моих слов. Ничего, приедем домой, она выскажет свои мысли и сомнения, а я — свои.

Да только мысли у меня немного разбегаются. Слишком непонятно многое, а делать досужие выводы не хочется. Странные цыгане, помойный кот, бомж, визитка. Можно ли это связать воедино? Или это события не взаимосвязанные друг с другом? Есть над чем подумать, хотя интуиция кричит, даже вопит истошным гласом. А еще непонятки по поводу

дальнейшей службы. Нет, тут я себе вру. Не озвучил, но уже настроился на увольнение в запас, и единственное сомнение вызывает специфика деятельности в последние годы. Не верится, что просто так отпустят на вольные хлеба. Наверняка постараются захомутать для дальнейшей работы во благо страны. Есть подозрение, что даже в нашей конторе бывших не бывает. А что это значит? Ладно, завтра на прием к генералу, а там, думаю. Окончательно станет ясно.

До дома мы добрались без происшествий. Светка всю дорогу мочала, вроде бы погруженная в свои мысли, но я ощущал, что ей не терпится высказать свое мнение по поводу странных событий, произошедших после выхода из поезда. Но даже дома, к моему удивлению, она ни чего конкретного не произнесла и, лишь со смущенной улыбкой, предложила сходить к штабу и доложиться о прибытии.

— Ты отнеси документы, а то дома держать их не стоит. — Добавила моя ведьмочка. — Чует мое сердце, что пока мы отсутствовали, у тебя на работе появились интересные новости.

— Ты думаешь? — Я немного удивился предложению моей ведьмочки. Что-то настойчиво она меня из дома выпроваживает, а ведь только минут двадцать прошло, как мы зашли в квартиру.

— Я знаю. К тому же, я хочу немного погадать на свечах, а ты мне будешь мешать.

Я мешать? Но высказать свое отношение к Светкиным словам я не успел. За ее спиной неожиданно появилась зороастрийская незнакомка и, укоризненно покачав головой, показала рукой в сторону лестницы.

— Ладно, но я недолго. — Шагнув в коридор, попытался приблизиться к довольно улыбающемуся образу богине, но та сама шагнула мне навстречу и словно приведение прошла сквозь меня, обдав запахом цветущих лилий.

Улыбчивые ребята с внимательными глазами чувствовали себя на КПП хозяевами. Погоны прапорщика или сержанта ни о чем не говорили, под пятнистой курткой могли прятаться любые офицерские погоны, но с синим просветом. Это ощущалось по их повадкам и отсутствию хамоватости, присущей солдатам, которые получили какую-то власть над теми кто их гонял как сидоровых коз по плацу или на тактическом поле. У этих высшее образование и манеры так и перли, несмотря на видимость невысокого чина.

— Дежурный по КПП прапорщик Васильев. — Представился один из них и тотчас спросил. — Цель вашего визита?

— Я-то здесь служу, а, вы, с какого подразделения? — Включаю дурака по полной. — Где ваша повязка? И вообще, почему пропускной режим осуществляют лица не знающие офицеров отдела? Кто ваш командир подразделения?

Мой начальственный рык если не произвел должного впечатления на этого явного лже-прапорщика, то две личности в сержантских погонах немного задержались, а один из них машинальным движением даже одернул полы куртки.

— Данный объект со вчерашнего дня передан под охрану нашей воинской части. — Невозмутимо ответил человек, представившийся дежурным. — Пропускной режим изменен. Проход на территорию только согласно списка, подписанного начальником караула. Предъявите, пожалуйста, документ удостоверяющий вашу личность. Если вы есть в списке, то мы вас пропустим.

— А откуда ваш начкар знает списочный состав отдела? — Поинтересовался я, доставая удостоверение личности с вложенным в него командировочным предписанием. Тот в ответ пожал плечами и внимательно рассмотрел документы. Затем сверился с обтянутым файлом планшетом и произнес:

— Извините, но вашей фамилии в списке нет. Прошу вас подождать прибытия начальника караула. — Электронные замки на дверях защелкнулись и стекло, отделяющее дежурку от прохода, резко опустилось.

В кабинете Паука стоял полумрак, только свет от уличного фонаря тускло вливался через единственное двухстворчатое окно. Сам Прошкин, наплевав на все запреты, курил, стряхивая пепел в пустую консервную банку.

— Вся эта фигня началась на следующий день после твоего отъезда. Сначала не появился шеф, затем приехала группа из военной прокуратуры и нас всех собрали в классе для совещаний. Соблюдители законности, мать их вашу. — Паук выругался, затушил сигарету, и его рука снова потянулась к пачке. — Пока нам песочили мозги о якобы грубых нарушениях законности и финансовой дисциплины, они опечатали все остальные помещения и сменили караул. Потом их старший, который из главной военной прокуратуры, объявил, что Свиягов находится под домашним арестом, а вся наша контора после проведения ревизии будет расформирована. — Прошкин залпом выпил, налитый в стакан коньяк. — Представь, наш отдел расформировывают. И делают это очень спешно. Уже всем заправляют пришлые из генштаба. В кадрах вообще устроили беспредел: либо — в запас, либо — в Северо-Кавказский округ. Гражданский персонал отправили под подписку в оплачиваемый десятидневный отпуск, и обязали явиться не раньше срока окончания отпуска. Все научные эксперименты прекращены, а военнослужащие каждое утро прибывают в учебный центр на развод, где выдаются пропуска сюда в отдел. Кому пропуска не выдали, те обязаны находиться в учебном комплексе весь рабочий день для занятий по строевой, уставам, физической и государственной подготовке. Там один хрен из Управления боевой подготовки изгаляется. Тебе сегодня повезло. Если б я не находился в тот момент в караульном помещении, когда ты пришел на КПП, то, скорее бы всего, тебя захомутали бы в комендатуру для выяснения личности. Сам понимаешь: гауптвахта, беседы с представителями компетентных организаций, прочие потягушки времени. Продержали бы допоздна, а затем предложили бы прибыть с утра в учебный центр на развод на занятия. Есть еще одна неприятная тенденция. — Паук заговорил почти шепотом, настороженно поглядывая на входную дверь. — Всех, кто был задействован в Питере, почему-то в отдел кадров не вызывают. Штатных офицеров и прапорщиков дрессируют в учебном центре, будто им завтра итоговую проверку сдавать, а прикомандированных, вроде тебя, потихоньку возвращают в свои части. Кто-то упорно распространяет слухи, что направление работы института не укладывается в новую военную доктрину и министерство обороны почти все подобные проекты сворачивает. Так сказать, идеологическое обоснование ликвидации нашего отдела и института. Тебе знать не положено, но наш куратор из министерства обороны неожиданно умер. То ли инсульт, то ли инфаркт, хотя краем уха я слышал, что он якобы повесился. Свиягов сам был простым исполнителем ряда проектов, а рулил всей нашей деятельностью один очень хитрый генерал из оперативного управления. И так во время он умер.

— Мне кажется, что он не последний. — Тихо выразил я свое мнение.

— Конечно. Кто-то очень озабоченный нашей деятельностью начал резко рубить все концы. И мне кажется, что все мы, кто так или иначе занимался питерскими делами либо получим случайный инфаркт, либо сядем в тюрьму без шансов выйти оттуда живым, либо будем вынуждены менять работодателя.

— По-моему ты малость преувеличиваешь, да к тому же это не пьяный разговор. — Я кивнул на вновь налитый стакан.

— А я специально под вечер по пол пузыря закачиваю, пусть видят, что тупой по жизни майор еще и пьянь. Глядишь, как тупорылого придурка уволят и оставят, в конце концов, в покое.

Да, в покое. Именно таких и упокоивают в первую очередь, чтобы по пьяне языком не трепали. Нет, майор, не ту тактику ты выбрал.

Я уже хотел высказать свою мысль Прошкину, как тот неожиданно посмотрел на меня абсолютно трезвым взглядом и очень тихо, почти на грани слышимости, произнес:

— Правильно думаешь. Пускай так думают и другие. Я послезавтра уеду очень далеко, и пусть меня ищут до морковкиного заговенья. И подарочек приготовил прекрасный. Все материалы по Питеру я случайно сжег вместе с текущими документами оперативного планирования, а там почти все было в единственном экземпляре.

Лицо Паука исказилось в злой усмешке, затем он звякнул стаканами и, громко рыгнув, проговорил:

— Ладно, Серега, пора по домам. Отосплюсь, и завтра же рапорт на увольнение по оргштатным изменениям. Достало все, буду огурцы в деревне выращивать.

На улице тускло светились фонари, обрамленные желтым морозным ореолом, и безлюдная территория института казалась какой-то мертвой зоной. Словно весь комплекс выдернули из жизни и поместили в потустороннее пространство. Скрип снега под подошвами, казалось, разносился на десятки метров, но даже он казался безжизненным.

— Во-во, — Прошкин прислушался и повернул ко мне голову, — умер наш объект. Можно его вычеркивать из современной истории. Сначала сплавят нас, затем начнут разворовывать имущество, а потом и землю продадут под какой-нибудь коммерческий проект.

Зато за КПП сразу же ощутилась Москва. Шум мчащихся автомобилей, громкая музыка, обрывки разговоров — все обрушилось мгновенно, словно мы пересекли невидимую границу.

— Ну, бывай. — Майор махнул рукой и широким шагом двинулся к переходу.

Я запоздало взмахнул в ответ и достал почти пустую сигаретную пачку. Завертел головой, высматривая ближайший киоск, но едва повернулся в сторону светящегося яркими огнями стеклянного стакана с вывеской «Пиво и сигареты — круглосуточно», как за спиной сквозь рев мотоциклетного двигателя послышался специфический звук, который ни с чем спутать невозможно. Мимо торпедой пролетел мотоциклист в полосатом шлеме и скрылся среди потока машин.

— Твою бого-душу мать! — Разнесся бешеный вопль Паука. — Дебилы мотоциклетные! Я вам ниппеля в задницу закручу! Убью заразу!

Вид у Прошкина был еще тот. Синяя клякса краски стекала со лба на лицо, а другая метка красовалась на груди. Сам майор, размазывая краску по лицу, уже матерился похлеще пьяного извозчика.

— Давай, я тебя до дома доведу. — Я аккуратно, чтобы не вымазаться в краске,

подхватил вопящего Паука за локоть и одновременно сунул ему в руку носовой платок. — Вытри лицо.

— Ты видел, что сделал этот debil?! — Возмущенно проорал майор, стараясь протереть заляпанные глаза.

— Успокойся. — Чтобы утихомирить разбушевавшегося майора, мне пришлось его немного встряхнуть. — Пошли быстрее отсюда.

— Да какого хрена...

— Два выстрела. Один в район аорты, другой — контрольный в голову. На твоё счастье — пейнтбольными шариками, а не пулями.

Я потащил замолкшего Прошкина через переход. Тот на какое-то время замолк и, неожиданно успокоившись, спросил:

— Типа, последнее предупреждение?

— Типа, да. — Внезапное прозрение Паука меня особо не интересовало. И так все ясно, как божий день. Бывшего начопера списали. Скорее всего, в кабинете стояла прослушка, и наш сегодняшний разговор стал той последней каплей, которая включила демонстрацию покушения. Наверняка просчитан психологический портрет майора, и его реакция на подобные действия. И становится понятно, что после такой демонстрации, у него остается только один вариант. Как там он откровенничал: уезжать в деревню выращивать огурцы... и ни в коем случае из той деревни и носа не высовывать. — Тебе наглядно показали, что для здоровья лучше тихо уйти в отставку и вернуться в родные пенаты. Сдается мне, что в слишком серьезные игры мы заигрались. Все как-то слишком резко...

— Во-во, слишком резво. — Перебил меня Паук. — Пошли они все... Ладно, я сам дома дойду. Прозрел и дорогу вижу. Жаль, что до пенсии чуть-чуть не хватает.

— Сдается мне, что будет у тебя пенсия, только персональная и разовая.

— Шутник. — Майор кисло улыбнулся и крепко схватил меня за руку. — Все, бывай. Тебе завтра в учебный центр, а я — в кадры, пенсию выпрашивать. Прощай.

Прошкин резко развернулся и быстрым шагом пошел в сторону дома.

В кабинете начальника учебного центра находилось три человека, но все они к родному министерству обороны ни какого отношения не имели, хотя один из них носил на плечах полковничьи погоны с синими просветами. Главное место за столом занимал худощавый мужчина, одетый в дорогой темный костюм. Его породистое лицо казалось непроницаемым для любого проявления эмоций, но в глазах при моем появлении промелькнуло какое-то выражение, как у кота, углядевшего жбан со сметаной. Остальные сидели на приставленных сбоку стульях и с невозмутимым видом просматривали какие-то бумаги.

— Присаживайтесь, Сергей Иванович. — Выслушав мой доклад о прибытии, мужчина кивнул в сторону свободного стула напротив его стола. — Возможно, разговор с вами займет достаточно много времени.

Я присел на предложенное место и при этом постарался незаметно оценить ситуацию. Сегодня, а скорее — сейчас, должна решиться моя дальнейшая судьба. Не зря меня с утреннего построения выдернули в этот кабинет, когда всех остальных бедолаг отправили сдавать нормативы по преодолению полосы препятствий. О случившемся с Пауком и других неприятностях института Светке я говорить не стал, но в положенное время прибыл в учебный центр, пообещав своей ведьмочке решить все вопросы об увольнении за один день. И как в воду глядел. Рабочий день только начался, а уже на беседу вызван.

— Меня зовут Владимир Михайлович, я работаю в администрации президента Российской Федерации. — Представился мужчина. — Здесь же присутствуют люди, имеющие непосредственное отношение к вопросам безопасности страны и высших лиц государства. Их пока представлять не буду, но если наша беседа придет к приемлемому результату, то они сами вам представятся.

Он развернул перед собой толстую папку, на обложке которой я успел разглядеть свою фамилию. Оперативно. Только вчера вечером я сдал свое личное дело в институт, а сегодня утром оно уже здесь.

— Мы ознакомились с вашим послужным списком и теми документами, которые хранились в отделе и не подлежали хранению в личном деле. Даже на основании бумаг можно сделать выводы о том, что вы отличный офицер и профессионал, но те вопросы, что мы хотели бы с вами обсудить, требуют взглянуть на вас воочию. — Владимир Михайлович отодвинул папку от себя и, слегка наклонив голову, уперся взглядом в мое лицо. — Вы, наверно плохо представляете, что, ввязавшись в события последнего месяца, влезли в сферу интересов нескольких мощных структур. Именно ваше появление в Санкт-Петербурге послужило катализатором, выявившим отношение этих структур к проблеме Накки-ярви. Нам многое стало ясно, и теперь сия проблема стала проблемой руководителя государства. Наличие такого места на территории страны может повлиять на все политические расклады, как в России, так и во всем мире. Даже поверхностный анализ последствий, если станет известно об Накки-ярви определенному кругу лиц, я не говорю о всеобщей известности, может привести к катастрофе, сравнить которую можно с Апокалипсисом. В настоящий момент все, что касается Накки-ярви, отнесено к высшей категории секретности, и допуск к этим сведениям определяется лично президентом. Для тех, кто уже имеет какую либо информацию о данном феномене составлена специальная программа по предотвращению утечек. Вы — один из тех, кто знает многое и... — представитель администрации президента сделал паузу, — у вас есть два пути. Первый — никогда и нигде даже не вспоминать об увиденном и услышанном, плюс ряд ограничений в виде запрета на контакты и выезда за пределы страны. Второй — продолжить работу в данном направлении, но для решения задач, сформулированных лично руководителем государства. Настала пора принимать решение.

Владимир Михайлович замолчал и начал демонстративно листать мое личное дело.

Лукавит этот представитель высшего эшелона власти, тут и к бабке не ходи. Один путь или больше двух, никакого значения не имеет. Нужен я им, да только способ привлечения к решению их задач выбран какой-то неправильный. Ведь прекрасно понимают все сидящие в этом кабинете, что высокими словами и упоминанием президента меня не проймешь. Нет в душе щенячьего восторга от громких слов и должностей, а есть большая мера цинизма и недоверия к власти имущим. Сидящего передо мной человека дураком назвать нельзя, да и его спутники даже на самый поверхностный взгляд выглядели слишком серьезно. В чем здесь подвох? Тут даже не логически, а на уровне подсознания становится понятно, что подвох есть. Хотя вывод может лежать на поверхности. Может они ждут не только моего ответа, а еще и моей реакции, как на немного пространное предложение, так и при озвучке своего решения.

Небольшое напряжение, что возникло в начале разговора, отпустило. То подсознательное решение, что я носил в душе последние дни, но не хотел себе в нем признаваться, дало шанс реализоваться. «Вольным стрелком» не стать все равно, но и потерь

будет меньше.

— Какова будет моя роль? — озвучил свое решение.

— То есть, вы согласны. — полу-вопрос, полу-утверждение прозвучало в голосе Владимира Михайловича.

— В принципе — да, но меня интересует статус.

— Достаточно высокий, на порядок выше настоящего. Из армии вас уволят по организационно-штатным мероприятиям и назначат с состав администрации президента. О характере работы узнаете после собеседования с полковником Ивановым. — Кивок в сторону полковника. — Еще два дня на решение вопросов по расчету с Вооруженными Силами, и начнем работать. — Представитель президента передвинул папку с личным делом полковнику и встал из-за стола. — Я вас покидаю, но приказ об увольнении выйдет сегодня, а приказ о зачислении на новую работу — сегодня вечером. До свидания.

Едва за Владимиром Михайловичем закрылась дверь, в дело вступили остальные.

— Касьянов Дмитрий Сергеевич, заведующий отделом специальных проектов. — Представился гражданский. — А это — полковник Иванов Егор Иванович, специалист по вопросам режима секретности. Раз вы согласились на предложение, то нам есть о чем поговорить.

Он сделал паузу и выжидательно посмотрел на меня, но игры в гляделки не получилось. Стоило нам встретиться взглядами, как прозвучал вопрос.

— В чем была главная ошибка господина Урманского?

Да, вопрос, конечно, интересный. А интересен лишь тем, что у сидящего передо мною человека наверняка уже имелось свое мнение об Инквизиторе.

— Покойный, — я подчеркнул это слово, — был хорошим администратором и не плохим финансистом, имел авторитет среди тех, кого можно назвать иными видами существ, если можно так характеризовать всякую нечисть и нежить. Не зря его величали Инквизитором — ведь он возглавлял филиал ордена на северо-западе страны. Только этого оказалось недостаточно. Он окружил себя не теми людьми. Именно они его и подвели, а точнее — предали. Вячеслав, некоторые сотрудники института и, наверняка, кто-то из колдовской братии не только сливали информацию налево, но и подставляли своего шефа в решении кое-каких вопросов. Кроме доморощенных спецслужб за ним наблюдали не только олигархи и криминал, но и, наверняка, иностранные представители.

— А как можно исправить сложившуюся ситуацию?

— Очень просто. Поставить во главе той общественной организации, что возглавлял Урманский, своего человека, на место Инквизитора другого своего человека, но чтобы они знали, каждый, свою нишу, заменить руководство института и во всех этих трех структурах провести кадровые чистки. Одновременно через средства массовой информации кинуть дезу для остальных. Я думаю, что сейчас вы этим и занимаетесь.

— Мы занимаемся. В том числе и вы. — Послышался голос полковника. — А так вы сказали почти правильно.

— Егор Иванович! — С каким-то упреком в голосе произнес Касьянов. — Детали обговорите потом, в Питере. — Затем он снова уставился неподвижным взглядом в мое лицо и спросил. — Вы в бога верите?

— В какого? — Переспросил я, пытаюсь понять, в чем тут подвох.

— В Иисуса Христа, конечно.

— В бога — да, а что касается персоналий, то у меня сложилось мнение, что в этом

направлении слишком велик выбор. Даже, говоря о христианстве, иной раз задумаешься, что же это такое. Иудейская ересь или религиозный ревизионизм? Почему тогда не иудаизм? Что правильнее: православие, католичество, лютеранство, баптизм или какое другое течение? По моему мнению, для разных групп людей существуют различные теологические представления. Менталитет, образ жизни, исторические традиции, идеология — вот слагаемые выбора религии. Смысл любого обращения к богу, это — вера, а мы верим в черт знает что. Знания людей несовершенны, наука делает прорывы только в определенных направлениях, то, что не входит в официально признанные постулаты, замалчивается или подвергается остракизму. — Я перевел дыхание, а на лицах моих собеседников возникло удивленное выражение. — Я верю. Верю в то, что кто-то или что-то есть. Назвать его можно как угодно: Иисус, Яхве, Будда, Заратустра, Аллах или еще как-нибудь, но название не есть суть. Вопрос веры напрямую связан с личностью человека, его воспитанием, отношением к окружающей действительности, нравственными и моральными принципами. Вот только я не могу воспринимать ту прослойку, которая монополизирует право быть посредником между человеком и богом. Мне не нужен чиновник от какой либо религиозной конфессии, который станет решать, во что и как мне верить. Мой опыт дает право верить и в паранормальные явления, не объяснимые наукой, но в религиозные постулаты они не всегда укладываются.

— Bravo! — Касьянов изобразил несколько хлопков в ладоши и еще один вопрос. — Насколько вы считаете опасной запредельную зону в Накки-ярви?

— В другом конце туннеля?

— Да. И возможно ли распространение той опасности в наш мир?

— Дмитрий Сергеевич, я там был всего два раза, и каждый раз возникали проблемы. Проблемы, связанные с людьми из нашего мира. — Коль пошла такая пьянка, режь последний огурец. Я постарался быть до конца откровенным. — Там для нас ни чего не понятно и не известно. Вывод: очень опасно, но при определенных условиях выжить можно. Что касается вашего второго вопроса, мое мнение может оказаться субъективным, но если мы сами не захотим, ни что оттуда не вылезет. Однако, нет гарантий, что какой-нибудь монстрик не выползет в другом месте. Тот мир связан с нашим не одной точкой. Только на поляне с арками-переходами находится этих переходов несколько штук, и как они взаимосвязаны ни знает ни кто. А сколько еще таких мест на земном шаре?

— Спасибо за откровенный ответ, ваша точка зрения будет учтена. — Касьянов аккуратно сложил лежащие на столе бумаги в папку и протянул мне визитку. — Когда рассчитаетесь с армией, позвоните по последнему телефону, и добро пожаловать на новую работу. Вопросы?

Вопросов, конечно, хватало, но вряд ли я получил бы на них ответ. Хотя...

— Когда я получу выписку из приказа об увольнении? И все вопросы мне придется решать не здесь, а в институте, значит, мне нужен пропуск на его территорию.

— Без проблем. — Полковник достал из своей папки конверт и протянул в мою сторону. — Там выписка и пропуск на двое суток. Когда все закончите, сдадите их начальнику караула.

Я внимательно прочитал выписку из приказа об увольнении. Все, как положено. Номер, сегодняшняя дата, подпись, печать. Оперативно. А ведь обещали только к вечеру.

— Приказ состоялся бы в любом случае. — Спокойно пояснил Иванов. — Лично для вас вопрос увольнения стоял однозначно, различие лишь в формулировке. Для носителя таких знаний смысла в продолжении службы в войсках нет, а все сходные структуры в

Минобороны мы расформировали с последующей передачей в наше подчинение. Я могу извиниться за то, что мы сделали выбор за вас, но сами понимаете — режим полной секретности.

— Не надо. Вы все равно угадали. Идти в войска в период военной реформы, это не лучший способ продолжения профессиональной деятельности. — Тут и так ясно, что новые работодатели все просчитали до мелочей, но, все равно, на душе остался какой-то неприятный осадок: женили без меня... — Только, пожалуйста, постарайтесь согласовывать подобные решения со мной лично и заранее.

— Учтем. — Полковник встал, бросил короткий взгляд на часы. — К сожалению, время уходит, а нам предстоит еще много дел. До свидания.

Пожимать руку на прощание не стал, да и предложено не было, но когда я подошел к двери, то услышал голос Касьянова:

— Сергей Иванович, вы не возражаете, если одним из ваших помощников мы предложим стать капитану Ходкову?

— Если только он сам будет не против. — С этими словами я вышел из кабинета.

Понедельник — день тяжелый. Особенно, если он приходится на первый рабочий день на новом месте. И в новом, неизвестном для себя качестве.

— Сергей Иванович, это перечень мероприятий на текущий месяц. — Фелиция качнула своим необъемным бюстом, протягивая лист с распечаткой и стопку черных визиток. — Наиболее важные отмечены жирным шрифтом. И ваши визитные карточки.

Я посмотрел на свою секретаршу, но лицо девицы-накки казалось бесстрастным, лишь в ярких зеленых глазах ощущалась какая-то грусть. Отведя взгляд, протянул руку к стопке визиток и поднял верхнюю. На черном фоне карточки рельефными готическими буквами, выделенными серебряным цветом, красовалась надпись: «Фонд „Северо-Западный регион“. Руководитель центра социальной и психологической реабилитации Рябов Сергей Иванович». Ниже, в столбик, — перечень из шести телефонных номеров. На обратной стороне визитки имелся рельефный рисунок, напоминающий пентаграмму, точно такой же, что и на печатке перстня, полученного мною перед выездом из Москвы, поверх тонкими серебряными линиями скалился силуэт собачьей морды с факелом в зубах.

Вспомнились слова Касьянова, вручившего это массивное украшение: «Таких перстней не более двух на каждый федеральный округ, в Москве их чуть больше. Это не просто символ невидимой власти, это еще и напоминание об ответственности за принятые решения. Один у вас, а второй у того человека, который будет работать с вами в связке и выполнять ваши функции в случае вашего отсутствия». Знак Инквизитора полученный из рук представителя администрации президента. А где же Церковь? Или теперь вопросы нежити и нечисти попадают под функции государства? Чем не нонсенс?

— Фелиция, я пригласил для встречи несколько человек.

— Они в приемной, у Ивана.

— Приглашай и организуй для всех кофе. — Накки кивнула. — И еще, для тебя участие в таких встречах также обязательно.

Ждать долго не пришлось. Зашли они все вместе.

Дядя Арчил, а точнее — директор Светкиного НИИ доктор медицинских наук Мاستурадзе Арчил Филиппович. На пальце его руки красовался перстень с известной печаткой.

Светка, которой предстояло возглавить новый отдел института по работе в Накки-ярви. Моя ведьмочка счастливо щурилась, потирая новое обручальное кольцо на правой руке. Ведь я обещал ей медовый месяц провести на базе в Накки-ярви.

Иван, бывший помощник Урманского, а теперь мой заместитель по правовым вопросам, и одновременно старший менеджер по связям с общественностью. Правда, кроме общественности он должен заниматься связями с большим количеством государственных и не только организаций.

Ходуля, он же начальник службы безопасности и комендант правительственного объекта «Накки-ярви». Что поделать, но для «президентской дачи» необходим именно такой волчара.

Последней зашла Фелиция. Мои глаза и уши среди нелюди и нечисти. Официально — мой референт. Только почему-то этот референт постоянно бросала удивленные взгляды за спину Светке, где небрежно облокотившись на журнальный столик стояла, пока невидимая для большинства присутствующих, зеленоглазая женщина — одно из воплощений бога Ахуры Мазда — моя Амеша Спекта.

Моя команда. Мне с ними работать. С теми, кто посвящен в тайну Накки-ярви и будет обеспечивать жизнь этого очень загадочного места.

Больше книг на сайте - Knigolub.net